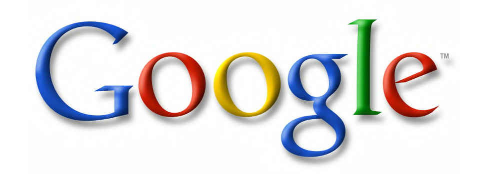
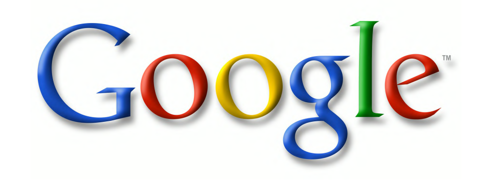

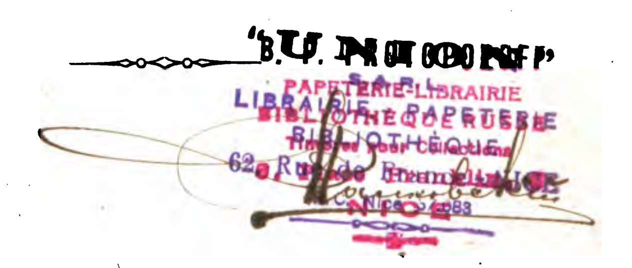

НА ЗАПАДЪ И НА ВОСТОКЪ.

НА ЗАПАДѢ И НА ВОСТОКѢ

ОЧЕРКИ.

В. В. КРЕСТОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Скарятина, Фонарный пер., д. Франка, № 87—9
1872.

НА ЗАПАДѢ.

ПАНЪ ПШЕПЕНДОВСКІЙ.

(СОВРЕМЕННЫЙ ОЧЕРКЪ.)

ГЛАВА I.

Чѣмъ былъ и чего вдругъ лишился панъ Пшепендовскій.

— От-то дурни были! Позаводили этое са̀мо повстанье, але и чьто жъ такое! Теперъ зъ-за нихъ за самыхъ человѣку, которы естъ порадочный, а ни ступить, ни пикнуть! Ну, и чьтожъ? Теперъ будемъ такъ гово̀рить: хотя я самый—по выбору одъ усего благороднаго дворяньства три трохлѣтья былъ капитан-справникомъ, и наусегда цару и ойтечеству былъ какъ вѣрный собака, а теразъ—усего лишоный... Одначежъ имѣю жо́ну и ребенковъ; малютковъ имѣю и всѣ мы желаемъ кушать,—але-жъ не можно, бо этое само повстанье—а будь оно не ладне!—какъ есть усего лишило. И выходитъ, чьто дурни сгадали, а невинный чловѣкъ естъ жертва.

— Ну, пане Пшепендовскій, за что же вы однако мѣсто-то потеряли?

— А за̀ то за самое и потералъ; бо этое, зволите видѣть, какъ пріѣхалъ у край графъ Муравьевъ, то такъ

мене одъ разу и одрѣшилъ.. Бо я, говорить, полякъ. А какой я полякъ?! И никогда, ни въ жизнь свою полякомъ не былъ, и не желаю, и не имѣю числиться въ полякахъ, —а пропадай они и совсѣмъ!

— Э, пане Пшепендовскій! Оно конечно, дѣло немножко щекотливое говорить-то объ этомъ, но... вѣдь были же причины.

— А каки таки прычины, позвольте взнать?

— Ну хоть... извѣстнаго рода сочувствіе?

— Какъ!.. Я?.. У мене?.. У мене сочуствіе? — Пфрсс!.. Къ мьятежникамъ? Къ тымъ канальямъ?—А ни Боже мой!.. И чьто это только такое вы говорите! Я, сударъ мой, естъ капитан-справникъ; этое одзначаетъ: я естъ друхъ порадка.

— Стало быть, въ концѣ концовъ, вы плачетесь теперь на нашу несправедливость?

— Я?!.. на несправедливосць?—А Боже збавъ мене!.. Я — никогда! Помилуйте, какъ этое, чтобы я — и вдрухъ на несправедливосцъ... на графа Муравьева?.. Да вы не знаете... графъ Муравьевъ да то былъ самый найсправедливѣйшій, найпочливѣйшій чловѣкъ! Ему намъ усвѣмъ опклоняться до ногъ належитъ!— Вотъ какъ мы будемъ судить! Это, сударъ мой, былъ свьятой чловѣкъ!

— И потому отрѣшилъ васъ отъ мѣста?

— Ну, и чьто жъ?.. Одрѣшилъ! Этое вѣрно, что одрѣ-

шилъ; я къ тому и не спору! Errare humanum... знаете, говорится. Конечне, онъ только черезъ то потералъ для себя одного, можно сказать, вѣрнаго собаку. Этое, говора по правдѣ, случилось усе одъ навѣтовъ. Одклеветали, очернили меня... Самыи же поляки очернили!

— Ну, вотъ! Теперь ужъ поляки виноваты! Полноте, пане! Вѣдь мы тоже немножко знакомы съ этимъ дѣломъ. Васъ отрѣшили—не взыщите за откровенность— по сильному подозрѣнію во взносахъ въ народовый капиталъ, въ потворствѣ костельной пропагандѣ и, если не ошибаюсь, въ укрывательствѣ извѣстныхъ вамъ мѣропріятій.

— О-ля Бога! Подите вы, право!.. И чьто жъ мнѣ вамъ отвѣчать на этое?.. Ежели я естъ виноватый, то зачѣмъ мене до Сибиру тогда не одправили? а?.. Позвольте васъ спросить, зачѣмъ мене не одправили?

— Да вѣдь не всѣхъ же въ Сибирь отправляли.

— Э-э, нѣтъ! Усѣхъ должны были одправлять! Усѣхъ! И мене тоже, ежели такъ будемъ судить!.. Помилуйте, на человѣка усе можно сказать!.. Но надо доказать напередъ надо доказать!.. Надо разсмотрѣть зъ легальнои стороны! бо такъ не можно!

— Да насчетъ взносовъ доказательства есть.

— Ну, и чьто жъ изъ того?.. Ну, и естъ!.. Але-жъ будемъ мы такъ говорить: вы сидите-себѣ мирно и покойно у своихъ, можо сказать, пенатовъ; при васъ ваша лю-

бимая жòна... и ребенки тутъ на полу кувыркаются... и усе этое такъ пріятно вамъ, и вы ни о чемъ дурного не думаете себѣ, и никому никакого зла не желаете,—а тутъ, вдрухъ входять до васъ у двохъ, але и по трши гайдука —тàки галгàне!—и втотчасъ съ кынжалòмъ у брухо, альбо и зъ тымъ... зъ револьвèремъ... Какъ приставять до носу та и говорàть вамъ: «прошен'пана офяровацъ цокольвѣкъ зъ майонтковъ паньскихъ до фундушу народовего!» —Ну, и когда жь они такъ застигнуть васъ—и вы по своей неволѣ даете, бо они втотчасъ же забіють васъ, а у васъ жона, а у васъ потомки ваши ползають, и вы помирать не хочете... Ну, и дашь, только одвяжитесь вы скорѣйшъ, лайдаки проклятые!

— Оно пожалуй и такъ; но ужь будто къ вамъ такъ просто и спокойно могли входить эти господа и требовать съ ножемъ у горла?

— А какъ же-жъ иначе? Непремѣнно зъ нòжемъ, чи èще зъ револьвèремъ!

— Да вѣдь вы были исправникомъ...

— Ну, то такъ естъ! И наусегда былъ добрый справникъ, и одъ начальства отличне аттестованы! Но чьто жъ зъ того?

— Да вѣдь при исправникѣ всегда казаки, цѣлая команда,—и при васъ вѣдь были тоже казаки.

— А, полноте, пожалуста! Чьто такое казаки?.. Ка-

заки! — Вы просто не можете имѣть себѣ никакого о томъ вображенья! Одъ нихъ никакого защищенья, а одно только разоренье есть; бо онъ только и сидить себѣ у жида въ кóрчмѣ, и какъ надрызгается этои самои водки, то и лежить себѣ кверху брухомъ, какъ свинья какой.

— Зачѣмъ же вы допускали до этого? Зачѣмъ же не взыскивали?

— А чьто жъ я могу? Я тутъ ничего не могу... бо я жь не злой человѣкъ, и душу имѣю добрую.

— Мужики однако васъ, кажись, не совсѣмъ-то долюбливали.

— Бо я спуску не давалъ! И вы усѣ, господа мыровіи посредники, вы усѣ, позвольте вамъ выра́зить, имѣете совсѣмъ фальшиве вображенье—на этотъ щотъ. Мужикъ—онъ только нынѣ притвораетсл такимъ добрымъ, такимъ вѣрнопреда̀ньнымъ, а до этого дурацькего повстанья мужикъ былъ найпершій бунтовщикъ! найпѐрвша бэстія! Вы напрасно вображаете себѣ, чьто тутъ чьто нѐбудь дворанььство... Конечне, и въ дворанььствѣ коѐ-чьто было, але гдѣ паршива овца не водиться? Но только повѣрте на чести, дворанььство—и это наусегда было наипервша опора престола и ойтечества... Оно ѐще и мужиковъ одъ бунтовъ воздерживало!—То такъ есть! Какъ честный чловѣкъ! Я смотру безпристрастно, а потому та́къ и говору! А за паршивыхъ овецъ,—то нынѣ усѣ мы жертвами выходимъ.

Такъ не можно! И зъ тыми, которые какъ я, напримѣръ, наусегда были увѣрноподданьствѣ, надо ужь помыслить о примиренью и забвенью.

Такъ разсуждалъ панъ Пшепендовскій съ мировымъ посредникомъ Ивановымъ, сидя подъ тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ, въ публичномъ саду города N.

Панъ Пшепендовскій выглядѣлъ совершенно паномъ не то что маленькой, а почти маленькой руки, занимая какую-то неопредѣленную серединку между паномъ средней руки и паномъ руки маленькой. На видъ ему было лѣтъ сорокъ, и такъ было ему и въ дѣйствительности. Выраженіе лица имѣло въ себѣ нѣчто вполнѣ польско-благонамѣренное. Хорошіе темнорусые усы носилъ онъ по шляхетски; тоненькая полоска бакенбардъ спускаясь отъ одного уха, убѣгала подъ подбородокъ, къ шеѣ, и такою же тоненькой полоской восходила къ уху другой стороны лица. Взглядъ пана Пшепендовскаго передъ низшими выражалъ презрительную и какъ бы начальственную надменность (вѣроятно въ силу старой исправничьей привычки), передъ маленькими людьми изъ русскихъ—полную и отчасти горделиво-равнодушную независимость; передъ почтенными стариками «конпатріотами»—пріятную почтительность человѣка, уважающаго старость и готоваго у нея поучаться; передъ ксендзомъ взглядъ пана Пшепендовскаго выражалъ скорбное сочувствіе чему-то и кроткую, приг-

нетенную покорность кресту, посланному отъ Бога; передъ россійскимъ высокимъ начальствомъ этотъ разнообразный взглядъ и таялъ, и умилялся, и извивался жирнымъ угремъ, и выражалъ даже потріотизмъ вѣрноподданный, неизмѣримый, и полную готовность лечь костьми противъ враговъ единства, покоя и счастія нашего «общаго, великаго и вселюбезнаго отечества». Словомъ сказать, это былъ взглядъ до послѣдней степени гибкій. Гибкости взгляда вполнѣ соотвѣтствовали гибкость спины, шеи и головы, которыя тотчасъ умѣли принимать то самое положеніе, тотъ самый характеръ, что, смотря по требованіямъ обстоятельствъ любой данной минуты, принималъ гибкій взглядъ пана Пшепендовскаго.

Панъ Пшепендовскій не толстъ и не худощавъ, не высокъ и не низокъ, а такъ-себѣ, нѣчто средне - пропорціональное,—одѣтъ всегда довольно опрятно, но ни какъ не по модѣ, а именно такъ, какъ умѣютъ одѣваться одни только западнаго края помѣщики не то что средней и ни то что совсѣмъ маленькой руки. Панъ Пшепендовскій походилъ на помѣщика душъ двухсотъ (говоря по прежнему), и въ прежнее счастливое время дѣйствительно былъ обладателемъ двухсотъ душъ крестьянскихъ. Сто у него было своихъ, да сто взялъ по сосѣдству за женою. Панъ Пшепендовскій въ своемъ околодкѣ былъ извѣстенъ за добраго обывателя, добраго семьянина, добраго като-

лика и добраго человѣка. Послѣдняго о немъ мнѣнія не раздѣляли одни только крестьяне того уѣзда, гдѣ онъ исправничалъ—по своему, весьма исправно. Панъ Пшепендовскій былъ счастливымъ отцомъ двухъ дѣтей — сына Стася и дочери Брони, которымъ было: одному четыре, а другой три года, и не менѣе счастливымъ супругомъ очень хорошенькой и очень вкусной пани Пшепендовской, которая въ дѣствительности считала себѣ двадцать восемь лѣтъ, но всему свѣту было извѣстно, по ея словамъ, что ей всего только двадцать-четвертый годъ. Этотъ фатальный двадцать-четвертый годъ неизмѣнно фигурировалъ у нея въ каждомъ подходящемъ случаѣ уже ровно четыре лѣта сряду, что впрочемъ ни сколько не мѣшало пани Филиціи быть очень хорошенькою, очень вкусною женщиной и казаться, дѣйствительно, моложе своихъ лѣтъ. Всѣ знаёмые и родàки, и сосѣди называли это супружество не иначе какъ самымъ счастливымъ и самымъ примѣрнымъ супружествомъ,—и панъ Пшепендовскій, въ качествѣ человѣка, равно какъ и въ качествѣ исправника, пользовался всеобщимъ душевнымъ расположеніемъ, добрыхъ-пановъ-обывацéлей своего уѣзда, за что и былъ въ теченіи трехъ трехлѣтій неизмѣнно избираемъ ими въ должность исправника.

Мирно и счастливо текли исправничьи дни пана Пшепендовскаго, который даже съ 1861 года успѣлъ заслу-

жить себѣ имя добраго, хотя и осторожнаго патріота; россійское начальство тоже атестовало его добрымъ, расторопнымъ, примѣрно-усерднымъ и надежно-исполнительнымъ чиновникомъ — и такимъ образомъ эти счастливые дни и счастливая атестація длились бы можетъ до самого смертнаго часу, если бы на бѣду пана Пшепендовскаго не нанесъ Богъ въ этотъ край графа Муравьева. Староопытнымъ, зоркимъ и чуткимъ орломъ налетѣлъ покойникъ на этотъ край и.... между прочимъ, мимолетомъ клюнулъ пана Пшепендовскаго: взялъ да и порѣшилъ его относительно исправничьей должности.

Тутъ началось горе пана Пшепендовскаго. Съ одной стороны, надъ нимъ возсіялъ ореолъ—въ нѣкоторомъ родѣ политическаго мученика, страдальца за патріотическую идею, хотя и маленькаго, а все же таки мученика и все жъ таки страдальца; но, съ другой стороны, карманы пана Пшепендовскаго потерпѣли сильный ущербъ, потому что еще передъ началомъ повстанья, онъ — по настояніямъ духовника, сулившаго ему милости небесныя и по неотступнымъ требованіямъ жены, соблазнявшей его своими милостями земными,—дозволилъ ей распорядиться значительною частію капитальца, скопленнаго на службѣ. Она, въ порывѣ потріотическаго увлеченія, взяла да и отдала этотъ капиталецъ пану Пшемыкѣ, который былъ тогда «организаторомъ повятовымъ». Органи-

заторъ, конечно, выдалъ пани Пшепендовской самую вѣрную квитанцію, по которой ржондъ народовый, какъ только совершится полное возстановленіе ойчизны, непремѣнно выплатитъ ей весь капиталъ и даже съ процентами. Пани Пшепендовская, разумѣется, повѣрила—и развѣ можно было не вѣрить? А панъ организаторъ, межъ тѣмъ, захвативъ всю свою кассу, ушелъ до лясу, въ банду. Банда конечно была разбита, но пану Пшемыкѣ удалось удрать за границу, а съ нимъ удрали и денежки пани Пшепендовской, которая однако непремѣнно получитъ ихъ по квитанціи, когда вольна и неподлегла ойчизна... и проч. И вотъ, такимъ образомъ, панъ Пшепендовскій вдругъ остался на бобахъ: и мѣсто потерялъ, и капитала лишился; а между тѣмъ у пана Пшепендовскаго есть «любимая жона», у пана Пшепендовскаго его потомки ползаютъ—и всѣ они вмѣстѣ съ самимъ паномъ Пшепендовскимъ, «кушать желаютъ», и панъ Пшепендовскій, какъ добрый отецъ и добрый супругъ, очень хорошо это чувствуетъ. Что тутъ дѣлать пану Пшепендовскому?...

«Что дѣлать?—Цо робицъ?» въ этомъ-то и весь вопросъ его—насущный вопросъ—заключается.

Имѣньице не даетъ почти никакого доходу, хозяйство истощено ежегодными контрибуціями, лайдакамъ хлопамъ, по милости новыхъ муравьевскихъ посредниковъ, пришлось таки урѣзать отъ себя добрые надѣлы; а подлые

хлопы почти что отказываются работать на пана Пшепендовскаго, а коли и идуть, то за непомѣрную цѣну, — а панъ Пшепендовскій межь тѣмъ, вмѣстѣ съ потомками, очень и очень кушать желаетъ. Ну, и цо жь теразъ мусіе робиць несченсливы панъ Пшепендовскій?..:

Цо мусіе панъ робиць?—вопросъ дѣйствительно рокового свойства.

Панъ Пшепендовскій, при каждомъ подходящемъ случаѣ, сталъ ругать, порицать, поносить «дурацьке повстанье» и его «дурацькихъ будовниковъ», заговарилъ о томъ что онъ всегда былъ «вѣрнымъ собакой», и запѣлъ хорошо извѣстную нынѣ въ цѣломъ краю пѣсеньку «о примиренью и забвенью».

Панъ Пшепендовскій нашелъ наконецъ—цо онъ мусіе теразъ робиць, якъ добры полякъ и добры обывацель.

ГЛАВА II.

Что наводитъ пана Пшепендовскаго на хорошую идею.

Панъ Пшепендовскій все еще благодушествовалъ подъ густою тѣнью деревьевъ. Онъ только что кончилъ разговоръ съ мировымъ посредникомъ Ивановымъ, который раскланявшись съ собесѣдникомъ, оставилъ его одного мечтать о прелестяхъ примиренья и забвенія.

— А! тàту! Тату сѣдзе подъ држевемъ, а мама шука тату. Идзь до мамы! запищали вдругъ подъ самымъ ухомъ пана Пшепендовскаго двое его потомковъ,—обстоятельство, изведшее его изъ области мечтаній о примиреніи и забвеніи.

Онъ поднялъ глаза—передъ нимъ въ трехъ шагахъ стояла пани Фелиція—тоже вышедшая подышать прохладой майскаго вечера.

Панъ Пшепендовскій подвинулся и далъ ей подлѣ себя мѣсто на скамейкѣ.

— Шліома сапожникъ приходилъ, начала пани Пшепендовская, сразу направляя разговоръ на хозяйственныя и домашнія надобности.

— А чего ему надо? не глядя на нее, равнодушно и вскользь замѣтилъ панъ Пшепендовскій, хотя самъ очень хорошо зналъ, зачѣмъ могъ придти сапожникъ Шліома, но панъ Пшепендовскій любилъ иногда тѣшить себя «воображеньемъ», будто онъ независимый ни отъ кого и очень богатый панъ, къ которому люди могутъ приходить ни за чѣмъ инымъ, какъ только на поклонъ и съ просьбой о какой-нибудь паньской милости. Съ такимъ точно равнодушнымъ и независимымъ видомъ и теперь спросилъ онъ свою супругу: «а чего ему надо?»

— Извѣстно чего! Денегъ хочетъ—денегъ просить приходилъ, съ недовольнымъ видомъ возразила супруга.

— А я и самъ хочу! Я и самъ попросилъ бы!

— Говоритъ, что до полицеймейстера пойдетъ, когда не отдадимъ,—больше ждать не хочетъ...

— От-то ѐще! всяка свиня до полицеймейстера! пришелъ вдругъ панъ Пшепендовскій въ справедливое негодованіе:—какъ былъ справникомъ, тогда, небойсь, не говорилъ о полицеймейстерѣ, а теперь ужь и до полицеймейстера!

— Отъ Файтовой тоже приходили, продолжала докладывать супруга:—велѣла сказать, что въ кредитъ ничего больше отпускать не можетъ... Тоже денегъ проситъ.

Панъ Пшепендовскій сидѣлъ, положивъ обѣ руки на набалдашникъ своей палки, а на руки положивъ подбородокъ. На сей разъ онъ ничего не сказалъ, а только весьма энергически сплюнулъ всторону.

— И отъ хозяина приходили: за квартиру срокъ, докладывала межь тѣмъ, какъ голосъ неумолимой совѣсти, пани Фелиція.

— От-то псявѣрный родъ! И что же мнѣ душу прозакладывать для нихъ, или что! волновался панъ Пшепендовскій.—Э, нѣтъ! Надо въ деревню ѣхать поскорѣе! Здѣсь одно разоренье!

— А въ деревнѣ чѣмъ жить будешь?

— О-ля бога! И что за вопросы!

— И въ деревнѣ жить нѐчѣмъ.... въ деревнѣ хуже еще.

— Э, подите пожалуйста! И вы, какъ вижу, за одно со Шліомами и Файтовыми мучить меня собралися!.. Ну и нечѣмъ! Ну, и хуже будетъ! И что жь я буду дѣлать?

— У Стася подошвы отлетаютъ... Бронѣ платьице новое надо бы.... Стасю! не бѣгай такъ много, обратилась она вдругъ къ старшему потомку своего супруга:—лучше сядь коло мамы... Не бѣгай, мое сердце, а то бутики совсѣмъ расползутся.

Бутики Стася были вовсе не въ такомъ уже плачевномъ состояніи, чтобы надо было ежеминутно опасаться за ихъ существованіе, но для пани Фелиціи это разбереженье своихъ ранъ и ранъ супруга доставляло какое-то особаго рода мрачное удовольствіе. Ей, дѣйствительно, порою приходилось очень жутко: молодость и прежняя привычка къ довольству, къ извѣстнаго рода комфорту и общественному почету—въ качествѣ пани исправниковой и, наконецъ, сознаніе своей миловидности—все это, въ совокупности, были такія вещи, которыя тянули пани Фелицію еще и пожить, и повеселиться, и показаться въ свѣтъ, и блеснуть, но... «дурацьке повстанье» лишило ее всѣхъ этихъ пріятностей и удовольствій. Во время оно пани Фелиція пѣвала по костеламъ «Боже цось Польске», носила конфедератку и жалобу—траурь по ойчизнѣ—и была, не шутя, очень интересна собою и своею ролью ярой патріотки. Вся окружная молодежь, въ чамаркахъ и

контушахъ, вслѣдствіе этого увивалась вокругъ прелестной пани исправниковой, жужжала ей о ея красотѣ и гражданскихъ доблестяхъ—и пани исправникова, довольная собою, своими побѣдами и своими доблестями, плавала на верху блаженства. Но... плачевныя обстоятельства и «пшеклентыя наяздъ москевськи» унесли безвозвратно это блаженство. Пани Пшепендовской было это очень досадно и преобидно,—но такъ какъ ничего уже больше не подѣлаешь, то пани Пшепендовская, въ жуткія минуты стала бередить раны своего честолюбиваго сердца и домашняго экономическаго положенія, съ мрачнымъ наслажденіемъ изливая всю боль этихъ ранъ на своего супруга, вѣроятно въ силу пословицы: кого люблю того и бью. Изъ своихъ домашнихъ прорѣхъ она сдѣлала даже предметъ нѣкоторой рисовки, не лишенной даже своего рода гордости и достоинства. Часто указывая своимъ знакомымъ на эти раны и прорѣхи, она не безъ эфекта восклицала: «вотъ до чего довели насъ Москали! полюбуйтесся, люди добрые!» И бутики маленькаго Стася играли при этомъ не послѣднюю роль. Знакомые сочувственно качали головами, прискорбно вздыхали и отдавали должную справедливость гражданскимъ чувствамъ «несченсливой пани Пшепендовской.»

Однако же роль гордой и твердой въ своемъ несчастіи гражданки—роль, избранная по необходимости,—начинала уже шибко надоѣдать ей.

Туалетное зеркало говорило ей каждое утро, что густая коса ея еще очень мягка и волниста, что румянецъ еще играетъ во всю щеку, что цвѣтъ лица и свѣжъ, и здоровъ, что хорошенькіе глазки еще горятъ блескомъ неуходившейся жизни,—словомъ, что вся она еще слишкомъ полна этой жизни и хороша собою, и потому, стало быть, имѣетъ пока полное право пользоваться и наслаждаться жизнью. Разъ отвѣдавши общаго почета и, въ нѣкоторомъ родѣ, власти—экс-исправничиху тянуло опять и къ власти, и къ почету, и къ увиваньямъ молодежи, и къ такому положенію, которое давало бы достаточныя средства на все на это,—такъ ужь на черта ли тутъ избранная по необходимости роль твердой въ своемъ несчастіи гражданки!

Раны-то свои она отъ этого еще пуще бередила и еще пуще изливала боль и желчь свою на супруга, но ролью все-таки, въ глубинѣ души своей, сильно и постоянно тяготилась.

— Ахъ, Боже мой! начала она, какъ бы перемѣняя прежнюю докучную тему о бутикахъ, Шліомахъ и Файтовыхъ:—какую прелесть я сейчась видѣла! Иду мимо магазина Закрушевской, а у нея въ окнѣ новая шляпка выставлена... Предьставь себѣ, мой милый, прелесть, что за шляпка!.. Соломенная, à la chinoise, и вся пунцовымъ макомъ убрана, вся эдакъ макомъ, макомъ!.. Ахъ, какая

прелесть!.. Вотъ, думую, кабы мнѣ такую шляпку... Вѣдь ужь я мою второй годъ ношу—это ужасно!

Панъ Пшепендовскій упорно молчалъ и глядѣлъ въ землю, оперши́сь подбородкомъ на палку.

— Пану Пшепендовскому, кажись, вовсе не угодно слушать меня!.. нервно и обиженно заговорила вдругъ пани Фелиція: — вы, кажется, не удостоиваете меня даже и разговоромъ... О, мой вѣжливый панъ Пшепендовскій! Что же, съ женою такъ и слѣдуетъ...

— Ай, Іезусъ-Марія! да отвяжитесь вы отъ меня! И безъ васъ тошно! вдругъ весь сморщась, закричалъ панъ Пшепендовскій, словно бы ему на мозоль наступили:— тутъ у человѣка серьозныя размышленія, а вы со своимъ макомъ, макомъ.. Ну, и что мнѣ до вашего мака!... Чѣмъ же я могу помочь въ этомъ?..

— Не быть такимъ, какимъ вы стали, внушительно и менторски замѣтила ему супруга.

— Благодарю за наставленія!.. Очень обязали!.. Ужь довольно я ихъ слушаю!

— Да лучше бы было, кабы побольше слушали. Я на дурное не наставлю...

— Что и говорить!... Теперь макъ да пустырнакъ, а по чьей милости я всего капиталу лишился?.. было бы не совать деньги на дурацкія повстанья, такъ и шляпы были бы!... А теперь что я буду дѣлать?!

— Что дѣлать? тономъ оракула, внушительно, но въ тоже время вдругъ кротко и ласково сказала пани Фелиція:—что дѣлать? не сидѣть, сложа руки, а шукаць мѣстця, муй коханы! Да, мѣста искать—вотъ что дѣлать!

Панъ Пшепендовскій отнялъ отъ палки свой подбородокъ и молча поглядѣлъ на супругу удивленнымъ и недоумѣвающимъ взглядомъ. Это было для него совсѣмъ новое слово въ устахъ его супруги.

— Мѣстця шукаць... задумчиво и озадаченно пробормоталъ онъ.—От-то есть идэя!.. Мѣстця шукаць.... Э?.. Дали-бугъ, пенкна штука!

На главной аллеѣ городскаго сада оказалось вдругъ нѣкоторое движенье. Взоры гулящихъ обращались болѣе или менѣе все въ одну сторону; нѣкоторые мужчины приподнимали шляпы и почтительно раскланивались; нѣкоторые же, напротивъ, спѣшили принять какое-то равнодушно независимое выраженіе, и какъ бы не замѣчать, игнорировать движеніе сдѣлавшееся болѣе или менѣе общимъ въ гуляющей публикѣ.

По главной аллеѣ, въ сопровожденіи какого-то чиновника, изволилъ шествовать, въ изящномъ шармеровскомъ пальто и лѣтней легонькой шапочкѣ, его превосходительство. Онъ очевидно находился въ благодушественномъ настроеніи и болталъ о чемъ-то съ чиновникомъ.

Дежурный частный приставъ, состроивъ такую физі-

огномію, будто онъ здѣсь такъ-себѣ, и самъ по себѣ, случайно зашелъ прогуляться,—не безъ почтительности слѣдовалъ на приличной дистанціи, шагахъ въ пятнадцати за его превосходительствомъ.

Его превосходительство проходилъ какъ разъ мимо той скамейки, на которой сидѣлъ съ супругой панъ Пшепендовскій.

Панъ Пшепендовскій, еще за пять шаговъ до его приближенія, почтительно привсталъ съ мѣста—и пріятно сгибая спину, обнажилъ свою голову. Пани Фелицпя, въ качествѣ дамы, осталась на скамейкѣ, но тоже не безпріятности обратила взоръ свой на встрѣчу подходящему превосходительству.

Его превосходительство съ подобающею небрежностью отвѣтилъ на поклонъ пана Пшепендовскаго, но осѣдлавъ носъ золотымъ пенсне, въ свою очередь не безъ пріятности и весьма внимательно поглядѣлъ на неизвѣстную ему и столь вкусную пани Пшепендовскую, которой при этомъ невольно вспомнилось, что часто съ такимъ точно выраженіемъ жирные коты посматриваютъ на лакомый кусочекъ мясного. Она замѣтила тоже, что не успѣлъ еще его превосходительство миновать ее, какъ уже обратился съ какимъ-то замѣчаніемъ къ чиновнику, и по лукаво и масляно оскабленной физіогноміи этого чиновника она почти съ полной увѣренностью заключила, что за-

*

мѣчаніе его превосходительства было сдѣлано не иначе, какъ только на счетъ ея, пани Пшепендовской Пани Пшепендовская, при этомъ сознаніи, не могла внутренно воздержаться отъ скромной, но пріятной улыбки.

Не прошло и пяти-семи минутъ, какъ къ пани Пшепендовской подскочила дебѣлая «пани Пшесныцька» съ озабоченнымъ, но сіяющимъ лицомъ. Пани Пшесницкая, вдова преклонныхъ лѣтъ, была и свахой, и закладчицей, и посредницей при продажѣ и куплѣ, и даже ходатаемъ по дѣламъ во всѣхъ присутственныхъ и неприсутственныхъ мѣстахъ. Вѣчная хлопотунья и непосѣда, не взирая на свою дебѣлость, она отличалась особою спеціальностью: знать всѣхъ и все, состоять въ знакомствѣ съ цѣлымъ городомъ, имѣть входъ и доступъ повсюду, быть въ одно и тоже время вездѣ и нигдѣ. Если пани Пшесницкая и не была съ кѣмъ знакома лично,—что впрочемъ могло почесться большою рѣдкостью—то она все равно знала незнакомаго въ лицо, по фамиліи, по мѣсту, по положенію,—словомъ, знала почти всю подноготную. Это была живая справочная книга города N.

— Ахъ, муя пани! муя пенкна, муя дрога пани! затараторила она сразу, подсѣвъ къ супругѣ пана Пшепендовскаго и горячо потрясая ей руки:—что сейчасъ было!... Ахъ, какое происшествіе!... если-бъ вы только знали, что сейчасъ было!.. Я нарочно, въ ту-жь минуту

побѣжала къ вамъ, чтобы разсказать вамъ... Нѣтъ, но вы представить не можете себѣ, что сейчасъ было!..

— Ну, ну? нетерпѣливо подуськивала пани Фелиція.

— Но нѣтъ, вы только представьте себѣ!.. Это прекрасно!.. Это чудесно!.. Вы знаете Камневича?... Ну, вотъ того самого Камневича, что служитъ въ полиціи... Частный приставъ... Да вотъ онъ сейчасъ же проходилъ мимо! Я его знаю давно, даже когда три года назадъ жена его родила (онъ тогда былъ помощникомъ) такъ я же имъ и крестнаго отца нашла,—безъ меня и тутъ не обошлося! Ну, такъ вотъ подходитъ онъ ко мнѣ,—а я тутъ съ секретаремъ надворнаго суда—вонъ тамъ, позади васъ—на скамейкѣ сидѣла... говорила тутъ ему объ одномъ дѣлѣ—вѣдь вы знаете, у меня все дѣла—куча дѣлъ, бездна дѣлъ, а помощника вѣдь нѣту—одна, вездѣ одна и все сама, вездѣ сама—конечно, бѣдная вдова!... Ну, такъ вотъ, мы говорили о дѣлѣ, а этотъ Камневичъ вдругъ и подходитъ ко мнѣ.—«Позвольте узнать, говоритъ,—не знаете-ли вы, кто эта пани позади васъ сидитъ?»—и самъ на васъ показываетъ.—А вамъ на что? говорю.—«А мнѣ нужно.»—А на что вамъ нужно?—„А не скажу," говоритъ.—Ну, вы не скажите и я не скажу!—„Нѣтъ, Бога ради, скажите!"—„Да отстаньте вы, говорю,"—почемъ я знаю!—«Нѣтъ, говоритъ, вы знаете!»—А хоть и знаю, да не скажу! посылайте, говорю своихъ шпеговъ

довѣдаться, а мнѣ какое дѣло!..—«Но мнѣ нужно, крайне нужно, говоритъ,—и нужно сейчасъ, сію минуту!»—Говорите, зачѣмъ!—„Не могу!"—Ну, и я не могу!—Видитъ онъ, что со мной ничего не подѣлаешь, отводитъ меня въ сторону и говоритъ: „меня, говоритъ, губернаторскій чиновникъ сейчасъ просилъ узнать, поскорѣе, бо генералъ замѣтилъ эту пани."—А какъ онъ, говорю, замѣтилъ? вѣрно что нибудь злое готовитъ?—„Э, нѣтъ, говоритъ, онъ ее пріятно замѣтилъ." Ну тутъ я ему и сказала: это, говорю, пани Пшепендовька сидитъ.

— Такъ и сказали? перебила пани Фелиція, сверкая самодовольными взорами.

— Такъ и сказала! Это, говорю, пани Шпепендовька, и видѣла, какъ онъ тотчасъ подошелъ къ чиновнику. Нѣтъ, но вы только представьте себѣ! вы только представьте!..

Но пани Пшепендовской нечего уже было представлять—потому что въ эту самую минуту его превосходительство опять проходилъ по главной аллеѣ, мимо пани Пшепендовской и опять маслянымъ котомъ поглядывалъ сквозь пенсне на сіе лакомое блюдо... Пани Пшесницкая тотчасъ же примолкла, а пани Пшепендовская скромно и съ величайшимъ достоинствомъ потупила долу свои глаза.

За то панъ Пшепендовскій вторично приподнялся съ мѣста—и вновь пріятно сгибая спину, отвѣсилъ вторичный почтительный поклонъ.

Послѣ этого его превосходительство еще раза три прошелся мимо—и три раза пани Пшепендовская потупляла долу свои очи, все съ тѣмъ же скромнымъ достоинствомъ, но потупляла ихъ такъ, что его превосходительство—если онъ только не совсѣмъ ужь дуракъ на этотъ счетъ—непремѣнно долженъ былъ понять, сообразить и почувствовать, что никто иной какъ только онъ—единственно онъ своею собственной особой служитъ пріятною причиной этого не менѣе пріятнаго потупленія. И его превосходительство, кажись, такъ и понялъ.

— Такъ, такъ, муй коханы! тршеба шукаць мѣстця! настойчиво и увѣренно, съ легкимъ вздохомъ подтвердила пани Пшепендовская своему супругу. Но супругъ уже былъ наведенъ на хорошую идею.

ГЛАВА III.

Какъ пани Пшепендовская добивалась „да безъ если".

Пани Пшепендовская не любила даромъ терять времени и, хоть и полька, но всегда слѣдовала русской пословицѣ, которая учитъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Она еще въ тотъ же вечеръ тщательно вымыла губкою шею и плечи, и заплела въ мелкія косички свои волосы, дабы на завтра они казались еще волнистѣе и держались

бы облачно-легкими, пушистыми колечками и змѣйками вокругъ ея лба. Пани Филиція очень хорошо знала, что boucles d'amour необыкновенно идутъ къ ея личику. Съ вечера же были и юбки крахмальныя приготовлены, и вообще весь нарядъ хорошо обдуманъ.

Панъ Пшепендовскій хотя и видѣлъ всѣ эти необычайныя приготовленія, но не понималъ, что оно значитъ и куда клонится,—ибо на завтрашній день ни въ гости они никуда не званы, ни праздника особеннаго, кажись, тоже нѣтъ никакого. Онъ посредствомъ осторожнаго вопроса у супруги рѣшился наконецъ удовлетворить своему законному любопытству. Но супруга въ отвѣтъ только глянула на него такимъ краснорѣчивымъ взглядомъ, который вполнѣ ясно говорилъ ему: молчи-де, индюкъ, коли не понимаешь!—и среди своихъ хлопотъ не удостоила его никакихъ дальнѣйшихъ объясненій. Панъ Пшепендовскій кротко покорился своей участи и не распрашивалъ больше.

На утро пани Фелиція причесалась какъ нельзя болѣе къ лицу и одѣлась весьма авантажно. Она послала нанять себѣ извощика и отправилась въ костелъ. Тамъ нарочно была заказана ею «мша», дабы Богъ и всѣ Святые Его услышали молитвы пани Пшепендовской и послали ей вожделѣнный успѣхъ въ предстоящемъ дѣлѣ. Она тутъ же дала всѣмъ святымъ обѣщаніе, что если они помогутъ ей, то она, по успѣшномъ окончаніи дѣла, отслу-

жить имъ еще одну мшу, но только уже большую, парадную, потому что тогда будутъ лишнія деньги, которыя, стало-быть, можно съ удовольствіемъ истратить на богоугодное служенье.

Пани Пшепендовская молилась столь горячо, что выходя изъ костела почти уже не сомнѣвалась въ полномъ и счастливомъ успѣхѣ.

Она приказала извощику ѣхать прямо къ его превосходительству. Теперь какъ разъ наступалъ у его превосходительства обычный часъ пріема просителей. Пани Фелиція съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца, но тѣмъ не менѣе весьма рѣшительно вступила въ генеральскую залу и скромно, съ видомъ просительницы, опустилась на стулъ.

Вчерашній чиновникъ тотчасъ же весьма развязно подлетѣлъ къ пани Пшепендовской и освѣдомился что ей угодно.

— Мнѣ до самóго пана гэнэрала, несловоохотливо цѣдя и растягивая слова, отвѣчала просительница.

— *Господина* генерала, внушительно поправилъ ее чиновникъ.—Я могу доложить ему.

— А пожалуста, будьте такой ласковій! пріятно вдругъ улыбнулась она ему:—скажить, чьто я ймѣю интэресъ до господына гэнэрала. Пускай они мене приймуть... Да скажить имъ, что моя фамилья: Пшепендовська... Фелиція Пшепендовська.

Чиновникъ дробною и ловкою походкой, напоминающей походку московскихъ половыхъ, полетѣлъ въ кабинетъ его превосходительства.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ съ легонькимъ оттѣночкомъ какого-то двусмысленнаго довольства въ лицѣ и обратился къ просительницѣ:

— Пожалуйте! Его превосходительство проситъ васъ къ себѣ въ кабинетъ... Э-э... нынѣ его превосходительство не принимаетъ—онъ очень занятъ, громко и официально возгласилъ онъ, обернувшись ко всѣмъ остальнымъ приситѣлямъ:—потрудитесь пожаловать завтра, въ назначенные часы.

Просители со вздохомъ и съ вытянутыми физіономіями поплелись вонъ изъ залы.

Явное предпочтеніе, оказанное передъ всѣми остальными, обѣщало пани Пшепендовской доброе начало.

Шумя своими юбками и стараясь придать походкѣ еще болѣе граціозной легкости, она съ нѣкоторымъ замираніемъ вступила въ кабинетъ его превосходительства.

— Чѣмъ могу служить, сударыня? съ умѣреннымъ полупоклономъ началъ генералъ, стараясь держать себя и говорить въ тонѣ строго официальномъ. Но взглядъ жирнаго кота, быть-можетъ и помимо воли его превосходительства, изъ-подъ пенсне скользилъ по всей фигурѣ граціозной пани Пшепендовской.

— Вашіе пресходзицельство, съ запинной заговорила немножко смущенная просительница, сдѣлавъ ему глубокій реверансъ и низко потупя глаза въ землю:—звыните за осмѣлость мою... имѣю большой интэресъ до вашего пресходзицѣльства...

— Въ чемъ дѣло-съ?... Готовъ слушать, сударыня!

— Я—несченслива женщина... имѣю двохъ малюткевъ, вашіе пресходзицельство... и мужа имѣю... алежь онъ не имѣетъ никзкого мѣста... Осчастливьте, вашіе пресходзицельство!...

Пани Пшепендовская для пущаго эфекту даже прослезилась немножко, и вынувъ батистовый платокъ, очень граціозно приложила его къ глазамъ. Опытная женщина знала, что легкія, умѣренныя слезы, при соблюденіи извѣстной граціи, очень идутъ къ ея личику.

— Вы просите о мѣстѣ мужу? освѣдомилься генералъ.

— Такъ есть, вашіе пресходзицельство!

— Вашъ мужъ кто?

— Пшепендовській, вашіе пресходзицельство.

— Что это такое Пшепендовській?

— Пшепендовській, вашіе пресходзицельство, это така фамилья есть.

— Гм!.. Пшепендовскій... фамилія... гм!.. Ну, да, я

знаю, что фамилія; конечно фамилія; не чинъ же это какой—Пшепендовскій!

— Такъ есть! не чинъ, алежь только фамилья...

— Гм... да, да... фамилья... Но что онъ такое?

— Былъ капитанъ-справникомъ, вашіе пресходзицельство, алежь въ тимчасомъ усего лишоный!

— Гм!.. Почему-жь такъ? Вѣрно отрѣшенъ отъ службы?

— То такъ есть. Алежь онъ одрѣшоный не одъ себе, а по клеветамъ, вашіе пресходзицельство... То было одно кламьство такое, а онъ увсегда былъ очень преданьный... И ребенковъ такъ воспитàемъ, жебы и они тоже предàньные были, бо то жь усе одно глупьство, вашіе пресходзицельство, и мы того не хочемъ.

— Какое же вы мѣсто желаете?

— Какое заугодно будетъ вашему пресходзицельству, алежь присойное мѣсто... бо намъ тоже и жить чѣмъ должно. Ежели бы какое при самомъ вашемъ пресходзицельствѣ! прибавила она вкрадчиво, подымая умильные, многообѣщающіе и масляно-просящіе глазки на генерала — кабы такъ, то этое было бы намъ за лучше всего, бо и мужъ, и я—мы усегда до нàчельникувъ своихъ очень преданьные.

— Преданность нужна не начальнику, докторально замѣтилъ генералъ:—преданность нужна дѣлу, сударыня, дѣлу-съ!

— Ну, то этоежь само и есть, вашіе пресходзицельство! Этое усе на одно выходить!

— Далеко не одно, сударыня! Мнѣ нужны чиновники исполнительные, усердные къ дѣлу, толковые.

— Але жь мы будемъ и всердны, и сполнительны! живо подхватила пани Фелиція:—когда только прикажете, вашіе пресходзицельство, то такъ одъ разу и будетъ! Мой мужъ, завѣраю васъ, до службы очень скорый!.. Не одкажите несченстливой матери! будьте какъ ойтецъ ребенкамъ моимъ!

Батистовый платокъ опять весьма кстати и весьма граціозно появился передъ влажными глазками пани Пшепендовской.

— Гм!.. Вашъ мужъ католикъ? раздумчиво спросилъ генералъ.

— То-есть... онъ не то чьто католикъ... а тольке онъ есть рожденный въ томъ, бо и ойтецъ и матка его были католики, алежь онъ очень сполнительный и скорый до дѣла, вашіе пресходзицельство!

— Все это прекрасно, сударыня, но... вы знаете... обстоятельства доказали... Мы не имѣемъ гарантій довѣряться, послѣ того, что было... Я бы лично очень радъ, но... извините, не могу!

— Алежь какой вашіе пресходзицельство не добрый! кокетливо проговорила пани Пшепендовская.

— Душевно бы радъ, пожалъ плечами генералъ:—но... не могу! И даже мѣста никакого въ виду не нахожу. Честь имѣю кланяться, сударыня!

Пани Пшепендовская замедлилась на минутку въ колеблющемся раздумьи и вдругъ—бацъ передъ генераломъ на колѣни.

Тотъ такъ и отскочилъ отъ нея. Въ первыя мгновенья пораженый такимъ неожиданнымъ пассажемъ, онъ даже разобрать ничего не могъ и только безсознательно слышалъ, какъ зашумѣли крахмальныя юбки просительницы.

Она, въ патетической позѣ, съ простертыми впередъ руками, на колѣняхъ ползла къ ошеломленному генералу.

— Вашіе пресходзицельство!.. вашіе пресходзицельство!.. Умру, а не встану!.. Не встану по тѣхъ поръ, поки не будете какъ ойтецъ намъ!

Генералъ вконецъ растерялся.

— Полноте... встаньте... встаньте, сударыня!.. Боже мой... какъ вамъ не стыдно!.. Что же я могу?.. Я васъ прошу! бормоталъ онъ, силясь поднять ее съ колѣнъ.

— Не встану! Не сойду, вашіе пресходзицельство! страстнымъ и отчаяннымъ голосомъ говорила пани Фелиція, сопровождая слова свои соотвѣтственными, умоляющими жестами.—Какъ Бога прошу васъ!.. Не оттолкните! Сдѣлайте мнѣ этую просьбу—и подѣлайте со мной

тогда что хочете!—Возмить жизнь, возьмить сердце, возьмить душу мою!.. Я — уся вашего пресходзительства!— алежь муй добрый, муй дрогій, муй велькодушный, муй справедливый пане гэнэралу! Въ молитвахъ моихъ—перше имя вашіе!.. Для ребенковъ моихъ! для малютковъ!

И говоря эти слова, она схватила правою рукой генеральскую руку, а лѣвой обнимала его колѣна. Генералъ нашелся въ крайне затруднительномъ и непріятномъ положеніи. Въ обуявшемъ ее пафосѣ, пани Фелиція и сама не замѣчала, что рука ея, охватившая генеральскія колѣни, доставляетъ ему самое непріятное ощущеніе. Прикосновеніе ея пальцевъ щекотало ему поджилки, а генералъ боялся щекотки. Онъ морщился, ежился и подрыгивалъ легонько ногами, стараясь такъ и сякъ высвободиться изъ столь страннаго положенія; но увлеченная просительница ничего больше не замѣчала. Ни морщенье, ни подрыгиванье не могли принести никакой защиты — непріятель атаковалъ столь быстро и столь рѣшительно, что генералъ порѣшилъ наконецъ сдаться.

— Хорошо, хорошо! Только встаньте, пожалуйста! закричалъ онъ, и сдѣлавъ послѣднее отчаянное усиліе, отпрыгнулъ отъ нея въ сторону—и такимъ образомъ освободилъ свои щекотливыя поджилки.

Ему было и конфузно, и досадно—досадно до такой степени, что онъ хотѣлъ даже растопаться и раскричаться

самымъ распекательнымъ образомъ на свою неотвязную просительницу, но глянулъ на нее—и...

Передъ нимъ, въ пяти шагахъ разстоянія, простерши къ нему красивыя руки, стояла на колѣняхъ, съ дрожащею слезкой въ краснорѣчиво-безмолвныхъ глазахъ, такая прелесть, такая красивая женщина, что его превосходительство чуть было заикнулся, да тутъ же и осѣкся на первомъ звукѣ... Просто духу не хватило раскричаться и растопаться на такую хорошенькую просительницу.

«Всѣ мы люди, всѣ человѣки!» подумалъ про себя его превосходительство:—„а и шельмовство же эти польки!“

Но помысливши таковое, онъ еще болѣе сконфузился.

— Да встаньте же, Бога ради, сударыня!.. Ну, что же вы наконецъ со мною дѣлаете!.. Ну, въ какое положеніе вы меня ставите!.. Ну, мнѣ, наконецъ, совѣстно... Ну, умоляю васъ! разставя руки и пожимая плечами, бормоталъ генералъ въ тонѣ почти совсѣмъ жалобномъ.

Пани Пшепендовская стояла на колѣняхъ и глядѣла на него молящимъ взоромъ, и въ этомъ взорѣ, помимо его прямого выраженія, сквозило еще и другое — нѣчто страстное, манящее, многообѣщающее...

Генералъ махнулъ рукой и отвернулся, чтобы не видѣть.

„Отойди отъ соблазна и сотвори благо“, подшепнуло ему чувство служебнаго долга и благонамѣренной цѣло-

мудренности,—хотя его превосходительство на счетъ цѣломудрія, вообще говоря, былъ слабоватъ малую толику.

«А вѣдь хороша, чертъ возьми!.. И тово... во всѣхъ статьяхъ!» подшептывало ему въ то же самое время и какое-то другое чувство, которому генералъ не подобралъ подходящаго названія.

— Вашіе пресходзительство! снова-было начала пани Пшепендовская.

— Ну, ну, хорошо, хорошо! поспѣшилъ перебить ее генералъ:—все, что отъ меня будетъ зависѣть... все, что могу... Однимъ словомъ, мы тамъ посмотримъ... Навѣрное не обѣщаю, но если... если можно — мы посмотримъ.

— Вашіе пресходзицельство! муй дрогій, муй сердечный, вельводушный! снова раздался молящій голосъ просительницы, и снова она сдѣлала быстрое, порывистое движеніе къ его колѣнямъ.

Его превосходительство, помня свои поджилки, поспѣшилъ дать стеркача отъ нея въ сторону, за свой письменный столъ, стоявшій посерединѣ комнаты, и остался такимъ образомъ настороже, дабы этотъ столъ могъ ему служить во всякомъ случаѣ надежной преградой между прекрасною просительницей и его поджилками.

— Я ужь сказалъ... Я ужь сказалъ вѣдь вамъ! Если возможно, я съ удовольствіемъ, убѣдительно говорилъ онъ

за своимъ барьеромъ: — Ну, и будьте покойны, сударыня! Все, что могу, то сдѣлаю!

Пани Пшепендовская живо вскочила съ колѣней.

— Ваше слово? стремительно проговорила она, бросаясь къ генералу и ловя его руку.

— Я ужь сказалъ... вѣдь я сказалъ уже... Если возможно, то да! бормоталъ въ отвѣтъ его превосходительство, дѣлая ретираду вкругъ письменнаго стола.

— Гэнэральське слово вашего пресходзицельства? настойчиво и граціозно-кокетливо говорила просительница, все еще ловя его руку и наступая на непріятеля. И наконецъ-таки поймала его за рукавъ.

Генералъ опять почувствовалъ серьозное опасеніе за свои поджилки.

— Ну, да, да! Слово!.. Если только могу...

— Безъ *«если»*, вашіе пресходзицельство!.. И на чьтожь этое *«если»*? Ай, какой же-жь вы право упрамый!.. Ну, скажить безъ *«если»*! Тожь гораздо простѣйшъ! Ну, и чего же вамъ стоить? Ну, когда же я васъ такъ прошу!.. Повѣрте на словѣ, женщина увсегда съумѣеть быть вамъ на томъ очень, очень благодарной? говорила она съ большою выразительностью и съ большимъ, чисто польскимъ, обольстительно-лукавымъ кокетствомъ, а сама крѣпко-крѣпко жала его руку и нѣжно засматривала въ глаза, и все это такъ искусно продѣлывала менѣе чѣмъ въ

полушагѣ разстоянія отъ пожилого холостяка, что онъ даже чувствовалъ ея взволнованное дыханіе и легкій ароматъ пудры, слегка покрывавшей пушисто-взбитые волосы.

Его превосходительство не выдержалъ и, осклабясь, опять установилъ на нее масляннный взглядъ жирнаго кота. Пани Пшепендовская очень тонко это чувствовала и соображала.

— Ну?!. ну, пускай же вы скажете *да*! Ну, только безъ „*если*“! Ну, да? да? гэнэральське слово? граціозно, и кокетливо выпрашивала она съ какою-то особенной фамильярностью.

— Ну, да! Слово! порѣшилъ наконецъ его превосходительство.

ГЛАВА IV.

Какъ нынѣ думаетъ панъ Пшепендовскій.

— Ну, муй коханы дурню! хоть и менжъ, але жъ завше кепъ, дурень! Подзенькуй пану Богу!.. воскликнула пани Фелиція, съ торжествующимъ и сіяющимъ лицомъ входя въ комнату мужа.

— Цо такего? выпуская изорту чубукъ, лѣниво повернулся къ ней панъ Пшепендовскій.

— Эге! «цо такего»! гдѣ бы встать да броситься къ

женѣ, да поблагодарить ее, да руки ея изцаловать—а онъ, индыкъ,—«цо такего»! Какъ вамъ это понравится?

— Але зà цожь то ренки? зà цо индыкъ? отчасти обидчиво возразилъ панъ Пшепендовскій.

— Зà цо?... А мѣстьцо вышукàла - отъ зà цо! съ торжествомъ возразила пани Филиція и величественно протянула въ воздухѣ руку своему индюку для достодолжнаго цалованія.

Индюкъ запахнулъ халатъ, росшитый шнурками, на подобіе венгерки, и поднялся въ полнѣйшемъ недоумѣніи; однакоже протянутую выжидательно руку поцаловалъ безъ всякаго прекословія.

— Але жь якимъ спосóбемъ?! пожимая приподнятыми плечами и растопыря ладони, изобразилъ панъ Пшепендовскій живую фигуру изумленія.

Супруга передала ему и способъ, только не совсѣмъ такъ, какъ оно происходило въ дѣйствительности.

Она очень подробно разсказала ему, какъ просила во имя мужа и малыхъ дѣтей, но кое о чемъ и умолчала,—словомъ сказать, разсказъ ея представлялъ собою изданіе исправленное и сокращенное и приспособленное къ назиданію добродѣтельныхъ мужей.

Пшепендовскій только руками разводилъ да глазами хлопалъ — столь чудно и столь хорошо все это выходило.

— А! протянулъ онъ не безъ важности, многозначи-

тельно подымая носъ:—розумемъ!.. розумемъ! Онъ для тего такъ и решпектовалъ... для тего и обѣщанье далъ... Такъ такъ! это потому!

— Почему? слегка нахмуривъ бровь, спросила пани Филиція.

— Бо мамъ гэрба! съ аристократическимъ гоноромъ пояснилъ панъ Пшепендовскій.

— Гэрба?... Ну, и цожъ зъ тего?

— А якъ-же-жь?!. Бо естемъ шляхцицъ родовиты! бо естемъ Пшепендовскій—розумѣшь то, душечько?

— Пьфф!.. Пшепендовскій!.. Цо-жь то есть таке «Пшепендовскій»? съ маленькой досадой и выдвинувъ небрежно губу возразила пани Фелиція. Ей дѣйствительно было досадно, что индюкъ, вмѣсто благодарности за ея самоотверженіе, вдругъ сталъ приписывать весь успѣхъ дѣла ничему иному, какъ только тому, что онъ «герба мае» и что онъ—«Пшепендовскій».

— Цо такего есть Пшепендовскій?! Цо такего Пшепендовскій?! съ ироніей оскорбленнаго аристократизма, наступалъ на нее индюкъ: — Пшепендовски у гербу свемъ майон'пул-козицы!*)... Цалы пул-козицы! Разуме то, муя пани, чи не разуме? Отъ-цо есть такего Пшепендовскій!

— Гэрба! гэрба!.. И что имъ за дѣло до вашего гэрба?

— От-то еще! Чьто за дѣло!—Почитайте-ко газэты!

*) Пол-козы.

Газэты почитайте, тогда и узнаете! Теперъ консерватывный элемэнтъ въ дѣло *у нихъ* пойшелъ; теперъ они за интэрэсы землевладѣнья и двораньства—потому и поддержка двораньству! Потому и мнѣ поддержка! Теперъ понимаете, что значитъ гэрбъ и чему мы естъ обязаны?

— Гэрба! гэрба! продолжала въ томъ же задирающемъ и поддразнивающемъ тонѣ пани Фелиція:—у меня и свой собственный гэрбъ есть! И ужь если гэнэралъ и сдѣлаетъ что, то ужь конечно не для вашего, а для моего гэрба, когда вы знать хотите!

— Ну да! Ну, конечне для вашего! Что и говорить, для вашего, для вашего! иронически раскланивался передъ нею панъ Пшепендовскій:—нашли гдѣ гербъ... И какой у васъ гербъ?—Гэрбарій, а не гэрбъ!

— Ну и гэрбарій! а все жь таки вотъ для гэрбарія сдѣлаютъ, а не для вашей пул-козицы! Куды ваша пулкозица годится? изъ нея и биф-штеку не сготовишь! Ужь молчи лучше со своимъ «гэрбомъ» и цалуй руку умной жены!

И рука снова кокетливо была протянута къ индюку, и индюкъ снова поцаловалъ ее.

И было въ домѣ пана Пшепендовскаго на сей день веселье, довольство и счастіе.

Но прошло нѣсколько дней, прошла недѣля, и другая, и третья, даже полтора мѣсяца прошло, а объ мѣстѣ ни слуху, ни духу.

Мало по малу прежнее озлобленное уныніе смѣнило мимолетное довольство единственнаго счастливаго дня. Панъ Пшепендовскій снова пріунылъ и погрузился въ какія-то созерцательныя, сосредоточенныя и молчаливыя думы надъ своимъ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, изъ котораго, подъ-стать его настроенію. уныло исходили струйки Жуковка дыма (онъ хоть былъ и патріотъ, но придерживался по старинѣ Василія Жукова). Файтова опять не стала вѣрить въ кредитъ; Шліома подобно ходячему memento mori, опять ежедневно стучался въ дверь и надоѣдалъ угрозами о полицеймейстерѣ; и сапоженки маленькаго Стася успѣли уже дѣйствительно запросить каши.

А мѣста нѣтъ какъ нѣтъ!—И генеральское слово не помогаетъ...

А пани Пшепендовская между тѣмъ очень хорошо знаетъ, что стоило бы генералу сказать одно только это желанное слово, сдѣлать одно только минутное распоряженіе—и теплое мѣсто было бы готово къ услугамъ пана Пшепендовскаго.

Пани Пшепендовская нѣсколько разъ понавѣдалась въ генеральскій домъ, но по большой части все неудачно: то генералъ не принимаетъ, то выйдетъ къ ней въ залу—и, на ряду съ другими просителями, отвѣтитъ, пожимая плечами:

— Что дѣлать, сударыня! Душевно бы радъ, да все еще нѣтъ подходящей вакансіи... Потерпите немного.

И за тѣмъ, равнодушно откланявшись, проходитъ далѣе. Но въ кабинетъ уже больше не зоветъ ее.

А между тѣмъ пани Фелиція слышитъ отъ пани Пшесницкой, что вотъ такому-то дали такое-то мѣсто, а такому-то эдакое, и слухи эти всегда подтверждаются, всегда оказываются вполнѣ справедливыми; стало быть мѣста-то есть, да только замѣщаютъ ихъ все «быдломъ наяздовымъ», а вѣрнопреданный панъ Пшепендовскій сидитъ на бобахъ и ждетъ у моря погоды.

— Ну и чтожъ вашъ гэрбарій?.. И гэрбарій видно, не помогаетъ нынче! Довольно они этихъ гэрбаріевъ видѣли!.. Не удивите! укоризненно и желчно обращается къ супругѣ панъ Пшепендовскій, давая волю своему грустно-мрачному и озлобленному настроенію.

И пани Фелиція только фыркала на него съ оскорбленнымъ достоинствомъ, но въ полемику уже не вступала.

А между тѣмъ идея о мѣстѣ такъ понравилась пану Пшепендовскому, и такъ живо онъ представилъ его себѣ, и такъ пріятно вообразилъ себя какъ-бы совсѣмъ уже на мѣстѣ, и такъ разлакомился мечтами и предвкушеніемъ этой благодати, что теперь тѣмъ паче подвергся тоскѣ безплоднаго ожиданія. Ему ужь во что-бы то ни стало хотѣлось заполучить себѣ теплое мѣстечко.

И вотъ, время отъ времени, слышитъ панъ Пшепен-

довскій, что панъ Подлецкій принялъ православіе и получилъ мѣсто, панъ Мерзецкій принялъ православіе и получилъ недурненькое мѣсто, панъ Гадъ принялъ православіе и получилъ прекрасное мѣсто...

«Э! от-то есть штука!» грустно мыслитъ себѣ панъ Пшепендовскій: «Ну, и цо жь теразъ робиць?...»

«Кедысь-то была тутей польска земя, и правдзивы поляки были, и правдзива стара вудка, правдзива наша святна вяра католицька, и мазуречки, и косцелы, и родовите паньство, шляхетство, рыцерство гонорове, и статуты, и сервитуты, и правда польска, и гоноръ польскій, и вшистко, вшистко и повшендзе была тутей Польска, а теразъ... теразъ то южь ницъ нима!... Ницъ!... Теразъ едне православье и вiѣрноподданьство!.. Гм... вiѣрноподданьство! Ну и цожь?. Ну, и вiѣрноподданьство! Ну, и православье!... Але цожь такего!?

«Кеды жь не можно и зъ православьемъ? От-то глупсьтво! Ну, и бендземы православны! И на вiѣрноподданьство навроцимысен'! А вы, дурни, мысляли, же-то южь нима намъ теразъ жаднéго спосóбу до житцья у покою на бялему свѣтци! От-то дурни! А мы до православья навроцимысен'! У вiѣрноподданьство пуйдземы! и баста! А цо, панове москале? Хе, хе, хе-е!.. Дулю сглоцили! От-то такъ же и есть!»

Панъ Пшепендовскій сталъ серьезно подумывать о

томъ, чтобы принять православіе.—Теперь не гербы и и не гербаріи мѣста даютъ, а віѣрноподданьство и православье... И развѣ не все одно? мыслилъ онъ надъ своимъ чубукомъ:

«Развѣ Богъ не одинъ? креститься такъ, либо такъ, признавать папу или не признавать—от-то есть глупство! Ну, и буду я хоть «православный», але кто жь меня повѣритъ въ душѣ: чи естемъ всходный, чи естемъ католикъ? когда жь не можно почитать въ душѣ и папу, и косцелъ, ходя до всходной церквы»?

«Ну, глупсьтво! Едне тильке глупсьтво, и венцей ницъ! Абы быть добрымъ полякомъ, добрымъ чловѣкомъ, добрымъ патріотомъ (но только очень осторожнымъ) а тамъ— католикъ ли я, или православный—это ровно ничего не значитъ!»

„Абы только народъ, масса, абы только быдло хлопське не переходило на православье, абы оно оставалось подъ костеломъ; а когда приметъ православье шляхтичъ, чиновникъ, и даже ксендзъ — это ровно ничего не значитъ. Люди цивилизованные, люди интелигенціи пусть принимаютъ! наши обстоятельства требуютъ того! Отъ этого не вредъ, а скорѣе польза святней справѣ!

Однажды онъ сообщилъ свои мысли супругѣ. Ту сначала было поразило это обстоятельство.

— А дѣти!.. И дѣти тоже будутъ всходными? восклик-

нула она, чуть не въ ужасѣ всплеснувъ руками: — и я буду всходна?.. Какъ! чтобы я въ москевську схизму? — да ни за что на свѣтѣ! Ни сама не пойду, ни дѣтей развращать не позволю! Не позвалямъ, да и баста!.. Не позвалямъ!

Панъ Пшепендовскій даже пригнулся отъ ярости своей супруги, столь ревнующей о вѣрѣ. Но переждавъ эту бурю, онъ осторожно сталъ развивать ей свои мысли о томъ, что дѣти и она могутъ и не принимать православія, что онъ одинъ только приметъ, ради полученія мѣста—единственно только ради мѣста, а безъ того пропадай оно и совсѣмъ! что ему будетъ еще лучше, еще сподручнѣе тогда дѣйствовать на пользу свянтей справы польской, потому что присоединеніе къ православію развяжетъ ему руки, заставитъ москевське правительство не обращать на него больше особаго вниманія какъ на православнаго—и потому стало быть вѣрноподаннаго и больше не опаснаго человѣка; что это православіе относительно его, пана Пшепендовскаго, вотретъ хорошіе очки власти наяздовей, заставитъ ее глядѣть на него сквозь пальцы, и главное—это православіе дастъ ему доброе, теплое мѣсто, а мѣсто, въ свой чередъ, дастъ возможность дѣйствовать подъ рукою на пользу ойчизны, но только дѣйствовать умнѣе, осторожнѣе, осмотрительнѣе, чѣмъ было до „дурацькего повстанья», и что наконецъ она, пани Пше-

пендовська, какъ мать и добрая патріотка, всегда съумѣетъ изъ своихъ дѣтей—будь они даже хоть и православные—сдѣлать добрыхъ и заядлыхъ поляковъ и что стало быть, въ концѣ концовъ, опасаться, волноваться и неистово кричать *„непозвалямъ“* ровно не изъ чего.

Пани Пшепендовская, вразумленная столь краснорѣчивыми доводами супруга, не противурѣчила болѣе благимъ его намѣреніямъ и даже сознала въ душѣ всю ихъ неоспоримую пользу.

Панъ Пшепендовскій послѣ этого еще пуще сталъ поносить передъ русскими людьми и поляковъ, и повстанье, и его дѣятелей, и ксендзовъ (ксендзовъ въ особенности). Заговорилъ онъ о томъ, что всегда былъ въ душѣ рускимъ патріотомъ, что по документамъ и предки его были русскими, но только совратились въ католичество, — что пора ему (да и всѣмъ вообще) возвратиться въ лоно своего русскаго отечества и въ лоно православной церкви, — что они-то самые, эти возвращенные въ лоно, и будутъ лучшими и передовыми бойцами въ этомъ краю за русское дѣло. И много еше другихъ подобныхъ рѣчей говорилъ панъ Пшепендовскій, при каждомъ случаѣ, какъ только доводилось ему бесѣдовать въ исключительно русскомъ обществѣ. Онъ настоятельно сталъ искать сближенія съ русскими.—И многіе русскіе слушали, развѣся уши, пана Пшендовскаго и отдавали ему даже искренное

сочувствіе. Въ нѣкоторыхъ русскихъ кружкахъ о немъ составилось даже очень лестное для него мнѣніе, и панъ Пшепендовскій торжествовалъ. Съ помощью подобной тактики, онъ исподволь очень ловко обдѣлывалъ свои дѣлишки, ради которыхъ и составлялъ себѣ предварительно эту хорошую репутацію въ русскомъ обществѣ.

Между поляками панъ Пшепендовскій держалъ себя иначе. Тутъ онъ больше все старался помалчивать, предоставляя первенство въ разговорахъ своей супругѣ, а самъ время отъ времени только вздыхалъ выразительными вздохами сокрушенія — и всѣмъ видомъ, всѣмъ характеромъ своимъ изображалъ неизбѣжную, (хотя и вѣроятно только временную) покорность роковымъ обстоятельствамъ.

Съ этого же времени панъ Пшепендовскій сопричислилъ себя къ искателямъ мѣстъ. Онъ такъ ужь и смотрѣлъ настоящимъ искателемъ мѣста, и вздыхалъ какъ искатель мѣста, и кланялся, и улыбался, и руку пожималъ, и разговаривалъ по преимуществу о мѣстахъ, и чутко настораживалъ уши, когда при немъ чей либо посторонній разговоръ начиналъ касаться вакансій, смѣщеній, опредѣленій и вообще какихъ бы то ни было мѣстъ.

Даже на улицѣ, при столкновеніи съ какимъ нибудь знакомымъ, когда тотъ встрѣчалъ его обычнымъ привѣтствіемъ:

— Якъ сен-машъ, пане?

Панъ Пшепедновскій кисловато отвѣтствовалъ:

— Алежь такъ... Мѣстця шукамъ!

И начился разговоръ о мѣстѣ.

Наконецъ панъ Пшепендовскій услышалъ однажды, что даже и панъ Пшеподлинській—такъ-таки самъ наияснѣйши-панъ Пшеподлинській принялъ православіе и получилъ за то лестное отличіе и прелестное мѣсто!

Это окончательно уже порѣшило пана Пшепендовскаго. Онъ взялъ и тоже принялъ православіе.

ГЛАВА V.

Какъ нынѣ ищетъ и какъ находитъ панъ Пшепендовскій.

Панъ Пшепендовскій гладко выбрилъ себѣ подбородокъ, припомадилъ волосы и натянулъ на плечи свой старый фракъ, застегнувъ его на-глухо, сверху донизу, на всѣ пуговицы. Панъ Пшепендовскій во фракѣ разительно походилъ на грача. Даже физіономія его въ этомъ нарядѣ, имѣла въ себѣ нѣчто грачовое; оттопырившіяся фалды у него совсѣмъ не сгибались и торчали какъ-то на-отмашь и нѣсколько въ стороны, напоминая собою грачовый хвостъ. Кланялся, напримѣръ, панъ Пшепендовскій—и фалды его топорщились, а нижнія полы ихъ,

описывая дугу, отлетали кверху ровно настолько, насколько сгибались спина при поклонѣ. И такимъ образомъ, эти фалды составляли какъ-бы одно нераздѣльное и одухотворенное цѣлое съ самимъ паномъ Пшепендовскимъ. По ихъ отлету можно было вполнѣ вѣрно опредѣлить степень значителности поклоновъ пана Пшепендовскаго.

Панъ Пшепендовскій надѣлъ и пуховый цилиндръ, не ради чего иного, какъ только ради вящяго заявленія своей благонамѣренности, ибо правдивые поляки еще такъ недавно не любили носить цилиндровъ (и особенно во времена повстанскія), почитая ихъ принадлежностью москевскихъ шпеговъ и чиновниковъ, но теперь они ихъ очень любять, потому что стараются дружить съ нѣмцами—и въ тоже время показываютъ русскимъ свою шляпную «вѣрнопреданность». Затѣмъ панъ Пшепендовскій вышелъ изъ дому. Пани Фелиція проводила его молитвами, благословеніями и добрыми пожеланіями счастья и удачи.

Панъ Пшепендовскій—хотя уже и православный—но не выдержалъ-таки и, озираясь, словно-бы дѣлая что дурное, и опасаясь, какъ-бы его не запримѣтили, тайкомъ забѣжалъ прежде всего до косцелу, выбралъ тамъ себѣ темное, укромное мѣстечко «у хуточку» и пршиклянчилъ т. е. преклонилъ колѣна, помавая головою и ударяя себя въ грудь кулакомъ правой руки. Хоть онъ передъ при-

нятіемъ православія и философствовалъ, въ вольнодумномъ духѣ, что Богъ — одинъ для всѣхъ, вездѣ и всегда, и повсюду; однако же, отправляясь на совершеніе важной житейской задачи, забѣжалъ тайкомъ и урывкомъ не въ церковь, а въ костелъ,—въ полной увѣренности, что католическіе святые какъ-то болѣе ему сродни и значитъ скорѣе и охотнѣе помогутъ, чѣмъ святые православные, съ которыми онъ познакомился только недавно да и то поневолѣ—«бо панъ мястця шука».

Панъ Пшепендовскій вышелъ изъ костела, озираясь по сторонамъ не безъ тревожныхъ опасеній. Однако— слава Богу!—никто его не примѣтилъ. На душѣ у него просвѣтлѣло, потому—и святымъ помолился, и москалей надулъ,—что впрочемъ для него было одно и тоже, и стояло на равной степени добродѣтели.

И вотъ, онъ уже въ прихожей у его превосходительства.

Генеральскій швейцаръ встрѣтилъ его какъ знакомаго, потому что панъ Пшепендовскій былъ знакомъ съ генеральскимъ швейцаромъ. А былъ знакомъ онъ съ нимъ потому, что генеральскій швейцаръ тоже былъ хляхтичъ, только хляхтичъ отправляющій швейцарскую обязанность, и во-вторыхъ потому еще, что панъ Пшепендовскій, въ качествѣ искателя мѣста, не считалъ удобнымъ пренебрегать знакомствомъ генеральскаго швейцара. Поэтому онъ

еще гораздо раньше нашелъ себѣ возможность познакомиться, на всякій случай, съ швейцаромъ и даже съ генеральскимъ камердинеромъ, полагая такой маневръ дѣломъ для себя не безполезнымъ.

— А! Муй коханы, муй droги! радушно потрясъ онъ руку швейцара: — а что? принимаютъ?

— Принимаетъ.

— А что? какъ слышно? у духѣ сегодня, чи не у духѣ?

— Полагаю, что въ духѣ.

— Ну, хвàла Богу! хвàла Богу! облегченно вздохнулъ панъ Пшепендовскій.

— А что? прищурился на него швейцаръ.

— А такъ, мѣсця шукамъ... Прósить иду.

— Гм!..

Швейцаръ многозначительно и глубокомысленно кивнулъ головою.

— А цо?.. якъ то тамъ?.. чи можно? колеблясь между страхомъ и надеждой, осторожно освѣдомился панъ Пшепендовскій.

— Можно!

И швейцаръ, ради пущаго удостовѣренія, покровительственно подмигнулъ ему глазомъ.

— Ну, то я тутъ повѣшу пальто... нехъ повиси трошечку... Можно?

— Можно, можно!

И панъ Пшепендовскій. дабы не утруждать своего знакомаго, самъ снялъ съ сплечь и самъ повѣсилъ на вѣшалку свое платье, затѣмъ запаснымъ носовымъ платкомъ обмахнулъ пыль съ отлично вычещенныхъ сапоговъ, поправилъ передъ зеркаломъ галстукъ, самолично повязанный ему нынѣ супругою, пригладилъ волосы, подергалъ книзу фракъ, провелъ рукою по ворсу пуховаго цилиндра—и съ трепетомъ въ сердцѣ, шепча про-себя молитву вшистцимъ свентымъ, поднялся по лѣстницѣ въ пріемную залу.

Тамъ уже ожидали нѣсколько просителей.

Панъ Пшепендовскій тотчасъ же окинулъ ихъ быстрымъ и зоркимъ глазомъ и убѣдился, что все это, болѣе или менѣе, свои—краёвы обывацѐли. Поэтому онъ вступилъ въ залу съ видомъ вполнѣ независимымъ и, съ положительнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства, помѣстился у окна.

Рядомъ съ нимъ помѣщалась какая-то старушенція въ ватномъ капорѣ, не смотря на теплые дни, и въ какой-то допотопной шали, — по виду непремѣнно благочестивая братчица какого нибудь изъ костельныхъ братствъ. Старушенція все кашляла и копошилась въ своемъ ридикюлѣ, перебирая какія-то «монатки»: тряпье, опорки, чулки, кусочки сахару, стеариновые огарки и засаленныя дѣловыя бумаги. Старушенція эта имѣла уже много и

много лѣтъ хожденіе по какому-то дѣлу. По какому именно?—ужь это она и сама, за давностію времени, успѣла позабыть, но все-таки ходила,—ходила по привычкѣ.

Нѣсколько ближе къ дверямъ запертаго кабинета стояла въ уголочкѣ сорокалѣтняя женщина, съ глазами и носомъ, покраснѣвшими отъ слезъ и съ пятью ребятами малъ-мала меньше.

Вотъ проходитъ какой-то русскій полковникъ.

Панъ Пшепендовскій, хотя и незнакомъ съ полковникомъ, тѣмъ не менѣе привстаетъ со стула и съ любезной, сдержанной улыбкой встрѣчаетъ его легкимъ полупоклономъ. Въ улыбкѣ пана Пшепендовскаго есть и любезность, и въ тоже время маленькое достоинство.

Полковникъ мимоходомъ взглядываетъ на него недоумѣлымъ взоромъ, но тѣмъ не менѣе, киваетъ головою, съ тою нерѣшительностію, съ какой обыкновенно отвѣчаютъ на случайный поклонъ совершенно незнакомаго человѣка.

Панъ Пшепендовскій еще разъ любезно раскланивается, уже съ видомъ знакомаго.

Полковникъ останавливается противъ него и вглядывается ему въ физіогномію, какъ-бы стараясь припомнить что-то.

— Павелъ Ѳедосѣичъ, кажись? вопрошаетъ онъ, полупротягивая руку.

— Пшепендовській... глотая звуки, бормочетъ ему съ поклономъ искатель мѣста и торопливо ловитъ протянутую руку, спѣша потрясть ее отъ всей души своей.

— Щукинъ?.. Павелъ Ѳедосѣичъ Щукинъ, если не ошибаюсь? спрашиваетъ полковникъ, сбитый съ толку поклономъ пана Пшепендовскаго и принимая его за какого-то своего знакомаго.

— Пшепендовській, господынъ пулковникъ... Пшепендовській.

Полковникъ вглядывается на него съ полнымъ недоумѣніемъ и въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ пробормотавъ ему: «извините! ошибся!» отходитъ всторону.

Тѣмъ не менѣе, панъ Пшепендовскій все-жь таки очень доволенъ и, съ достоинствомъ крутя свой усъ, опускается на стулъ.

Въ залѣ появляется панъ Загрембо, прежній знакомецъ пана Пшепендовскаго, радикалъ и патріотъ, который однако нынѣ вездѣ ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ пана Пшепендовскаго: въ какихъ-то счетахъ не поладили между собою.

Панъ Пшепендовскій, завидя его, какъ-бы невзначай отворачивается къ окну и равнодушно поигривая цѣпочкой, выглядывающей у него изъ подъ фрака, начинаетъ напѣвать себѣ что-то подъ носъ и внимательно разглядывать на улицѣ какую-то тумбу.

Панъ Загрембо, косясь на своего врага, проходитъ мимо—и панъ Пшепендовскій успокоивается и снова принимаетъ равнодушно-независимый видъ, исполненный чувства собственнаго достоинства, какъ будто не онъ отвернулся къ окну отъ пана Загрембы, а панъ Загрембо отъ него отвернулся.

Вотъ въ дверяхъ показывается ксендзъ-каноникъ Лушкевичъ и отдаетъ всѣмъ общій поклонъ очень мягконькаго и очень смиреннаго свойства.

Панъ Пшепендовскій на мновенье смутился, совсѣмъ вконецъ смутился и растерялся: ксендзъ Лушкевичъ внезапно появился предъ нимъ, какъ голосъ неумытной совѣсти, какъ судъ общественнаго польскаго мнѣнія надъ ренегатомъ. Но смущеніе длилось не болѣе мгновенья: панъ Пшепендовскій вспомнилъ, что онъ православный и, стало быть, въ нѣкоторомъ родѣ, сила. Поэтому онъ грузно шлепнулся на стулъ, высоко задралъ ногу на ногу и нахально заломясь, постукивая носкомъ сапога да покручивая усъ, съ независимымъ видомъ уставился глазами въ ксендза Лушкевича.

Но ксендзъ, смиренно проходя мимо, пустилъ изподтишка на пана Пшепендовскаго долгій, тонкій и язвительный взглядецъ.

Панъ Пшепендовскій не выдержалъ: какъ бы невзначай подымается онъ со стула и скромно сложивъ обѣ ру-

ки у борта своей шляпы, которую держитъ прижавъ къ животу, принимаетъ вдругъ огорченно-кроткій видъ.

Ксендзъ проходитъ мимо.

Панъ Пшепендовскій, при его прохожденіи, вздыхаетъ очень глубоко и очень прискорбно, словно бы желая въ чемъ оправдаться, или изобразить изъ себя невольно и невинно угнетенную жертву. Какъ-то вдругъ духу не хватило выдержать бойкій видъ православнаго и онъ остался весь въ какой-то смиренномудрой, кающейся и потупленной позѣ. Впрочемъ, ксендзъ-каноникъ, крестомъ сложивъ на груди ладони, сдѣлалъ теперь видъ будто, проходя, вовсе и не замѣчаетъ пана Пшепендовскаго.

Черезъ нѣсколько времени, когда впечатлѣніе встрѣчи съ Загрембой и ксендзомъ успѣло уже улечься и сгладиться, появилась какая-то хорошенькая панна.

Панъ Пшепендовскій тотчасъ же старается держать себя молодцомъ и какъ бы даже отставнымъ военнымъ, играетъ цѣпочкой и, изрѣдка переминаясь, подтопываетъ ножкой, оправляется и лихо крутитъ свой усъ.

Панна мимоходомъ обращаетъ на него нѣкоторое вниманіе. Панъ Пшепендовскій чувствуетъ себя удовлетвореннымъ и предупредительно спѣшитъ подставить ей свой собственный стулъ. Панна молча поблагодаривъ его кивкомъ головы, скромно опускаетея на предложенное ей мѣсто.

Панъ Пшепендовскій, стоя рядомъ, запускаетъ на нее сверху скромно-лукавый взглядъ, подрыгиваетъ колѣнкомъ покручиваетъ усъ и молодцовато прихорашивается.

— Вамъ кого вгодно видѣть? рѣшается онъ, наконецъ, тихимъ голосомъ обратиться къ хорошенькой паннѣ.

— Мнѣ до пана губэрнатóра...

— До *господына* губэрнатора! ласково, но внушительно поправляетъ ее панъ Пшепендовскій.

Панна поняла намекъ и сконфузилась.

— Вы до нéго дѣло какое имѣете? продолжаетъ панъ.

— Такъ... свой интэресъ...

— Ну, то потрудиться пообождать трошéчку... Они теперъ занятые, но они скоро зволять выйдти... Они вобще очень обходительный и ласковій человѣкъ... Они усе чьто могуть, то непремѣнно издѣлають для васъ; вы посѣдите, объясняетъ паннѣ Пшепендовскій такимъ авторитетнымъ, покровительственнымъ тономъ, какъ будто онъ здѣсь оффиціальное и при томъ *свое* лицо, нѣчто въ родѣ держурнаго чиновника особыхъ порученій, и продолжаетъ сверху запускать на панну свои масляные и скромно-лукавые взгляды.

Въ эту самую минуту подходитъ къ нему только-что явившійся сюда панъ Груздецкій, одинъ изъ сосѣдей пана Пшепендовскаго по имѣнію.

— От-то спотканье!.. муй droги! якъ сен-машъ? Цо робишь, коханы? громко и радушно обратился онъ къ пану Пшепендовскому.

— Мое почтенье! громко, по-русски и съ удареніемъ отвѣчаетъ ему тотъ, платя взаимнымъ, но какъ-то суховато-сдержаннымъ привѣтомъ на радушіе пана Груздецкаго.

— Цо то за «почтенье?» По яковськьку то панъ муве? Мабудь по татарську? то не розумемъ! презрительно, выдвинувъ губу, въ полголоса побравировалъ панъ Груздецкій.

— Тс!.. Гм-гм!... Кхе-кхе-кхе!.. нарочно погромче раскашлялся панъ Пшепендовскій, какъ бы желая заглушить неумѣстные звуки компрометирующаго языка:—и покорнѣйще прошу изо мною по польску не говорить, бо я по польску не говору и не понимаю даже, чьто то есть-таки за ензыкъ! И чьто этое вы такое! солидно, тихо т. е. почти шопотомъ, но какъ бы усовѣщевая, и слегка укоризненно покачивая головою, заговорилъ онъ, пожимая руку пана Груздецкаго, которому, между прочимъ, состоялъ долженъ по векселю сотни двѣ рублишекъ.—И здѣсь же по польску не говорать... Здѣсь есть русски ензыкъ! и еще покорнѣйще прошу говорить изо мною не иначе, какъ по русську... Штрафъ берутъ!

При словѣ «штрафъ» панъ Груздецкій прикусилъ языкъ

подтянулъ въ себя нижнюю ґубу и съ полупоклономъ выпучилъ глаза, какъ бы выражая этимъ: «а, вотъ оно какъ?.. Ну, спасибо!»

Панъ Груздецкій думалъ, что штрафы больше ужъ не взимаются; а если не взимаются, то почему же и не побравировать?

— Вы по какому дѣлу? спросилъ Пшепендовскій пана Груздецкаго.

— Э!.. недбимки естъ... одстрочки хочу просить... Просто, хочь порѣзаться! кисло и грустно объявилъ помѣщикъ:—а вы жъ зачѣмъ?

— М-м... такъ, дѣла есть! небрежно и не безъ многозначительности отвѣтилъ панъ Пшепендовскій, мотнувъ головою.—Мнѣ до самóго гэнэрала, прибавилъ онъ еще небрежнѣе.

— Э?.. От-какъ! Какія жъ такія дѣла?

— Але-жъ такъ... Есть тутъ общее дѣло одно у его и у меня... ну, посовѣтоваться и... долóжить; такъ для того и повидаться надо, говорилъ панъ Пшепендовскій съ небрежностью, сквозь которую проглядывала важность и даже загадочность сфинкса—и сфинкса не простого, а сфинкса-политика и, пожалуй, въ нѣкоторомъ родѣ, хоть бы и государственнаго человѣка.

Панъ Груздецкій медленно и съ явнымъ уваженіемъ кивнулъ на это головою.

А панъ Пшепендовскій остался доволенъ, что успѣлъ-таки сосѣду подпустить пыли.

Въ эту минуту онъ усмотрѣлъ, что по залѣ бойкой и дробной походкой на каблучкахъ проносится знакомый ему чиновникъ. Панъ Пшепендовскій тотчасъ же подлетѣлъ къ нему—и разставя руки полуфертомъ, причемъ грачовый хвостъ самъ собою приподнялся кверху, тише чѣмъ въ полголоса спросилъ его, съ самой любезной, сладкой и искательной улыбкой:

— И позвольте взнать, ихъ превосходительство скоро зволять выйдти?

— Въ назначенное время выйдетъ. Вамъ что угодно?

— А я такъ... я любопытенъ только знать, какъ скоро они выйдуть, бо я просьбу до нихъ имѣю, тихо изъяснялъ панъ Пшепендовскій, въ полунаклоненной позѣ и продолжая держать полуфертомъ свои опущенныя руки.— Позвольте васъ просить—будьте такой ласковій!—доложите ихъ превосходительству, чьто до нихъ господынъ Пшепендовській дѣло имѣеть... Пшепендовській... будьте такой добрый!

— Потрудитесь обождать; какъ выйдетъ, тогда и объяснитесь.

— Такъ подождать прикажете?.. Очень хорошо!... То я подожду... благодару вамъ!

И поклонившись чиновнику, панъ Пшепендовскій не

безъ пріятной легкости скользя по лощенному паркету, возвратился на свое мѣсто.

— Чьто вы въ него спрашивали? любопытно освѣдомился панъ Груздецкій.

Панъ Пшепендовскій скорчилъ независимо-небрежную гримасску.

— А такъ... говóрили между сéбя, отвѣчалъ онъ: — сказалъ, жебъ онъ поскорѣйшъ долóжилъ тамъ у габинэту, чьто я жду... ну, и о дѣлѣ кое-чьто перемолвили.

Панъ Груздецкій въ отвѣтъ удовлетворительно и коротко кивнулъ головою.

Панъ Пшепендовскій и этимъ остался очень доволенъ. Для чего собственно продѣлывалъ онъ всѣ эти штуки— онъ и самъ едва ли бы могъ отвѣтить съ точностью. Надобности въ нихъ не представлялось ни малѣйшей, но... ужь такая видно у пана Пшепендовскаго натура, что любитъ подлизаться ко всему, что только носитъ на себѣ какой бы то ни-было признакъ общественнаго положенія вліянія, значенія и власти, и въ тоже время натура эта никогда не прочь покичиться, порисоваться своимъ собственнымъ будто-бы достоинствомъ и значеніемъ, на счетъ которыхъ пану Пшепендовскому очень лестно пускать пыль въ глаза и самому себѣ, и сторонимъ людямъ.

Распахнулись торжественно двери—и въ залу вышелъ его превосходительство.

Все, что было въ залѣ—все поднялось со стульевъ, слегка засуетилось, затревожилось... сердца ёкнули, взоры обратились на звѣзду... Панъ Пшепендовскій вскочилъ раньше прочихъ, подбодрился, пріершился, подергалъ книзу фракъ, поводилъ плечами, такъ, какъ словно бы его блоха въ лопатку кусала,—и усиленно, по гусиному, вытягивая шею изъ воротничка рубашки—всею фигурой, вглядомъ, душою и сердцемъ, казалось, стремился въ сторону его превосходительства

При появленіи особы, съ паномъ Пшепендовскимъ точно лихорадка какая-то сдѣлалась: стоя на своемъ мѣстѣ онъ, то шляпу вертѣлъ, водя ладонью по ворсу, то колѣнкомъ подрягивалъ, то подошвой притопывалъ, то воротнички поправитъ, то фракъ книзу потянетъ, или пылинку заботливо сниметъ съ обшлага, то возьметъ шляпу въ лѣвую руку и опуститъ ее по шву, а большой палецъ правой руки заложитъ за бортъ фрака, между пуговицами, то вдругъ перехватитъ свой цилиндръ въ правую, или уткнетъ его полями подъ мышку, а взорами и сердцемъ и гусино-вытянутой шеею весь стремится въ сторону его превосходительства.

По залѣ раздавался голосъ генерала. По преимуществу слышались вопросы: «вамъ что-съ?»—„чемъ могу слу-

жить?“ или короткія, отрывистыя фразы въ родѣ:—«нельзя-съ!.... не могу-съ!.. Душевно бы радъ, но не могу, не могу, сударыня, не могу-съ!.. Очень хорошо-съ!... Дать справку!.. Пошлите отношеніе!.. Хорошо-съ, не безпокойтесь!.. и т. п.

Его превосходительство постепенно переходилъ отъ одного просителя къ другому.

— Ктуры то есть панъ гэнэралъ? приставала къ пану Пшепендовскому справа убогая и подслѣповатая старушенція.

— Оставте мене пожалуста! кратко и сухо обернулся на нее панъ Пшепендовскій.

— Але-жъ я ймѣю до пана гэнэрала... и нѐвѣмъ ктуры есть панъ гэнэралъ? Прошен пана...

— И покорнѣйше прошу оставить мене у покою.

— Але-жъ прошен' пана! Естемъ бѣдна кобѣта!... Нехъ панъ бендзе такъ ласкавъ! слезно шептала глуповатая старушенція.—От-то тенъ самы, у мундужу?.. а?

— Вопросы неумѣстны! еще разъ сухо и строго-внушительно обернувшись, надъ самымъ ухомъ старушенціи, тихо огрызнулся панъ Пшепендовскій и круто отворотился съ недовольнымъ видомъ, снова изображая взоромъ и сердцемъ порывъ къ его превосходительству.

— Вамъ что-съ? подходитъ генералъ къ красноносой вдовѣ, окруженной пятью ребятами.

— Вашіе пресходзицельство! слезно начинаетъ та: — я несченслива удова... мужъ мой въ губэрнскои тыпографьи корректы правилъ, але-жъ померъ, и я а ни-ницъ ничего не йм́ѣю... не оставте, вашіе пресходзицельство!... От-то есть пьять малыхъ ребенковъ и кормиться не имѣю чего... Прошу пособья...

— Я не соціалистъ, сударыня! Я не соціалистъ! съ сухимъ наклоненіемъ головы, кратко отвѣтствовалъ генералъ: — ничего для васъ не могу... Не могу, сударыня!

— Але и что-жъ я теперъ должна подѣлать изъ ними, вашіе пресходзицельство?—Они еще малые и таки глупіи..

— Я не соціалистъ, сударыня, я не соціалистъ!

— Ну, и мы то теперъ помирать должны...

— Какъ вамъ угодно, сударыня, какъ вамъ угодно...

Панъ Пшепендовскій строго смотритъ на вдову, и въ лицѣ его выражается неудовольствіе, даже негодованіе, что вотъ-де глупая женщина приходитъ безпокоить—и кого же безпокоить!—съ такими пустяками.

Панъ Пшепендовскій совершенно недоволенъ вдовою.

Его превосходительство подходитъ къ пану Загрембо и начинаетъ распекать.

— Да, такъ-съ! раздается рѣзкій, недовольный голосъ его превосходительства:—этого нельзя-съ!.. Я этого не дозволю! Не допущу-съ!. Да я для васъ, милостивый госу-

дарь, въ 24 часа административнымъ порядкомъ... Я съ корнемъ вырву всѣ эти штуки-съ!... Да-съ! Да-съ!!...

Панъ Загрембо, радикалъ и патріотъ, дрожитъ и теряется и, весь блѣдный, съ трудомъ бормочетъ заикающимся голосомъ:

— Ва... ва... ваше... вашіе... Помилуйте... вашіе...

Панъ Пшепендовскій, стоитъ, держась обѣими руками за поля приподнятой къ груди шляпы—и глядя въ ея дно при каждомъ словѣ генерала киваетъ головою, какъ бы поддакивая ему и поощряя генеральскую распеканку. Лицо его ясно изображаетъ, насколько онъ возмущенъ какимъ-то неизвѣстнымъ ему дѣйствіемъ со стороны пана Загрембы. Глядючи въ дно цилиндра, онъ, при каждомъ рѣзкомъ возвышеніи начальственнаго голоса, поддакивая кивками, бормочетъ про себя:

— Эге?.. эге?.. От-то то-то такъ!.. Такъ, такъ!.. А что? а что?... Эге?!. То такъ и слѣдъ!.. такъ и слѣдъ!.. Эге!.. такъ есть... такъ!

Генералъ кончилъ распеканку и солидно дѣлаетъ какое-то отческое, миролюбивое внушеніе смиренно-стоящему ксендзу-пробощу.

Панъ Пшепендовскій уже не глядитъ въ дно цилиндра, хоть и все еще держитъ его передъ грудью обѣими руками, только уже донцемъ не къ низу, а прямо отъ себя и дѣлаетъ постную физіономію. Голова немножко

склонена на бокъ; взглядъ несмѣло коситъ въ сторону его превосходительства.

Его превосходительство подходитъ и слушаетъ пана Груздецкаго, который вдругъ очень бойко сталъ объяс- свои бѣды и жалобы чисто «по татарську», то-бишь по-русски.

— Нельзя-съ! Не могу-съ! Душевно бы радъ, но не могу... Вы знаете—законъ... Законъ прежде всего! Не могу! отрывисто говоритъ генералъ.

Панъ Пшепендовскій опустивъ голову и руку съ цилиндромъ, а другую приложивъ къ сердцу, горестно приподымаетъ плечи и сокрушенно воздыхаетъ. Передъ нимъ мерещятся въ туманѣ двѣсти рублей долгу по векселю...

Его превосходительство изволитъ мило шутить съ хорошенькой панной.

Панъ Пшепендовскій, плотно приставивъ ножку къ ножкѣ, стоитъ-себѣ совершенно милымъ песикомъ, у котораго тихо и нѣжно виляющій хвостикъ загнутъ кверху изящною закорючкой. Цилиндръ его опять приподнятъ къ груди; ладонь плавно поводитъ и гладитъ по шелковому ворсу; въ лицѣ лукаво-скромная усмѣшка; застѣнчиво и какъ бы кокетливо опущенный взглядъ устремленъ на цилиндръ; шея, какъ у котика, то и дѣло выгибается впередъ, а грачовый хвостъ такъ и норовитъ почтительно приподняться. «Ай-ай, и какой же жь право милый шутникъ

кашъ его превосходительство!» говоритъ общее и какъ бы заигрывающее выраженіе физіогноміи пана Пшепендовскаго.

Но вотъ генералъ почти ужъ къ нему подходитъ... вотъ онъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ, съ вопросомъ: «вамъ что угодно?» обращается къ какому-то просителю, послѣ котораго сейчасъ же очередь и пана Пшепендовскаго.

Грачовый хвостъ начинаетъ дѣлать легкія, но усиленныя движенія, и опять блоха какъ будто за лопаткой ходитъ, судя по движеніямъ подтягиваемыхъ плечъ. Панъ Пшепендовскій бодрится, прикручиваетъ усъ; въ лицѣ нѣкоторое волненіе; колѣнки чуть-чуть подрягиваютъ и каблучки пристукиваютъ. Это все означаетъ, что онъ примѣряется, норовитъ, прицѣливается половчей и предупредительнѣе сдѣлать первый поклонъ его превосходительству.

— Вамъ что-съ?

— Пшепендовській, ваше превосходительство!..

Грачовый хвостъ тотчасъ же на-отмашь отлетаетъ къ верху; опущенныя руки, конечно, полуфертомъ; каблучки прищелкиваютъ. Панъ Пшепендовскій, пріятно сгибая спину и клоня на лѣвый бочекъ голову, дѣлаетъ поклонъ съ легкой подскочкой, причемъ животъ у него мгновенно подтянутъ въ себя, а грачовый хвостъ оттопыривается и

колѣнки непремѣнно подрягиваютъ, выражая тѣмъ самымъ всю ловкость, стремительное усердіе и безконечное почтеніе пана Пшепендовскаго.

— Что вамъ угодно? повторяетъ генералъ.

— Пшепендовській, ваше превосходительство.

— Что такое?

— Пшепендовській... ваше...

— Какъ?.. Какъ вы говорите?

— Пшепендовській... дворанинъ Пшепендовській, ваше превосходительство.

— Пшепендовскій?

— Такъ есть, ваше превосходительство! дворанинъ Пшепендовській.

Надо замѣтить, что при каждомъ отвѣтѣ грачовый хвостъ непремѣнно, болѣе или менѣе, топырится кверху, и одна ножка дѣлаетъ glissade en arriére, что придаетъ всему корпусу пана Пшепендовскаго положеніе собирающагося летѣть Меркурія.

— Да-да, понимаю киваетъ ему генералъ:—понимаю!.. Ну-съ, такъ, что же собственно вамъ угодно?

— Ваше превосходительство! съ солиднымъ достоинствомъ начинаетъ проситель, не измѣняя своего наклоннаго полуферта:—принявъ православье, а потому... честь имѣю... объ опредѣленью! (поклонъ съ каблучками). Объ

опредѣленью, ваше прсвосходительство! (вторичный поклонъ съ отлетомъ грачоваго хвоста).

Генералъ расматриваетъ пана Пшепендовскаго.

— Вы приняли православіе?

— Такъ естъ, ваше превосходительство! Имѣлъ честь возсоединиться и соприсовокупиться!

— Ну, поздравляю, душевно поздравляю! очень радъ! Такъ что же вы?

— Явился собственно доложиць и заявиць 6 темъ вашему превосходительству... бо какъ зная вашу ласку и доброту... осмѣлилъ... ссбе. Имѣю честь объ опредѣленью...

— Вы хотите на службу?

— Мѣста желаю, ваше превосходительство, соотвѣтственнаго мѣста, для того какъ желаю увесь животъ свой подъ престолъ ойтечества, подложить; а потому...

— Вашъ чинъ?

— Пшепендовській, ваше превосходительство!... У штабсъ - офицерскому рангу.... надворный совѣтникъ, ваше превосходительство. И моя жона, ваше превосходительство, уже честь имѣла являться до вашего превосходительства, и ваше превосходительство были такой ласковій, что обѣщали ей, а потому... честь имѣю...

— А, да-да! помню, помню! Пшепендовскій—не чинъ, а фамилія... Помню! домекнулся генералъ, припомня свои щекотливыя поджилки:—вы были, кажись, исправникомъ?

— Капитан-справникомъ, ваше превосходительство... И по разуменью своему, сколько могъ... старался.

— Да, но тутъ вѣдь были нѣкоторыя обстоятельства.. Я приказывалъ тогда навести справки...

— Обстояцельства, ваше превосходительство, торопливо и заботливо перебилъ панъ Пшепендовскій:—обстояцельства—могу чесцью завѣрицъ—одъ одной только клевѣты... бо я былъ наусегда какъ самый вѣрный собака, и меня за то самыи же поляки одклеветали. От-то то сама и естъ этая польская интрига! Она сáма и естъ, ваше превосходительство!.. Они мене даже до двохъ разовъ почти подъ шибеницу подводили, и зъ тымъ... зъ кынжаломъ у брухо заколоть намѣреньe имѣли, але жъ не закололи, бо Богъ спасъ... одинъ только Богъ, вѣрно уже для того, чьто былъ я какъ вѣрный собака. А они мене одъ тыхъ одъ самыхъ поръ недоколотымъ свыньей называють... Такъ и называють, ваше превосходительство!... „Пшепендовській—это, говорать, недоколотый свыня!"

Генералъ разсмѣялся.

Панъ Пшепендовскій въ ту-жь минуту поспѣшилъ и этотъ смѣхъ обратить въ свою пользу.

— Такъ естъ точно, ваше превосходительство! подтвердилъ онъ съ глубокимъ поклономъ, — недоколотый свыня, и дѣти его недоколоты поросенки... Такъ и говорать! Пшепендовськего ребенки, то недоколоты поро-

сенки! На ребенковъ, на молютковъ ваше превосходительство!..

— Хорошо. Я постараюсь... я сдѣлаю. Имѣю честь кланяться!

И генералъ направился-было далѣе.

Но панъ Пшепендовскій, извиваясь и изгибаясь, мелкими скользящими шажками, почти на цыпочкахъ, засѣменилъ вслѣдъ за генераломъ.

— И такъ, ваше превосходительство, позволите имѣть у надею?

— Хорошо, хорошо... Я сказалъ уже.

— Позволите, ваше превосходительство, мнѣ самóму, аль бо и жóнѣ моей понавѣдаться?..

— Можете, можете-съ!

— И какъ скоро прикажете, ваше превосходительство?

— На дняхъ, на дняхъ же...

— Слушаю-съ. Имѣю честь... покóрнѣйше благодарить ваше превосходительство!

При этомъ грачовый хвостъ въ послѣдній разъ отлетѣлъ на-отмашь—и панъ Пшепендовскій съ сіяющимъ и гордымъ видомъ собственнаго достоинства, окинувъ взоромъ всѣхъ остальныхъ просителей и не замѣчая болѣе даже пана Груздецкаго, вышелъ изъ залы тою слегка скользящею и покачивающейся походкой, которая очень напоминаетъ походку обласканнаго пёсика.

— Ну, и цо жъ? можно повиншовацъ? (поздравить) пріятельски улыбаясь, обратился къ нему швейцаръ въ прихожей.

— Пальто! авторитетно крикнулъ ему панъ Пшепендовскій, звѣрски и гордо надвинувъ на глаза свою шляпу.

Удивленный швейцаръ машинально подалъ ему верхнее платье.

— Дзенькуен', небрежно кивнулъ ему панъ и съ важностью, весь радостный и сіяющій вышелъ за двери.

Дальнѣйшее дѣло вела уже сама пани Пшепендовская. Въ такомъ же точно интересномъ видѣ, какъ и въ прошлый разъ, она черезъ нѣсколько дней поѣхала къ его превосходительству, и послѣ этого какими-то необъяснимыми судьбами успѣла-таки добиться того, что его превосходительство принялъ ее въ своемъ кабинетѣ, забывъ даже про щекотливыя поджилки.

— Ваше пресходзицельство, издѣлайте мнѣ это, кокетливо и вкрадчиво сказала ему на прощаньи прелестная и даже на сей разъ обольстительная пани Фелиція:—вы тольке издѣлайте и... и... и тогда (она томно и порывисто вздохнула) тогда вы увидите... я... О, да! вѣрте мнѣ!.. Я съумѣю хорошо, хорошо одблагодарить вамъ... Моя благодарность—увсѣмъ чымъ тольке можетъ благодарить женщина, но... тольке издѣлайте мнѣ это, ваше пресходзительство!...

ГЛАВА VI.

Самая короткая, но самая вѣская и назидательная.

Панъ Пшепендовскій получилъ мѣсто. Точка.

ГЛАВА VII.

Тоже не длинная, но и нелишенная назидательности.

Какое именно мѣсто получилъ панъ Пшепендовскій— это для читателя вопросъ совершенно равнодушный. Достаточно сказать, что мѣсто было не безъ теплоты, соотвѣтственное рангу, почти независимое и даже не лишенное нѣкоторой вліятельности. Генералъ не то, чтобы самъ отъ себя далъ ему мѣсто,—но онъ списался, снесся съ кѣмъ слѣдовало, попросилъ, порекомендовалъ, похлопоталъ—и панъ Пшепендовскій очутился на мѣстѣ. Но... къ немалому изумленію его превосходительства, прелестная пани Фелиція даже вовсе не поѣхала поблагодарить его — хоть бы только изъ приличія, хоть бы въ общей пріемной, хоть бы даже при постороннихъ ли-

цахъ. Она, вмѣсто себя, послала съ тысячью благодарностей самого пана Пшепендовскаго. Панъ Пшепендовскій принялся за службу ретиво. Онъ былъ дѣлецъ не дурной, какъ и каждый полякъ на русской службѣ. На первое время онъ въ особенности постарался зарекомендовать себя на счетъ дѣловитости и служебнаго рвенія, потомъ на счетъ благонамѣренности своихъ убѣжденій. Даже въ церковь на первое время онъ ходилъ еженедѣльно: въ субботу ко всенощной и въ воскресенье къ обѣднѣ; а ужь о праздникахъ и торжественныхъ дняхъ нечего и говорить! Тутъ онъ являлся однимъ изъ первыхъ, въ мундирѣ присвоенномъ должности, становился на такое мѣсто, гдѣ бы могли его видѣть разныя вліятельныя начальственныя лица, и молился, молился, молился... Такъ усердно и ревностно молился, что мѣстный владыко даже радовался обрѣтенію такой примѣрной овцы въ словесное стадо, здѣ имъ пасомое. Все это служило ему на пользу. Задача была въ томъ, чтобы упрочить свою репутацію пріобрѣсти полное довѣріе и крѣпко усѣсться на своемъ мѣстѣ — столь крѣпко, чтобы не каждыми клещами можно было его оттуда вытащить.

И... съ теченіемъ нѣкотораго времени, панъ Пшепендовскій и репутацію упрочилъ, и довѣріе пріобрѣлъ, и на мѣстѣ хорошо укрѣпился.

А затѣмъ, тоже съ теченіемъ нѣкотораго времени, мы

губернскомъ городѣ N. слышатъ люди добрые, что невѣсть по чьимъ стараніямъ такой то русскій чиновникъ вдругъ полетѣлъ съ мѣста; надъ такимъ-то слѣдствіе назначено; такой-то подъ судъ нежданно-негаданно угодилъ; того-то просто уволили безъ всякихъ поясненій; и мировой посредникъ Ивановъ тоже полетѣлъ, и... и самъ его превосходительство наконецъ покачнулся. Дивятся люди добрые: откуда все сіе бысть?—А паны Пшепендовскіе мало по малу подымаютъ голову, дышатъ легче, отраднѣе, лѣзутъ въ гору и занимаютъ мѣста ad majorem Dei et patriae gloriam.

ГЛАВА VIII.

Панъ Пшепендовскій въ лонѣ православія и своего семейства.

Посмотрите вы на этого прекраснаго, примѣрнаго отца семейства! Сколько любви и благодушія! Сколько мирнаго счастія и довольства своимъ прекраснымъ положеніемъ—подъ сѣнію двуглавой птицы на службѣ и подъ сѣнію благоволящихъ пенатовъ у родного, семейнаго очага!

Панъ Пшепендовскій только что всталъ отъ вкуснаго и сытнаго обѣда, въ которомъ каждое блюдо, соотвѣтствен-

но «краёвымъ» вкусамъ, было обильно приправлено подливой изъ топленаго масла.

Панъ Пшепендовскій сидитъ въ своемъ „габинэту“, передъ пріятнымъ и веселымъ огонькомъ камина, погрузясь въ глубокое, покойное кресло. Въ зубахъ у него ковырялка, въ рукѣ длинный чубукъ съ дымящимся Василіемъ Жуковымъ, въ лицѣ дремотная, тихая улыбка безмятежнаго довольства.

Позади его рабочій писменный столъ; на столѣ служебныя дѣла и бумаги, портретъ супруги съ двумя потомками и просвирка съ вынутой частицей. Эту просвирку панъ Пшепендовскій неизмѣнно держитъ на своемъ столѣ, дабы — будучи на виду у всѣхъ — она могла для каждаго посторонняго человѣка служить видимымъ доказательствомъ православія и благочестія пана Пшепендовскаго.

Для видимаго же доказательства благонамѣренныхъ и патріотическихъ чувствъ пана Пшепендовскаго, на стѣнѣ этого самаго кабинета, гдѣ прежде красовались изображенія разныхъ польскихъ потріотическихъ знаменитостей, вър одѣ Костюшки, Килинскаго, Понятовскаго, Хлопицкаго, Мицкевича и Лелевеля — нынѣ развѣшены у него портреты всѣхъ членовъ Императорской фамиліи, а по бокамъ ихъ портреты графа Муравьева и генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го. Какой же

дерзкій осмѣлится, послѣ столь явныхъ и краснорѣчивыхъ доказательствъ, хотя на минуту усомниться въ искренности благочестія, благонамѣренности, патріотизма и преданности пана Пшепендовскаго?!

Ради этихъ же цѣлей, въ переднемъ углу виситъ у него большой православный образъ св. Александра Невскаго и лампадка при немъ теплется; образа же прежнихъ католическихъ патроновъ пана Пшепендовскаго удалены теперь въ зданія, непоказныя комнаты, куда не можетъ проникнуть глазъ посторонняго человѣка и гдѣ межь тѣмъ, главнѣйшимъ образомъ, свершается весь обычный, повседневный кругъ домашняго обихода и семейной жизни. Впрочемъ, это удаленіе въ заднія комнаты ни мало не лишило прежнихъ патроновъ прежняго почитанія и поклоненія со стороны пана Пшепендовскаго. Теперь онъ ничего больше, какъ только сталъ жить двойною жизнью—и отъ этого явилось какъ бы два пана Пшепендовскихъ. Одинъ панъ Пшепендовскій былъ на службѣ и въ показныхъ комнатахъ; другой панъ Пшепендовскій—среди невидимаго для постороннихъ глазъ домашняго обихода и въ комнатахъ заднихъ.

Въ данную минуту, хотя тутъ и кабинетъ, и просвирка, и портреты на лицо, но такъ какъ никого посторонняго нѣтъ, то мы и застаемъ здѣсь пана Пшепендовска-

го втораго, т. е. такого, какимъ онъ является въ лонѣ своего счастливаго семейства.

Мы застаемъ его въ одинъ изъ счастливыхъ моментовъ жизни: онъ только вчера получилъ новую денежную награду за свою ревностную службу; ему не о чемъ больше на сей день заботиться—и потому, пока до полной дремоты, онъ намѣревается почитать газету «Новое Время», на которую состоитъ подписчикомъ, ибо почему жь ему и не подписаться, если издаетъ ее «закомиты чловѣкъ» и такъ сказать «родакъ кревны»... А для постороннихъ, при случаѣ, панъ Пшепендовскій объясняетъ свое чтеніе такимъ замысловатымъ аргументомъ: читаю-молъ затѣмъ, чтобы знать, съ чемъ не соглашаться и чего не дѣлать.

Пани Фелиція, конечно, не можетъ не знать, что мужъ только еще вчера получилъ денежную награду, а она сегодня въ одномъ магазинѣ выглядѣла себѣ прелестную шелковую матерію, изъ которой должно выйдти безподобное, восхитительное платье. Поэтому пани Фелиція необыкновенно ласкова и привѣтлива со своимъ индюкомъ

Она улыбаясь подходитъ къ индюку, садится сперва на ручку кресла, а потомъ пересаживается на колѣна, и обвивъ своею бѣлою, вкусною рукою его шею, ласково треплетъ его по щекѣ нѣжною ладонью.

Панъ Пшепендовскій, какъ котъ, которому легонько щекочутъ подъ шейкой, масляно щуритъ глаза отъ наслажденія.

Панъ Пшепендовскій плаваетъ въ облакахъ счастія, потому тутъ у него и родные пенаты, и любимая жона, и потомки у ногъ на коврѣ кувыркаются и ползаютъ... и все это такъ прекрасно, и пріятно ему, и онъ ни о чемъ дурнаго не думаетъ себѣ, и никому никакого зла не дѣлаетъ, — а тутъ маленькій Стасикъ разставилъ на полу оловянныхъ солдатиковъ, купленныхъ ему въ подарокъ изъ тѣхъ-же наградныхъ денегъ, и выкрикивая: „Пу-у!.. пу-у!.. бацъ! пафъ!" стрѣляетъ палочкой изъ жестяного ружьеца въ этихъ самыхъ солдатиковъ. И такъ это весело маленькому Стасику, и солдатики валятся отъ выстрѣловъ его дѣтскаго ружьеца—и Стасикъ прыгаетъ съ такимъ искреннимъ, дѣтскимъ восторгомъ, бьетъ въ ладоши и восклицаетъ:

— Тату!.. а, тату!... поглёндай: южь пенть москалевъ забилемъ! Цалы пенть москалевъ сонʼзастршѣлёны!... а?

Панъ Пшепендовскій смотритъ на «забавки» Стася, и думаетъ о «забавкахъ» супруги, а супруга межь тѣмъ такъ нѣжно гладитъ мягкой рукой его щеку и волосы, немножко трепля и взбивая прическу, и наконецъ цалуетъ въ лобъ.

Панъ Пшепендовскій благодарно смотритъ на супругу и думаетъ: «Іезусъ-Марія, какой я счастливый!»

Супруга цалуетъ его еще разъ — въ щеку.

Панъ Пшепендовскій смотритъ на нее уже масляно.

Супруга даритъ и еще одинъ поцѣлуй — уже прямо въ губы...

Панъ Пшепендовскій начинаетъ глядѣть на нее уже очень лакомо, отставляетъ въ сторону чубукъ, обнимаетъ ея талію и уже самъ тянетъ къ ней губы.

— А-ну, а-ну, е́ще разъ! е́ще разъ, муя кохана! тихо говоритъ онъ ей:—а-ну-бо, ну, по́кажь мнѣ, какъ этое ты тогда тамъ... того... хе-хе-хе!.. того дурня... москаля цаловала?... а?.. Ну, признайся! цаловала? а?

Пани Фелиція мигомъ оставляетъ его шею, вскакиваетъ съ колѣнъ— и подавшись на шагъ назадъ, весьма величественно устремляетъ на индюка удивленный и оскорбленный взоръ.

Панъ Пшепендовскій понялъ, что, черезъ-чуръ уже увлекшись и нѣжностью, и воображеніемъ, далъ дурацкій промахъ, и торопится какъ-нибудь поправить дѣло.

— Хе, хе, хе! искательно смѣется онъ:—алежъ то шутки, шутки!.. Якъ Бога кохамъ, тильке шутки, муя коханна и венцей ницъ!

И за симъ прибавляетъ совершенно серьезно, съ достоинствомъ и даже не безъ величія:

— Прошен' пани завше вѣдаць, же то нигды не мыслямъ злѐго на жбну!

Пани мысленно вспоминаетъ прелестную матерію и потому съ улыбкой, въ знакъ примиренія и забвенія, слегка хлопнувъ пальцемъ по носу своего индюка, спокойно отходитъ въ сторону и садится на кресло.

— Тату! тату! еще пенть москалевъ забилемъ! кричитъ маленькій Стасикъ, прыгая и хлопая въ ладоши.

— О?.. пенть москалевъ?.. А якій же люты до москалевъ! Ото-то люты! въ тонъ ему покачивая головою, умиляется счастливый отецъ:—а ну, ходзь до мнѣ! Ходзь!.. ходзь-ту!.. Сядай тутей! на коника... Ну?.. гопс-ля! Оттакъ!

И маленькій Стисикъ ловко вскакиваетъ верхомъ на родительское колѣно.

— Ну, повѣдзь мнѣ, говоритъ ему панъ Пшепендовскій,—повѣдзь прендзей, чымъ мысляшь быць найлѣпѣй?

— Повстаньцемъ бендем'... До лясу мамъ уцѣкать! бойко отвѣчаетъ Стасикъ.

— Ого!.. повстаньцемъ? и заразъ вже до лясу!.. От-то кревъ!.. А кто ты есть такій?

— Естемъ полякъ! еще бойче кричитъ мальчонка.

— Э-э!.. тсс!.. съ шутливой строгостію останавливаетъ его панъ Пшепендовскій и прибавляетъ назидательнымъ хотя и шутливымъ тономъ: — нигды не мувь, же естешь

полякъ. Теразь южь нима полякевъ — москале сглоцили! Теразъ есть тильке едне «віѣрноподданьство» и «православье», —розумѣшь тее?—«Віѣрноподданьство и православье»!.. Естешь—віѣрноподданьны москаль!

— Нѣ!.. нѣ!.. не хцемъ у москале!.. не хцемъ! не хцемъ! чуть не съ ревомъ, кобенясь, кричитъ маленькій Стасикъ.

— А на цо то нé хцешь?.. Ну, давай по русську вчиться! менторски шутитъ панъ Пшепендовскій:—ты естъ фруктъ одъ чресла моего и для тогo ты естъ поросенокъ. Розумѣшь? Нѣ, не розумѣшь?.. Ну, давай пѣсню спѣваць! Спѣвай зъ татемъ! Учи сен'! Ну?!

Бо-о-же ца-ра храни...

— На цо то глупсьтву такему учиць малего! съ неудовольствіемъ вмѣшалась пана Фелиція.—Стасю! сердце мое! не слухай тату! то—бѣ! кака! Идзь лѣпѣй до мамы! мама другу пѣсенку заспѣва! Така ладна пѣснь!

Еще польска не сгиняла,
Пуки мы жіемы.

— Тату! а, тату! приставалъ межь тѣмъ маленькій Стасикъ:—цо то есть таке: «Боже ца-ара»?..

— А!.. «Боже цара храни»? вразумительно сталъ объяснять ему панъ Пшепендовскій:—«Боже цара храни»— то есть москевська «Боже цось польска». Розумѣшь т разъ?

— Розумѣмъ, тату!

— А по русську не хочешь учиться?

— Не хцемъ!

— От-то заядлы!.. от-то кревъ! Ну, сядай на коника! Сядай! Гопс-ля! Ну, теразъ естешь польски уланъ! Повстанець!.. Гопъ, гопъ, гопъ, гопъ, гопъ, гопъ!..

И слегка придерживая Стася руками, панъ Пшепендовскій, въ темпъ рыси, сталъ качать его верхомъ на колѣнѣ, приговаривая въ тактъ речитативомъ:

Ѣдзе, ѣдзе панъ, панъ,
На конику самъ, самъ,
А за панемъ жидъ, жидъ,
А за жидемъ попъ, попъ,
А за попемъ хлопъ, хлопъ —
По кожушку лопъ! лопъ!
А по Стасю шлепъ! шлепъ!
Шлепъ! шлепъ! шлепъ! шлепъ!

И панъ Пшепендовскій надѣлялъ своего потомка нѣжными и легкими родительскими подшлепниками.

— Ну, оттакъ ладне? обратился онъ къ нему въ заключеніе:—Ладне?!—Ну, идзь до мамы!.. Идзь!.. Гуляй!.. Гуляй, вiѣрноподданьны поросёнокъ!

КОНЕЦЪ.

Вс. Крестовскій.

ПОДЪ КАШТАНАМИ САКСОНСКАГО САДА.

(изъ варшавскихъ воспоминаній).

ПОДЪ КАШТАНАМИ САКСОНСКАГО САДА.

(ИЗЪ ВАРШАВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

Подъ каштанами Саксонскаго сада.

(изъ варшавскихъ воспоминаній.)

— Послушайте, Крестовскій, такъ вы рѣшительно не вѣрите?

— Рѣшительно не вѣрю.

— Но, другъ Гораціо, вспомните старую истину, что есть многое въ природѣ...

— Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.—Очень хорошо помню и знаю. Но такъ какъ я не мудрецъ, во первыхъ,—а вовторыхъ, такъ какъ мнѣ вообще очень многое снится, то я и тѣмъ паче могу не вѣрить.

— Такъ что-жь это по вашему?

— Галлюцинація, обманъ зрѣнія, обманъ чувствъ ощущеній...

— Ну, такъ, такъ, такъ! всеконечно такъ!.. Скажетъ человѣкъ себѣ хорошее слово въ родѣ какого-нибудь «рефлекса» или «галлюцинаціи»—и успокоится, и доволенъ собою, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ однимъ этимъ словомъ онъ все объяснилъ, все порѣшилъ, все покончилъ! Да скажите же вы мнѣ на милость: отчего, напримѣръ, эта самая ваша «галлюцинація» нигдѣ и никогда больше не

повторялась со мною, какъ «галлюцинація»,—и отчего, напротивъ, *ощущеніе* ея повторилось впослѣдствіи на яву, повторилось до поразительной тождественности съ тѣмъ самымъ ощущеніемъ, которое нѣкогда дала эта... ваша... «галлюцинація», какъ вы ее называете? Отчего-съ это?.. Что-же, въ самомъ дѣлѣ, Юмъ, что-ли, напустилъ ее на меня?

— Не Юмъ, а извѣстное настроеніе, извѣстное состояніе нервовъ...

— Знаю, знаю! за симъ по порядку должны идти «рефлексы» и прочее!.. Скажите, пожалуйста, вы какъ понимаете Юма?

— Юма?.. Я его никакъ не понимаю.

— Ну, нѣтъ, однако! Что это... какъ онъ, по вашему?

— Полагаю, что ловкій престидижитаторъ—не болѣе.

— Въ родѣ братьевъ Девенпортовъ? да?.. Нѣтъ, батюшка мой! Въ томъ-то и сила, что это не фокусникъ, не шарлатанъ, а человѣкъ больной недугомъ той невѣдомой высшей силы, присутствіе которой въ немъ самомъ тяготитъ его. Что это за сила?—онъ и самъ того не знаетъ, но онъ болѣнъ ею. Замѣтьте еще вотъ какое обстоятельство: Юмъ никогда не дѣлалъ изъ своей силы предмета спекуляціи, онъ не давалъ за деньги публичныхъ представленій, не раскидывалъ афишъ, никогда не эксплуатировалъ своей способности въ пользу кармана. Мало того,

—на сколько я его знаю,—онъ даже не любитъ говорить объ этой силѣ, онъ избѣгаетъ разговоровъ о томъ, что самому ему такъ тяжело, такъ непріятно. Онъ вообще очень скроменъ. Шарлатаны поступаютъ не такъ! Шарлатаны кричатъ, трубятъ о себѣ всевозможными способами, драпируются въ мантію таинственности и набиваютъ карманы рублями, морочa почтеннѣйшую публику. Братья Девенпорты, когда вамъ угодно, въ любую данную минуту, изобразятъ передъ вами свое спиритическое представленіе; съ Юмомъ же не такъ: зачастую у него проходитъ нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ, когда эта сила оставляетъ его, и онъ тогда становится такимъ же обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ вы, какъ я, какъ всѣ мы, грѣшные. Въ это время—засыпьте вы его всѣми сокровищами Голконды и Калифорніи—онъ ничиго не покажетъ вамъ, по той простой причинѣ, что это внѣ его человѣческой возможности, что это совсѣмъ отъ него не зависитъ. Онъ за нѣкоторое время, за нѣсколько часовъ, вдругъ, что называется, ни съ того, ни съ сего, начинаетъ чувствовать приближеніе своего пароксизма. Онъ явно становится разстроенъ, нервенъ, унылъ и просто боленъ передъ этимъ приближеніемъ—боленъ и послѣ пароксизма. Я видѣлъ его въ эти минуты и могу вамъ свидѣтельствовать, что это непритворно: такъ притворяться нельзя. Холоднаго пота на лбу и ста двадцати біеній пульса

въ минуту—не сдѣлаешь себѣ никакимъ притворствомъ. Онъ видимо страдаетъ въ эти минуты. Онъ мученикъ своей собственной невѣдомой силы, игрушка ея прихотливыхъ наитій, ея капризъ, ея жертва, ея иронія и насмѣшка надъ человѣческимъ разумомъ, коли вы хотите! Вотъ что такое въ сущности этотъ Юмъ.

— Вы его знаете?

— Знавалъ въ Парижѣ.

— И видѣли его подъ наитіемъ этой «силы»?

— Видѣлъ разъ. Но пожалуйста не дѣлайте такихъ ироническихъ удареній надъ словомъ «сила»!

— Слушаю-съ. Что же такое вы видѣли?

— Мало того, что видѣлъ! Говорю вамъ: я—я самъ ощущалъ на себѣ дѣйствіе его воли и силы!

— Это любопытно.

— Вы думаете? Но я вамъ скажу нѣчто еще курьознѣе: въ ощущеніи этой «галлюцинаціи» былъ своего рода таинственный, пророческій смыслъ. Вы улыбаетесь?—погодите немножко! Успѣете потомъ!.. Если-бъ вы знали, что это была за галлюцинація и какое значеніе имѣла она для меня потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ! Вотъ бы вамъ тема для разсказа то, для повѣсти! Чего вы опять такъ улыбаетесь?

— А вы хотите, чтобы я откровенно признался вамъ?

— Желалъ-бы, другъ Горацio! желалъ бы!

— Извольте, принцъ. Я невольно, хоть можетъ быть и несовсѣмъ-то скромно, улыбнулся своей собственной мысли... Мы съ вами настолко хорошiе прiятели, что вамъ можно сказать ее. Видите-ли... Еслибъ вы знали, сколь часто и сколь многiя изъ прелестныхъ дамъ и даже очень юныхъ барышень говорили мнѣ: «ахъ, monsieur Крестовскiй, еслибъ вы знали мою жизнь, еслибъ вамъ разсказать ее—вотъ бы вамъ богатая тема для романа! вы бы непремѣнно описали ее!» — Эти прелестныя дамы очень искренно думаютъ себѣ, что нашему брату больше и дѣлать нечего, какъ только заниматься описанiемъ ихъ жизни. Иныя изъ нихъ и покушались описывать свои «чувствiя», но, увы!—долженъ признаться вамъ—никогда никакой изъ этого темы не выходило!

— Гм!.. Понимаю!—Но меня утѣшаетъ то, что я не прелестная дама, а капитанъ генеральнаго штаба. Поэтому изъ моей темы, быть можетъ, нѣчто и выйдетъ. Только предупреждаю: если когда-нибудь вы вздумаете «воздѣлать» ее, то вашъ разсказъ или вашу повѣсть посвятите духу царицы Семирамиды.

— Вавилонскiй?

— Ей самой.

— Это, въ нѣкоторомъ родѣ, conditio sine qua non?

— Всенепремѣннѣйше! Даете слово?

— Да я еще не знаю въ чемъ дѣло.

— А дѣло вы сейчасъ узнаете. Тсс!... Постойте.... Вотъ она!

***

Это было весной, въ Варшавѣ. Я встрѣтился съ моимъ хорошимъ пріятелемъ капитаномъ Черкутскимъ на главной аллеѣ Саксонскаго сада. Мы пошли рядомъ, повернули гуляючи на одну изъ тѣнистыхъ боковыхъ дорожекъ и усѣлись на чугунной скамейкѣ. Майское солнце было горячо, и ярко заливало своими лучами: алмазныя брызги фонтана, широкую площадку съ группами нянекъ и ребятъ, густую, мягкую зелень каштановъ, разслабленнаго старичка, котораго ежедневно привозили сюда въ креслахъ грѣться на солнышкѣ и дышать ароматомъ свѣжаго майскаго сада,—варшавскихъ «элегантовъ» съ неизмѣнными люишками, въ неизмѣнныхъ «камашахъ и ружовыхъ ренкавичкахъ», и группы гуляющихъ мужчинъ и женщинъ, въ легкихъ, изящныхъ нарядахъ, которые прилетѣли сюда вмѣстѣ съ модными парижскими картинками послѣдняго весенняго сезона.

Каштаны были въ полномъ цвѣту, бѣлая акація благоухала. Сквозь просвѣты мягко нѣжащей глазъ, кудрявой зелени, не успѣвшей еще потемнѣть и запылиться полѣтнему, виднѣлись тамъ и сямъ бѣлыя неподвижныя статуи и движущіяся фигуры гуляющихъ варшавянокъ, ко-

торыя издали казались тоже бѣлыми въ своихъ свѣтлыхъ, легкихъ нарядахъ, подъ игрою свѣта и тѣни благодатнаго полдня.

Мы съ Черкутскимъ сидѣли въ густой тѣни, которая мелкой, золотисто-рябящей сѣткой ложилась на песокъ дорожки.

Я невольно изумился, когда капитанъ вдругъ, дотронувшись слегка до моего колѣна, такъ неожиданно и такъ многозначительно проговорилъ мнѣ это: «тсс!.. Постойте... Вотъ она!»

— Кто *она?*.. гдѣ?.. которая? спросилъ я въ недоумѣніи.

— *Она!*.. глядите налѣво... Смотрите — смотрите... замѣтьте ее хорошонько!

По дорожкѣ шла женщина, все болѣе приближаясь къ намъ. Она должна была пройдти мимо насъ, въ какомъ-нибудь шагѣ разстоянія. Какъ и въ чемъ она была одѣта—я не замѣтилъ, потому что вниманіе мое всецѣло обратилось на нее *всю*, на ея общее, и потомъ на ея лицо. Помню только, что впечатлѣніе ея внѣшности, ея костюма было строго-изящное, аристократическое, что очень рѣдко встрѣчается въ полькахъ. Онѣ обворожительны, но... жанромъ своимъ болѣе походятъ на кокотокъ. Эта же, которая къ намъ приближалась, была царица... строго хороша какъ статуя, изящна какъ женщина, проста какъ

само изящество. Тутъ слегка сквозила и южная нѣга вакханки, и холодная сдержанность строгой Діаны; тутъ было отсутствіе всякихъ претензій, какъ въ ребенкѣ, и женственность Офеліи, и царственная простота королевы. Казалось, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ ей не къ чему-бы было рисоваться собою, выдвигать себя. Затертая между сотнями женщинъ, она все-таки невольно выдвинулась бы одною только силой своей сущности. Это была и мадонна, и мефистофель—вмѣстѣ, въ одномъ существѣ, въ одной женщинѣ, въ одномъ полномъ и гармоническомъ сліяніи. Ея каштаново-золотистые волосы были особенно замѣчательны: при яркомъ солнцѣ она казалась блондинкой, въ тѣни-же это была совсѣмъ брюнетка. Брюнеткою должна бы была казаться она и въ залѣ, при вечернемъ освѣщеніи. Въ ней нѣсколько проглядывалъ южный, какъ будто итальянскій типъ—и все вмѣстѣ было такъ хорошо, такъ изящно, что я невольно заглядѣлся на нее.

Она приближалась. Выразительно-очерченные глаза ея спокойно и холодно смотрѣли мимо насъ впередъ, вдаль по дорожкѣ.

Черкутскій почтительно и—какъ показалось мнѣ—отчасти смущенно привсталъ и поклонился ей.

Отвѣтомъ на это былъ мимолетный, равнодушный, легкій кивокъ совсѣмъ аристократическаго свойства.

— Вы ее знаете? спросилъ я, когда она была уже въ нѣсколькихъ шагахъ впереди насъ.

— Знаю. А что?.. Хороша?

— Излишне и спрашивать. Кто она?

— Она?.. Моя героиня.

***

Было очень жарко. Мы лѣниво пробрались на террасу садовой цукерни, и снова усѣлись подъ холщевой маркизой. Тутъ было и прохладно, и очень удобно; наше уютное мѣстечко, около маленькаго столика, со всѣхъ почти сторонъ обильно заслонялось олеандрами, гортензіями, померанцовыми и миртовыми деревьями. Мы спросили себѣ по „шклянкѣ“ холодной содовой воды съ сиропомъ и закурили сигары.

— Объясните, пожалуйста, что это значитъ: „моя героиня“? отчасти подозрительно спросилъ я.

— Каждый романъ имѣетъ свою героиню. Это вамъ, господа беллетристы, лучше всего должно быть извѣстно.

— А у васъ это котораго романа героиня?

— Того самаго, о которомъ я вамъ сейчасъ только говорилъ и дарилъ тему для повѣсти.

— Но... позвольте! перебилъ я:—вы мнѣ говорили о Юмѣ и о своей какой-то галлюцинаціи. Развѣ эта жен-

щина и Юмъ съ царицей Семирамидой имѣютъ у васъ какое-либо соотношеніе?

— Вотъ въ томъ-то и сила, что имѣютъ.

— А! это, дѣйствительно, становится нѣсколько любопытно. Не знаю, каковъ будетъ вашъ романъ; но героиня, во всякомъ случаѣ, сама по себѣ достойна быть героиней.

— Такъ что-же? Разсказывать? Я, кстати, нѣсколько въ ударѣ.

— Непремѣнно разсказывайте. Я уже и теперь весь превратился въ слухъ и вниманіе настолько, что даже сигара моя потухла.

— Закурите ее снова и слушайте. Только—чуръ! — помните условіе насчетъ посвященія.

***

Я далъ слово, и теперь въ точности выполняю свое обѣщаніе.

***

ГРЕЗА.

(Посвящено царицѣ Семирамидѣ.)

Это было въ Парижѣ, въ 1858 году. Я задавалъ себѣ обыденную дозу моціона въ Елисейскихъ поляхъ, въ тотъ часъ, когда паркъ кишитъ народомъ. Это — какъ вы

знаете—самая пестрая выставка всего элегантнаго Парижа и его прожорливаго, вовсе неэлегантнаго демимонда.

Когда мнѣ ровно нечего дѣлать, я очень люблю глазѣть на пеструю, беззаботно-суетливую толпу: это обыкновенно приводитъ меня въ хорошее настроеніе духа. Такъ было и въ тотъ разъ. Я гулялъ и глазѣлъ, и вдругъ встрѣтился съ нашимъ княземъ Г***. Самъ по себѣ князь былъ милѣйшій человѣкъ, который съ большимъ достоинствомъ поддерживалъ въ Парижѣ убѣжденіе въ баснословномъ умѣніи нашихъ boyars russes жить и неистощимо сорить деньгами заграницей. Онъ шелъ подъ руку съ какимъ-то худощавымъ блондиномъ средняго роста, въ усахъ, съ физіономіей, которая поразила меня своей болѣзненной нервностью. Это былъ Юмъ. Князь познакомилъ насъ. Раза два мы втроемъ прошлись взадъ и впередъ по аллеѣ.

— Какъ вы насегодня располагаете собою? спросилъ меня князь.

— И самъ еще не знаю! пожалъ я плечами.

— Если такъ, то приходите обѣдать.

Я обѣщалъ—и въ шесть часовъ былъ уже въ великолѣпномъ отелѣ князя. Насъ было всего пять человѣкъ, считая въ томъ числѣ хозяина и Юма: — одинъ молодой русскій натуралистъ, одинъ извѣстный французскій художникъ и я. Юмъ былъ молчаливъ и—какъ замѣтилъ я—ѣлъ очень мало. Ко всѣмъ разговорамъ относился онъ

большею частію совсѣмъ безучастно, какъ-будто его мысль занята была совершенно другимъ въ это время. Печать гнетущей болѣзненности не сходила съ его лица, которое мгновеньями отсвѣчивало иногда подавляемымъ внутреннимъ страданіемъ. Это чувство особенно сказывалось въ его меланхолическихъ, голубовато-сѣрыхъ глазахъ. Послѣ обѣда князь подошелъ къ нему и спросилъ тихо:

— Вы, кажется, нѣсколько дурно себя чувствовали?

Лицо Юма—какъ показалось мнѣ передернуло легкимъ нервнымъ движеніемъ.

— Нѣтъ, не то, отвѣчалъ онъ:—но со мною опять... опять начинается *это*. Я это чувствовалъ еще давеча утромъ.

— Васъ это тяготитъ, сколько замѣтно?

— Да, немного. Впрочемъ, я уже давно привыкъ. Это пройдетъ.

— Но какъ долго продолжается такое состояніе.

— Смотря какъ. Иногда очень долго, иногда нѣтъ. Чѣмъ скорѣй облегчишь себя проявленіемъ этой силы, тѣмъ легче проходитъ.

— Но вѣдь эти проявленія не обходятся вамъ безъ страданій.

— Отчасти. Но оно во всякомъ случаѣ сопровождается страданьемъ — и тѣмъ больше, чѣмъ долѣе сдерживаешь въ себѣ эту силу, чѣмъ долѣе не даешь ей выхода.

— Такъ чтожь, доставьте себѣ это облегченіе.

Въ лицѣ Юма появилась на одно мгновенье тѣнь раздумчиваго колебанія.

— Пожалуй, согласился онъ:—если только это не будетъ вамъ и гостямъ вашимъ непріятно.

О непріятности нечего было и говорить. Присутствовать при спиритическомъ сеансѣ Юма, о которомъ въ тѣ годы столько говорили,—кто-бъ отказался отъ такого рѣдкаго и счастливаго случая?

Мы перешли въ кабинетъ хозяина. Мраморный каминъ пылалъ тамъ яркимъ пламенемъ, отражавшимся въ такихъ фантастическихъ блесткахъ на стали рѣдкаго и богатаго оружія, которымъ увѣшаны были стѣны. Въ этихъ рыцарскихъ кольчугахъ, панцыряхъ и шлемахъ, глядѣвшихъ на насъ изъ оваловъ темно-пунцовыхъ щитовъ, казалось, были закованы ихъ древніе обладатели, окруженные, словно лучами, своими алебардами, копьями, самострѣлами и мечами. Лампы были потушены, за исключеніемъ одной, помѣщавшейся на массивномъ дубовомъ столѣ во вкусѣ Moyen-âges, который стоялъ посрединѣ комнаты, покрытый тяжелою ковровой скатертью, съ наваленными на него книгами, кипсеками, альбомами. Изъ нишъ, какъ-бы съ какимъ-то таинственнымъ любопытствомъ, выглядывали двѣ обнаженныя мраморныя женщины, рѣзца Розетти.

Юмъ сѣлъ отдѣльно, поотдаль отъ прочихъ, въ высокое готическое кресло, передъ каминомъ, лицомъ къ огню, такъ что этого лица никому не было видно. Я очень удобно помѣстился на широкой мягкой оттоманкѣ, столь располагающей къ грезамъ и послѣ-обѣденной нѣгѣ. Остальные тоже размѣстились, какъ кому было удобнѣе.

Наступала мертвая тишина.

Всѣ сидѣли почти неподвижно, только на лицѣ у каждаго мелькала невольная, ажитированная улыбка таинственнаго ожиданія чего-то особеннаго, сверхъ-естественнаго.

Прошло минуты три въ напряженномъ состояніи этого рода. Тишина ничѣмъ не прерывалась — каждый изъ насъ даже дыханье невольно сдерживалъ.

Вдругъ на дубовомъ столѣ послышался шорохъ.

Мы не безъ любопытства и съ явнымъ недоумѣніемъ переглянулись другъ съ другомъ. Ближе всѣхъ къ столу сидѣлъ ученый натуралистъ, но отъ него до борта этого стола оставалось, по крайней мѣрѣ, сажень разстоянія. Очевидно, никто изъ насъ никоимъ образомъ не могъ дотронуться до стола, чтобы незамѣтно, ради пріятельской мистификаціи, произвести этотъ легкій, но очень странный шорохъ, похожій на шелестъ газетной бумаги.

Я взглянулъ на Юма. Онъ сидѣлъ, глубоко погрузясь въ свое кресло, какъ-бы въ изнеможеніи опустивъ голову и прикрывъ глаза ладонью облокоченной руки. Ни малѣй-

шаго внѣшняго проявленія не выказалъ онъ при этомъ шорохѣ.

— Можетъ быть подъ столъ завалилась какъ-нибудь газета? скептически, полушопотомъ проговорилъ естествоиспытатель:—да не заползла ли туда ваша собака, князь?

— Встаньте, господа, кто нибудь и поглядите, пожалуйста, тихо сказалъ Юмъ, не измѣняя своего положенія.

Натуралистъ всталъ съ мѣста, приподнялъ скатерть и внимательно поглядѣлъ подъ столъ.

— Ничего нѣтъ... пусто! проговорилъ онъ, недоумѣло пожавъ плечами.

Въ эту самую минуту одинъ изъ настольныхъ кипсековъ раскрылся самъ собою.

Натуралистъ невольно вздрогнулъ и еще невольнѣе попятился.

— Однако, что-жь это! пробормоталъ онъ, опускаясь въ свое кресло.

Никто не отвѣчалъ ему. За исключеніемъ самого Юма, всѣ смотрѣли теперь на столъ съ величайшимъ вниманіемъ.

Вдругъ листы этого кипсека сами собою стали медленно переворачиваться, одинъ за другимъ, какъ-будто чья-то невидимая рука постепенно перебирала ихъ, какъ-будто кто-то разсматривалъ тамъ рисунки.

Признаюсь откровенно: въ этотъ мигъ я почувство-

валъ, какъ мое сердце стало вдругъ медленно и неровно колотиться въ груди полными, усиленными біеніями. Я испытывалъ неосязаемое присутствіе чего-то сверхъ-естественнаго, чего-то такого, что́ было выше моихъ силъ, выше моего пониманія. Но я видѣлъ ясно, что́ происходитъ на столѣ. Мои глаза не могли меня обманывать—я это чувствовалъ — или же глаза всѣхъ остальныхъ были равно подвергнуты одной и той же галлюцинаціи.

Вдругъ, прямо надъ моей головою, я услыхалъ сухое щелканье взводимыхъ курковъ. При этомъ, конечно, невольное движеніе и взглядъ вверхъ на стѣну: между восточными шашками, кинжалами и ятаганами на дорогомъ персидскомъ коврѣ висѣло нѣсколько турецкихъ пистолетовъ въ артистической, богатой оправѣ. Когда я глядѣлъ на нихъ, курки продолжали щелкать. Я замѣтилъ, что всѣ они стоятъ уже на второмъ взводѣ.

— Одинъ изъ пистолетовъ заряженъ! спѣшно предупредилъ князь:—давеча утромъ я стрѣлялъ въ цѣль и не успѣлъ разрядить его.

«А ну, какъ его вдругъ дернетъ нелегкая спустить курокъ?» подумалось мнѣ—и не скажу, чтобы съ особенно пріятнымъ ощущеніемъ.

— Онъ не выстрѣлитъ; онъ сейчасъ тихо спуститъ курокъ! слабымъ груднымъ голосомъ успокоилъ Юмъ—и точно: я видѣлъ своими глазами, какъ тихо падалась на-

задъ стальная пуговка, замѣняющая въ азіатскомъ оружіи нашу собачку, и какъ осторожно опустился кремневый курокъ.

На душѣ у меня чуточку отлегло; однако, изъ понятнаго чувства предосторожности и самохраненія, я отодвинулся со своего мѣста нѣсколько впередъ въ сторону, и уже не прислонялся къ самой стѣнѣ, а предпочелъ облокотиться съ краю на боковой валикъ, такъ что между стѣной и моею спиною осталось около двухъ четвертей разстоянія. Это хотя и было нѣсколько менѣе удобно относительно сибаритскаго комфорта, но за то гораздо спокойнѣе въ разсужденіи взводимыхъ курковъ.

Молодой ученый—который, въ качествѣ естествоиспытателя, конечно, считалъ себя матеріалистомъ, и мыслящимъ реалистомъ,—поглядѣлъ на меня съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшливой ироніи, едва замѣтно скользнувшей по губамъ его, что, безъ всякаго сомнѣнія, я долженъ былъ отнести на счетъ моей храбрости, которая только что заявила себя съ несовсѣмъ-то блистательной стойкой стороны. Вѣроятно, по его мнѣнію, я, въ качествѣ военнаго, да еще кавалериста, долженъ былъ безпрепятственно подставить свое темя подъ таинственный выстрѣлъ.

«Ладно, батюшка, иронизируй!» подумалъ я себѣ въ утѣшеніе: «посмотримъ, какъ-то ты у насъ улыбнешься

какъ если вдругъ съ тобой случится нѣчто не совсѣмъ-то пріятное для твоего мужества!»

Но это размышленіе мое нечаянно было прерванно новымъ проявленіемъ чьего-то невѣдомаго присутствія. Преставьте себѣ наше всеобщее изумленіе, когда книги, кипсеки, газеты и альбомы вдругъ стали слетать со стола во всѣ стороны, когда они полетѣли внизъ и запрыгали по полу словно бы въ конвульсіяхъ какой-то дикой книжной пляски! Это было и чудно́, и уморительно, такъ что мы не могли удержаться отъ смѣха. А въ это же самое время на столѣ подъ ковровою скатерью запрыгали десятки чьихъ-то невидимыхъ рукъ. Онѣ приподнимали и волновали скатерть, на которой ясно можно было видѣть очертаніе кончиковъ пальцевъ и цѣлыхъ рукъ, обращенныхъ кверху ладонями. Пляска святаго Витта продолжалась съ минуту подъ скатерью и на полу, потомъ руки исчезли одна за другой; книги также успокоились и совершенно неподвижно улеглись на коврѣ, какъ попало.

Въ это время на письменномъ столѣ самъ собою пошелъ бронзовый колокольчикъ по̀ направленію къ борту и упалъ на полъ; но падая, онъ зазвонилъ порывисто и быстро самымъ сильнымъ, пронзительнымъ звукомъ.

Непосредственнымъ и естественнымъ слѣдствіемъ этого звона было появленіе лакея, который остановился въ

дверяхъ, съ почтительнымъ выраженіемъ вопроса на лицѣ, въ ожиданіи какого либо приказанія.

Мы опять переглянулись между собою: стало быть это не *кажется*, стало быть это опять-таки не галлюцинаціи зрѣнія и слуха, если посторонній, не заинтересованный ближайшимъ образомъ человѣкъ услыхалъ звонокъ и явился какъ бы по обычному требованію.

— Подбери эти альбомы и положи ихъ на столъ, приказалъ ему хозяинъ.

Лакей исполнилъ все, что было нужно, но подымая послѣднюю книгу, вдругъ отдернулъ руку и преуморительно прирыгнулъ на мѣстѣ.

— Что съ тобой? спросилъ князь.

— Ничего, ваше сіятельство... такъ... не то кольнуло, не то щипнуло что-то въ руку и въ ногу.

— Ну, хорошо. Ступай себѣ.

Человѣкъ поднялъ съ полу книгу на сей разъ уже безпрепятственно, и удалился, затворивъ за собою двери.

Послѣ этого на минуту опять воцарилась мертвая тишина и полное спокойствіе.

Вдругъ—глядимъ—нашъ молодой естествоиспытатель начинаетъ блѣднѣть, все болѣе и болѣе; глаза его неподвижно, съ выраженіемъ ужаса, вперяются прямо передъ собою; наконецъ все лицо его покрывается глубокою, смертельною блѣдностью: на немъ явно написанъ мучитель-

ный страхъ и даже боль какая-то,—и весь онъ словно бы оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

— Бога ради... Бога ради, нельзя ли это кончить! глухо-молящимъ и почти задыхающимся голосомъ пролепеталъ онъ, видимо ослабѣвая и чуть удерживаясь отъ обморока.

— Что съ вами? съ участіемъ кинулся къ нему хозяинъ.

— Я чувствую, что мою руку схватила чья-то другая холодная, тяжелая, мертвая рука.. Да; это мертвая рука! сжимаетъ точно желѣзными тисками....

— Теперь вы ничего больше не чувствуете? спросилъ Юмъ, не оборачиваясь и ни мало не измѣняя своего положенія.

— Теперь ничего... Отпустила, съ облегченнымъ вздохомъ проговорилъ ученый и, какъ бы приходя въ себя, провелъ по лбу ладонью.—Фу, Боже мой, какое непріятное, какое тяжкое и страшное ощущеніе! сказалъ онъ:— никогда не пожелалъ бы ни другимъ, ни себѣ испытать вторично такое дружеское пожатіе!

«Ага! что, братъ, мыслящій реалистъ?» подумалъ я себѣ: «гдѣ же твое матеріялистическое мужество?»—и молодой ученый, какъ показалось мнѣ, очень хорошо понялъ теперь, въ свою очередь, прямое значеніе моего взгляда,

и потому послалъ мнѣ легкую улыбку дружескаго, примирительнаго значенія.

— Не хочетъ ли кто, господа, испытать еще какое нибудь ощущеніе? предложилъ Юмъ, изъ подъ своей облокоченной руки.

— Пожалуй, я хочу! только нельзя ли что-нибудь хорошее, пріятное? отозвался я.

— Отчего же нѣтъ! Что вы хотите? Что именно?

Я въ затрудненіи пожалъ плечами.—«Чего бы, и въ самомъ дѣлѣ, пожелать мнѣ?»

— Ну, что же можетъ быть пріятнѣе поцалуя? съ чисто французскою живостью отозвался художникъ:—берите поцалуй, monsieur Tchercoutsky! et rien plus!

— Поцалуй?—пожалуй! Съ величайшимъ удовольствіемъ!—лишь бы только это не былъ ледяной поцалуй мертвеца, или какой-нибудь старой мегеры.

Я замѣтилъ, какъ Юмъ тихо улыбнулся изъ подъ руки своей.

Но прежде, чѣмъ на мою долю выпало какое либо ощущеніе, я видѣлъ, какъ художникъ вдругъ нервно задрыгалъ, задергался и захохоталъ на своемъ креслѣ,—въ томъ родѣ, какъ хохочутъ маленькія дѣти, когда нянька, разставя два пальца и пошевеливая ими, постепенно приближаетъ руку свою къ грудкѣ или къ животику ребенка, приговоривая въ ладъ: «идетъ коза рогатая, идетъ коза

бодатая, на маленькихъ ребятушекъ—быръ-быръ-быръ-быръ!»

Французъ корёжился, подпрыгивалъ и заливался неудержимымъ хохотомъ.

— Что съ вами? Чего вы? обращались къ нему всѣ съ невольнымъ смѣхомъ, при видѣ его комическихъ кривляній.

— О, Боже мой... ой, ой, ой, ой! черезъ силу лепеталъ онъ, захлебываясь отъ смѣху:—нѣтъ, нѣтъ, будетъ... оставьте!.. довольно... довольно же, прошу васъ!

— Да что такое съ вами?

— Меня по всему тѣлу щекочатъ болѣе десятка рукъ.

— Мужскихъ, или женскихъ? улыбнулся князь.

— Женскихъ! женскихъ! кажется, женскихъ!.. Ой, ой, ой, Боже мой!.. Оставьте же, умоляю! Ха, ха, ха! ха, ха, ха!

— Если женскихъ, то это должно быть вамъ пріятно, замѣтилъ ученый.

— Да, это пріятно въ принципѣ, заявилъ французъ, освободившись наконецъ отъ своей щекотки:—но на дѣлѣ, послѣ обѣда—благодарю покорно!

— Что-жь, добрый смѣхъ помогаетъ пищеваренію.

— Благодарю покорно!.. благодарю покорно! отфыркивался художникъ.

— Это васъ уже не наши ли русскія русалки щекотали? обратился къ нему князь.

— А, можетъ быть, можетъ быть! любезно и охотно согласился французъ:—но какія же онѣ у васъ глупыя, эти ваши русскія русалки! Вѣдь такъ можно защекотать до смерти!

— Въ этомъ-то и состоитъ ихъ спеціальность.

— Совершенно неосновательная спеціальность. Совершенно неосновательная!

Французъ наконецъ успокоился, и опять водворилась тишина невозмутимая.

Вдругъ въ открытомъ кабинетномъ роялино тихо-тихо зазвенѣла струна—потомъ еще одинъ подобный же звукъ. Это не былъ тотъ обыкновенный звукъ, который издается отъ прикосновенія къ клавишамъ, но какъ будто кто-то дотронулся до самой струны. Онъ скорѣе походилъ на легкій музыкальный стонъ эоловой арфы.

Мы чутко насторожили уши.

Вдругъ,—тихій акордъ... другой... третій, —и словно бы подъ сурдину полилась тихая, сладкая и какая-то совершенно неизвѣстная мелодія, полная нѣги и мечтательной прелести, полная влюбленныхъ звуковъ, словно бы ожиданіе, томленье, легкая грусть, и призывъ—призывъ кого-то къ любви и забвенію.

Я совершенно отдался обаянію этой дивной мелодіи,

какъ вдругъ... Да, я это очень хорошо, очень живо помню—даже до мельчайшей отчетливости помню теперь, черезъ нѣсколько лѣтъ, то, что испыталъ въ ту минуту!

Я не видѣлъ, но ясно чувствовалъ, какъ кто-то изъ-за спины тихо начинаетъ склоняться надо мною, надъ моимъ лѣвымъ плечомъ.

Я сидѣлъ все въ томъ же положеніи, какое принялъ въ моментъ, когда услышалъ надъ собою щелканье взводимыхъ курковъ, такъ что между мной и стѣною все еще оставалось достаточно пустаго пространства,—но почуявъ около себя близость какого-то существа, невольно отклонился въ сторону.

— Сидите покойно... не бойтесь, почти шопотомъ успокоилъ Юмъ, замѣтивъ мое движеніе.

Я принялъ прежнее положеніе. Теперь уже около меня никого не было.

Мнѣ стало даже нѣсколько досадно на себя за свою неумѣстную робость. «И нужно-же было уклониться!» посылалъ я себѣ мысленные упреки: «теперь вотъ вспугнулъ, и можетъ быть уже ничего больше не почувствую. Этакая обида! этакая трусость нелѣпая!»

А чудная струнная мелодія межъ-тѣмъ все лилась и струилась, млѣя въ своей влюбленной нѣгѣ, и сладко изнывая мечтательной грустью.

И вотъ—вотъ опять начинаю чувствовать, что надъ

лѣвымъ плечомъ кто-то тихо-тихо склоняется—словно бы я въ сладостной дремотѣ и этотъ—*кто-то*—боится потревожить, боится разбудить меня.

Но теперь уже я самъ, осторожно, слегка повернулъ и склонилъ свою голову влѣво, поближе къ этому таинственнному *существу*.

Вотъ, оно склоняется все ниже и ниже,—какъ будто хочетъ приблизиться, приникнуть къ самому лицу моему... Вотъ, по щекѣ моей какъ будто слегка скользнулъ чей-то мягкій, шелковистый локонъ... Да, я чувствовалъ, какъ мою щеку чуть-чуть задѣло это прикосновеніе, — и это именно была прядь волосъ, именно локонъ!

Я сидѣлъ не шелохнувшись, а сердце въ груди словно бы совсѣмъ затаило свое біеніе—оно начинало такъ сладко обмирать, легкою и будто тоскливою тревогой ожиданія.

Вотъ, я чувствую, что *кто-то* совсѣмъ уже близко, совсѣмъ почти у моей щеки; я невольно впиваю чье-то легкое скользящее по ней дыханіе и это дыханіе такъ мягко, такъ тепло, такъ нѣжно и такъ сдержано, словно бы тотъ, кто дышетъ, даже и этимъ боится пробудить меня. И вмѣстѣ съ тѣмъ я обоняю легкое чуть замѣтное благоуханіе... Да, да, это тонкій ароматъ женщины,—изящной, изысканной женщины,—вѣчно, во всѣ времена и вѣки неотъемлемо присущій ей! Я узнаю его!

Если это былъ сонъ, то хорошо-бъ никогда не просыпаться.

Я чувствовалъ нѣгу, истому и слабость.

— Хотите еще?—смутно, какъ бы сквозь дремоту послышался мнѣ голосъ Юма.

— Нѣтъ, нѣтъ! довольно! прошепталъ я, отрицательно покачавъ головою:—это слишкомъ хорошо, чтобы повторяться такъ часто!.. Да у меня и силъ не хватитъ.

— Помните же, что вы сами сказали *довольно*! съ какою-то странной многозначительностью проговорилъ Юмъ.

Эта послѣдняя фраза показалась мнѣ загадочной. «Чтобъ оно могло значитѣ? надо спросить его, надо допытать!» думалось мнѣ.

Сеансъ былъ оконченъ. Юмъ поднялся съ кресла и вытянулся во весь ростъ, заломивъ свои руки, какъ словно бы это у него была потягота послѣ долгаго и глубокаго сна. Никогда я незабуду лица его въ эту минуту. Оно было мертвенно-блѣдно и страдало каждой своею фиброй. Тяжелое утомленіе, какъ бы послѣ долгой, непосильной борьбы, было разлито во всѣхъ чертахъ его, но глаза полные электричества и магнетизма—одни только глаза горѣли жарко, лихорадочно. Я никогда не видалъ до этихъ поръ, чтобы голубовато-сѣрые глаза сѣверянина могли горѣть такимъ образомъ.

На лбу его выступилъ холодный потъ. Нашъ молодой натуралистъ подошелъ къ нему и взялъ за пульсъ.

— Ого! сказалъ онъ,—сто двадцать въ минуту! Вамъ надо въ постель.

Юмъ тихо улыбнулся и отрицательно покачалъ головою.

— Мнѣ теперь, правда, нѣсколько тяжело, проговорилъ онъ, силясь вдохнуть въ себя поболѣе воздуха:—но за-то черезъ часъ я буду здоровъ совершенно.

Когда онъ наконецъ совсѣмъ уже успокоился, я, подошелъ къ нему и спросилъ о значеніи его загадочной фразы.

— Вы сами не захотѣли идти далѣе, улыбнулся онъ.

— А если бы я не сказалъ *довольно*, тогда бы что?

— Тогда?.. Тогда ощущеніи ваши продолжались бы.

— Ну, и что-жь?

— Не знаю. Могло бы кончиться, пожалуй, припадкомъ каталепсіи, если вы очень нервны.

— И это безконечно бы длилось—все тоже ощущеніе поцалуя?

— Не знаю. Можетъ быть.

— О, въ такомъ случаѣ, я готовъ каяться, что сказалъ «довольно».

— Хм!..

Онъ загадочно улыбнулся.

— Вы готовы каяться... А что если, вмѣсто поцалуя, вы бы почувствовали, напримѣръ, какъ вокругъ вашего

горла вдругъ захлестнулась змѣя, обвила бы и стянула вашу шею и стала бы перебирать по ней своими холодными, склизскими кольцами? Тогда что?

— О, нѣтъ! Это было бы ужасно! воскликнулъ я, содрогаясь при одной мысли о возможности такого ощущенія.

— И такъ, вы сдѣлали хорошо, сказавъ себѣ и *ей* довольно, заключилъ Юмъ, пожимая мою руку.

— Виноватъ, я еще одно хочу спросить васъ, обратился я къ нему.

— Что именно хотите вы?

— Вы говорите: «себѣ и *ей*». Я хочу знать, кто это *она*? Кто целовалъ меня?

Юмъ поглядѣлъ на меня пристально и серьозно, но въ задумчивыхъ глазахъ его блуждала легкая улыбка.

— Васъ целовала царица Семирамида, сказалъ онъ безъ малѣйшаго признака шутки. Но я усомнился.

— Вы это мнѣ серьозно говорите? спросилъ я.

— Я никогда не шучу этимъ дѣломъ. Болѣзнью и несчастьемъ вообще не шутятъ, отвѣтилъ онъ—и мы разстались.

Прошло нѣсколько лѣтъ—и что же?.. Какъ вы думаете: чѣмъ отразилось въ моей жизни это роковое, а можетъ быть и спасительное «*довольно*»?

***

Какъ и во что, обыкновенно, влюбляются люди?

Вы скажете: въ женщину?

— Это совершенный предразсудокъ. Можно влюбиться не въ женщину, а въ часть женщины: такъ сказать, не въ цѣлое, а въ дробь. Я знаю, что эта мысль на первый взглядъ можетъ показаться парадоксомъ... Вы скажете даже, что это нелѣпость. Пусть такъ. Но развѣ нелѣпость не можетъ быть фактомъ? Приводя себѣ на память общественную и частную, историческую, политическую и всякую иную жизнь, вы конечно согласитесь, что это зачастую бывало такъ, что самая повидимому невозможная нелѣпость переходила въ область «совершившагося факта». А если такъ, то чтожь мудренаго въ томъ, что можно влюбиться не въ женщину, а въ часть женщины? По-крайней мѣрѣ, въ моей жизни это было тоже «совершившимся фактомъ».

Вамъ, конечно, извѣстно то мѣсто человѣческой шеи, которое въ просторѣчіи очень характерно называется «душкой». — И такъ, я былъ влюбленъ въ женскую душку.

Это была самая прелестная, самая очаровательная душка изъ всѣхъ, какія я знавалъ и знаю на свѣтѣ! Я готовъ надавать ей бездну самыхъ восторженныхъ эпитетовъ—и это не мудрено: я говорю о ней—какъ человѣкъ влюбленный о предметѣ своей страсти. Хотя это было и

давно, но... я всегда склоненъ хранить въ душѣ хорошее, свѣтлое и благодарное чувство воспоминанія о всемъ томъ, что было мною любимо когда-то; да и при томъ-же, все, чтó изящно и прекрасно пò самой своей сущности, чтó въ состояніи привлекать и увлекать человѣка—то, конечно, всегда имѣетъ неотъемлемо-законное право на яркій, восторженный эпитетъ. И эпитетъ, въ этомъ случаѣ, будетъ лишь самою бѣдною долею хвалы и почтенія, какую можетъ воздать человѣкъ прекрасному.

***

Влюбиться въ женскую душку — и только въ одну душку, исключительно въ нее—согласитесь сами—обстоятельство до нѣкоторой степени экстраординарное. Случилось оно со мною въ лѣто 1859 года. Я уже былъ тогда въ Варшавѣ. Но, хотя и въ краткихъ словахъ, а надо начать дѣло ab ovo. Еще во время моего заграничнаго путешествія познакомился я въ Швейцаріи съ одною—во всѣхъ отношеніяхъ достойною и прекрасною—особой. Случай—и одинъ только случай сдѣлалъ такъ, что недѣли полторы мы прожили ближайшими сосѣдями въ одномъ женевскомъ отелѣ, сходясь ежедневно за табль-д-отомъ; случаю же угодно было свести насъ потомъ у подошвы Юнгфрау, на которую мы взбирались въ упорно-безмолвномъ сообществѣ какого-то англичанина—одного

изъ тѣхъ характерно-типичныхъ представителей джентльменскаго типа съ плэдомъ и гидомъ, которые неизмѣнно суются вамъ на глаза въ любомъ уголкѣ западной Европы. И раньше еще, и во время этого взбиранья на Юнгфрау, я имѣлъ возможность и охоту оказывать сказанной особѣ кой-какія маленькія услуги, что́ и послужило первоначальнымъ поводомъ къ нашему знакомству. Тотъ-же всемогущій и слѣпой случай столкнулъ насъ потомъ въ Парижѣ. въ гостинной одного очень порядочнаго и почтеннаго русскаго семейства, которое до того времени очень долго жило въ Варшавѣ. Я познакомился съ этимъ семействомъ въ Парижѣ, она же была съ нимъ старая знакомка. Довольно частыя встрѣчи въ этомъ домѣ сблизили и даже нѣсколько скрѣпили наше знакомство. Я никогда не позволялъ себѣ тѣхъ отношеній къ этой женщинѣ, которыя называются пошлымъ, по всей справедливости, словомъ «ухаживаніе». Я никогда, ни разу, ни одной минуты не ухаживалъ за нею—и можетъ быть, ничто иное, какъ именно отсутствіе съ моей стороны какихъ бы то ни было поползновеній этого свойства, послужило нашему сближенію. Мы съ нею стали мало по малу просто-себѣ добрыми знакомыми. Общность нѣкоторыхъ симпатій, впрочемъ болѣе артистическаго, чѣмъ политическаго свойства, общность нѣкоторыхъ взглядовъ и понятій сдѣлала изъ насъ въ послѣдствіи, пожалуй, хо-

рошихъ пріятелей—но и только. Не смотря на то, что она была и молода, и прекрасна, и, какъ вдова—совершенно не зависима, и кромѣ того имѣла въ себѣ всѣ данныя, существующія на сладкую пагубу непрекрасной половины рода человѣческаго,—не смотря на все это, ни одна грѣшная мысль не заползла въ мою голову: желаніе увлечься ею, влюбиться въ нее — и самъ не знаю почему, только ни разу не закралось въ мою душу. А чего бы, казалось, естественнѣй и проще! Но—видно, такъ было спокойнѣй, пожалуй, даже оригинальнѣй, если хотите, и потому мы оставались при одномъ тихомъ, доброжелательномъ чувствѣ простой пріязни. Мы стали съ нею пріятелями совершенно такъ, какъ становятся ими мужчина съ мужчиной, женщина съ женщиной. Я могъ только сказать про нее, что она, молъ, хорошій человѣкъ,—и она про меня тоже.

Когда въ началѣ 1859 года я былъ переведенъ на службу въ Варшаву, мы встрѣтились тамъ какъ старые, совсѣмъ хорошіе знакомые. Отношенія завязавшіяся между нами за границей, и здѣсь теперь невыходили изъ своей однажды взятой, привычной нормы. Она была полька и при томъ варшавянка. Это было еще во времена доповстанскія, когда въ массѣ польскаго общества далеко не сказывалось той враждебной розни и отчужденія въ отношеніи русскихъ, какія проявились съ 60-го и особенно

съ 61-го года. При томъ же, благодаря уже чисто моей фамиліи, смахивающей на польскую, варшавскіе паны зачастую принимали меня тоже за «родовитаго пана» — и потому нисколько не шокировались встрѣчами со мною въ гостинной пани Б***. Впрочемъ, въ тѣ времена, и притомъ какъ новый человѣкъ въ Варшавѣ, я былъ еще слишкомъ наивенъ относительно истинныхъ чувствъ питаемыхъ панами къ «наязду», и не подозрѣвалъ, въ невинности души своей, чтобы встрѣча въ знакомомъ домѣ съ русскимъ офицеромъ и порядочнымъ человѣкомъ (какимъ я имѣю слабость считать себя) могла бы кого либо шокировать. А въ сущности, ни до пановъ, ни до ихъ чувствъ, и ни до кого, и ни до чего мнѣ дѣла не было: я зналъ себѣ только одно, что мнѣ очень пріятно вечера два въ недѣлю проводить у пани Амеліи; зналъ, что и ей это не скучно;—и потому относился къ этому дѣлу чисто эгоистически, не принимая ни въ какое соображеніе пановъ, встрѣчавшихся мнѣ порою въ ея домѣ.

***

Разъ какъ-то прихожу я къ ней вечеромъ. Уже давно было получено мною право входить къ ней безъ особенныхъ докладовъ и церемоній: просто, бывало, спросишь себѣ: дома? — «дома». — Принимаютъ? — «принимаютъ»—и идешь прямо въ гостинную. Такъ было и теперь; беззвучными шагами, благодаря мягкой ковровой

дорожкѣ, прошелъ я до самой гостинной, дверь въ которую была полурастворена,—и невольно остановился на порогѣ.

Въ глубинѣ этой комнаты, на маленькомъ столикѣ стояла лампа, покрытая темнымъ абажуромъ, который оставлялъ всѣ предметы въ полумракѣ; но яркій розоватый свѣтъ обильно падалъ изъ подъ него на часть кушетки, на которой въ бѣлой батистовой блузѣ полулежала *она*, совсѣмъ закинувъ назадъ свою голову. Она вѣроятно дремала, потому что во все не замѣтила моего присутствія. Въ комнатѣ, какъ видно, стояла долгая, ничѣмъ не возмущаемая тишина.

Видя, что пани Амелія не перемѣняетъ своего положенія, я остался въ нерѣшительности—будить ли ее, или нѣтъ,—въ дверяхъ, на своемъ мѣстѣ.

Лица ея не было видно: оно оставалось въ тѣни, но за то яркій свѣтъ ударялъ на ея грудь, на ея плечи и шею.

Какая же это прелесть! Какая строгая правильность очертаній! Что за роскошная шея и какъ она артистически создана! Я помню одну картину — кажется, что Поль-Делароша,—впрочемъ, навѣрное не ручаюсь: я видѣлъ многія галлереи и помню самыя картины, т. е. тѣ изъ нихъ, которыя дѣлали на меня впечатлѣніе; но — грѣшный человѣкъ!—не особенно злопамятенъ на имена

художниковъ, и откровенно сознаюсь въ такомъ «вандализмѣ». И такъ, я помню одну картину: по серединѣ залива, колоритъ котораго дышетъ Италіей, плыветъ большая, просторная лодка, щедро устланная и драпированная богатыми коврами; широкія тяжелыя складки одною изъ нихъ ниспадаютъ за бортъ и полощатся въ тихой влагѣ соннаго залива. Въ лодкѣ—группа изъ нѣсколькихъ мущинъ и женщинъ. Что за прелестныя женскія головки! Въ рукахъ у нѣкоторыхъ музыкальные инструменты, мандолина, ноты, и посреди этой изящно скомпанованной группы возвышается одна стройная, роскошная женская фигура. Она стоитъ въ лодкѣ, въ рукахъ у нея ноты, голова приподнята, чудные итальянскіе глаза полны страстнаго вдохновенья и смотрятъ впередъ, какъ будто въ гаснущій край далекаго неба. Она поетъ—и вы словно чувствуете, какія полныя, звучныя ноты волною плывутъ изъ этой сильной, богатой груди. И какая славная, лебединая, царственно-артистическая шея у этой итальянки! У геніальныхъ пѣвицъ, такъ-сказать,—у пѣвицъ прирожденныхъ непремѣнно должна быть именно такая шея, такое горло.

Что-то знакомое молніей мелькнуло въ моей памяти. Гдѣ я видѣлъ это? Когда я видѣлъ? Во снѣ? Наяву?—Нѣтъ, именно я видѣлъ это на той самой картинѣ!

Яркій свѣтъ лампы падалъ теперь на точно такую же лебедино-роскошную, красивую шею.

И увы!—обладая такою шеей, пани Амелія все же не была пѣвицей. — Это, впрочемъ, доказываетъ только общеизвѣстную истину, что нѣтъ правила безъ исключенія.

И странное дѣло! И какой же я чудакъ, однако! Ну, какъ это, право: быть столько времени такъ хорошо знакомымъ съ женщиной—и ни разу, до этой самой минуты не замѣтить, что она обладаетъ такою прелестью! Правда, что *вся* она очень хороша собою; но правда опять же, что и я съ первой и до послѣдней минуты, зная какъ она хороша, тѣмъ не менѣе съ какимъ-то равнодушіемъ какъ бы не чувствовалъ, не замѣчалъ этого, какъ бы пропускалъ мимо глазъ и сердца ея наружность, цѣня въ этой женщинѣ одно только доброе пріятельское расположеніе къ моей особѣ.

Не знаю, право, находитъ ли это на человѣка совсѣмъ особенное, безотчетное настроеніе — знаю только одно, что подъ впечатлѣніемъ первой минуты, весь отдавшись ему, я стоялъ неподвижно и глядѣлъ на неподвижно-лежавшую женщину... Никакихъ особенныхъ помысловъ, никакихъ особенныхъ своекорыстныхъ желаній, ничего этого мнѣ и въ голову отнюдь не приходило: я просто глядѣлъ и любовался, не будучи въ состояніи даже и самому себѣ дать отчета, зачѣмъ и для чего я это дѣлаю—словно бы

изъ темнаго фона большаго холста передъ глазами рельефно выдѣлялся одинъ залитый свѣтомъ уголокъ, въ которомъ случайно совмѣстилось нѣсколько живыхъ чертъ прекрасно-созданной картины. Да; это именно было то самое чувство и впечатлѣніе, съ какими вы невольно останавливаетесь передъ мастерскою картиной, нечаянно бросившейся вамъ въ глаза,—и я не знаю, сколько времени я въ состояніи былъ бы простоять подъ обаяньемъ этого безотчетнаго наслажденья, если бы она наконецъ не приподняла чутко свою голову, почувствовавъ, вѣроятно, сдержанное присутствіе посторонняго человѣка.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Она нервно вздрогнула.

— Ахъ, Боже мой, это вы!.. А мнѣ сквозь дремоту почудилось, будто въ дверяхъ кто-то стоитъ и смотритъ, проговорила она, подавая руку.

— Вы не ошиблись: я точно и стоялъ, и смотрѣлъ... и, кажись, довольно долгое время.

Она съ легкимъ удивленіемъ оглядѣла мое лицо.

— Что это, въ васъ какъ будто особенное что-то сегодня?

— Мудренаго нѣтъ. Вы знаете, на что́ глядѣлъ я и чѣмъ любовался?

И я, полушутя, полусеріозно разсказалъ ей все, чѣмъ былъ пораженъ за минуту передъ этимъ.

Она выслушала меня съ дружескимъ смѣхомъ. Въ лицѣ ея играла не то лукавая, не то снисходительная улыбка.

Я просидѣлъ у нея цѣлый вечеръ, болтая какъ и всегда, и точно такъ же какъ всегда запасъ нашихъ разговоровъ — то серьозныхъ, то шутливо-веселыхъ—не истощался и на этотъ разъ, но я не могъ не замѣтить, что она въ теченіе этого вечера раза три—не знаю, нарочно, или случайно—закидывала на нѣсколько мгновеній свою голову, позволяя любоваться своей шеей. И каждый разъ послѣ этого, замѣчая мой любующійся взглядъ, она встрѣчала его своими тонко-улыбающимися глазами, въ которыхъ сквозь полушутливую и полуукорливую строгость проглядывало неуловимое женское кокетство. Она какъ будто дразнила меня своей чудною шеей.

***

Я ушелъ отъ нея подъ страннымъ впечатлѣніемъ, которое предслѣдовало меня всю дорогу и потомъ дома всю ночь, даже и во снѣ не давая покою. Я старался не думать о немъ, настроивалъ свои мысли на другіе предметы, старался развлечься музыкой, принимался за чтеніе, начиная съ польскаго историка Шайнохи и кончая Поль-де-Кокомъ—все было напрасно! Ни Шопенъ, ни Мендельсонъ, ни Шайноха, ни даже самъ Поль-де-Кокъ, составляющій, какъ извѣстно, по преимуществу «офицерское чтеніе» — никто изъ нихъ не настроилъ на иной ладъ мои

мысли, ничто не перебило моего перваго впечатлѣнія. Мендельсонъ съ Шопеномъ, напротивъ, еще помогли усилить его. Спать мнѣ рѣшительно не хотѣлось—и потому-то я и хватался *и* за то, *и* за другое.

Въ воображеніи моемъ неотступно рисовалась полулежащая женская фигура съ закинутой назадъ головою, освѣщенная розоватымъ свѣтомъ. Она выступала передо мною словно бы изъ какого таинственнаго, волшебнаго мрака, со своею красивой, антично-выточенной шеей — и впечатлѣніе этой грезы было столь велико, что стоило лишь закрыть глаза — и она ужь рисуется такъ рельефно, такъ полно, какъ будто наяву, какъ будто и впрямь она передъ глазами.

Я приписалъ это просто разстройству нервъ и—volens-nolens—подчинился своему неотвязному впечатлѣнію, тѣмъ болѣе, что въ немъ не было ничего для меня непріятнаго.

Я былъ увѣренъ, что оно «пройдетъ сномъ», какъ говорится,—что на утро я все позабуду и примусь за обычныя свои дѣла и занятія; но настало утро, а съ нимъ и дѣла, и занятія, а я... я не избавился отъ вчерашняго. Правда, впечатлѣніе было теперь значительно слабѣе, чѣмъ тогда: дневной свѣтъ и житейская толчея брали-таки свое; но все же порою, или лучше сказать, мгновеньями, передо мною вставалъ вчерашній образъ. Словно бы насильственно врывался онъ, незванный и не-

прошенный, въ мои мысли, въ мою душу, въ мое воображеніе — и своимъ появленіемъ озадачивалъ разсудокъ: «зачѣмъ? къ чему? и что это, наконецъ, творится со мною? И что такое въ этой шеѣ? И почему же не другое что, не лицо, не глаза, которые у нея дѣйствительно прелестны, почему наконецъ не вся она, а именно одна только шея этой женщины мерещится мнѣ вездѣ и повсюду — и даже не шея, а то, что называется женскою душкой?!»

Днемъ это было слабѣе, но вечеромъ, когда я остался одинъ у себя дома—вчерашнее впечатлѣніе снова встало передо мною со всею вчерашнею силой. Такъ прошло дня три, и каждый слѣдующій день являлся точнымъ повтореніемъ прошлаго—въ мірѣ моей внутренней жизни.

Проклятая душка! Неотступная греза!.. Я, наконецъ, просто сталъ досадовать и негодовать на себя. «Это ничто иное, какъ непозволительная нравственная распущенность, капризъ празднаго воображенія, это все «отъ нечего дѣлать» со мною! Надо встряхнуться и выбросить вонъ изъ головы эту нелѣпую грезу!»—Такіе-то упреки, и такіе-то выговоры посылалъ я самому себѣ и принималъ такія дѣльныя рѣшенія, — а нелѣпая греза словно бы и знать не хотѣла ни строгихъ упрековъ, ни мудрыхъ рѣшеній, и что ни вечеръ — всецѣло охватывала мой внутренній міръ и уносила за собою воображеніе. У меня родилось дикое, до болѣзненности настойчивое желаніе по-

цаловать эту душку. Кажись, вотъ только бы поцаловать— и всему конецъ, все какъ рукой сниметъ! Я самъ не могъ не смѣяться надъ собою за такую странную, причудливую прихоть. Но смѣхъ и досада ни мало не помогали дѣлу: болѣзненно-дикій капризъ властвовалъ надо мною во всей своей силѣ.

Я вамъ разсказываю исторію, до нѣкоторой степени весьма странную; тѣмъ не менѣе—это глубоко-правдивая исторія. Это исторія одного изъ болѣзненныхъ уклоненій воли человѣческой, которое, богъ-вѣсть почему и какъ ворвавшись въ нравственный организмъ, незамѣтно переходило въ idée fixe, въ своего рода манію. Подобнаго рода состояніе вѣроятно представило бы собою извѣстный интересъ для психіатра. Представьте себѣ положеніе помѣшаннаго человѣка, который вполнѣ сознавая, что онъ помѣшанъ,—знаетъ и источникъ, и пунктъ своего помѣшательства, и все его симптомы, и, отлично сознавая все это, тѣмъ не менѣе никакъ отъ него не можетъ отдѣлаться. Со мною было нѣчто подобное.

***

Однажды воротясь домой, я нашелъ у себя на столѣ запечатанную записку:

«Что это значитъ, что вы шестой день уже глазъ не кажете? Вы не больны, потому что васъ ежедневно встрѣ-

чаютъ на улицахъ. Сегодня вечеромъ я дома. Пріѣзжайте каяться въ своемъ проступкѣ.»

— Въ самомъ дѣлѣ, поѣду и... и покаюсь. Покаюсь! разскажу ей всю правду,—авось хоть этимъ избавлюсь отъ своей нелѣпости! рѣшилъ я и поѣхалъ.

— Что за причина, что вы такъ долго глазъ не казали?

— Причина?.. причина есть—и пожалуй, довольно для меня уважительная.

— Какая?

— Ну, назвать ее вамъ я бы нѣсколько затруднился.

— Только *нѣсколько*?—значитъ не *совсѣмъ*! Я, вѣдь вы знаете, очень любопытна и потому хочу знать причину!

— Видите ли, это вещь до такой степени дикая и нелѣпая, что вы, конечно, прежде всего расхохочетесь.

— Тѣмъ лучше! Я ужь давно не смѣялась.

— А если... если къ смѣху прибавится нѣкоторое чувство оскорбленія?

— Оскорбленія?.. На кого, или на что?

— На вашего покорнѣйшаго слугу.

— Какой вздоръ! за что-жь я могу на васъ оскорбиться?

— За то, что моя нелѣпость въ извѣстной мѣрѣ дерзка.

— Добрымъ пріятелямъ иногда и дерзость прощается.

— И вы обѣщаете простить?

— Не только простить, но обѣщаю даже не разсердиться. Видите ли, какое великодушіе!

— Не вѣрнѣе ли сказать: величественное презрѣніе съ высоты собственнаго пьедестала?

— Охъ, какъ кудряво и витіевато! Нѣтъ! — и потому нѣтъ, что величественнымъ презрѣніемъ мы даримъ только нѣкоторыхъ нашихъ поклонниковъ, а съ вами мы только друзья, и вы не поклонникъ мой. Это уже уравниваетъ отношенія. Для васъ я не мадонна, я не на пьедесталѣ, а на землѣ, — поэтому кайтесь, исповѣдуйтесь: я буду слушать «въ извѣстной мѣрѣ дерзкую» нелѣпость.

— Извольте: во первыхъ я просто боленъ; а во вторыхъ — я боленъ оттого, что влюбленъ.

— Ба!.. поздравляю!.. Въ кого же? въ молодую дѣвушку?

— Нѣтъ.

— Въ женщину?

— Нѣтъ.

— Ну, наконецъ, въ меня, что-ли?!

— Н... несовсѣмъ-то.

— Такъ въ кого же, Богъ мой?!

— Въ шею.

— Какъ?.. Что вы сказали?..

— Я сказалъ: въ шею, то есть въ душку, вотъ въ это мѣсто.

Она вскинула на меня удивленные глаза—и отъ всей души расхохоталась.

— Что вы въ самомъ дѣлѣ за нелѣпости говорите!

— Кому—нелѣпости, а мнѣ такъ и жутко приходится.

Я разсказалъ ей, въ какой мѣрѣ преслѣдуетъ меня моя неотступная греза, какое странное желаніе порождаетъ она во мнѣ—и какъ порою самъ я не знаю куда бы дѣваться и какъ избавиться отъ нея. Я говорилъ совершенно серіозно, потому что и въ самомъ дѣлѣ это уже становилось тяжело для меня: я опасался развитія въ себѣ маніи — и притомъ маніи столь исключительной по своей сущности. Мнѣ уже было не до шутокъ; я говорилъ съ горечью и непритворною досадой на самого себя за свое малодушіе и болѣзненность воли.

Начавши смѣхомъ, она подъ конецъ слушала меня уже очень серіозно; только въ глазахъ ея, устремленныхъ на меня, невольно просвѣчивало недоумѣніе и изумленіе какое то.

— Да вы это и точно не шутя?.. медленно и тихо проговорила она, обводя меня озабоченнымъ и испытующимъ взглядомъ.—Какъ же помочь вамъ?

— Просить о помощи не стану! предупредилъ я: — да если я и разсказалъ-то вамъ про это, такъ только потому лишь что думалъ-себѣ, не избавлюсь-ли хотя посредствомъ разсказа отъ этого кошмара.

— Лекарство, судя по вашимъ словамъ, есть, но, признаюсь, очень ужь радикальное! улыбнулась она.—Вы лучше займитесь-ка дѣломъ какимъ нибудь посеріознѣе: это отвлечетъ васъ, и вы вылечитесь.

— Благодарю за совѣтъ! и я имъ непремѣнно воспользуюсь, лишь бы вылечиться. А если нѣтъ?

— Если нѣтъ... Ну, тогда... тогда посмотримъ! не то шутя, не то загадочно какъ-то сказала она съ лукавой улыбкой.

* * *

И зачѣмъ были сказаны ею эти послѣднія слова! зачѣмъ сопровождались они такою усмѣшкой! Все это было сдѣлано съ такимъ лукавымъ женскимъ коварствомъ, какимъ, кажись, съ особенною щедростію надѣлила природа истыхъ варшавянокъ. И для чего ей понадобилось смущать еще болѣе мою душу—ей, съ которою мы такъ хорошо и просто, такъ «по человѣчески» сдружились?—Такъ ни съ того, ни съ сего, ради одной кокетливой прихоти, изъ мимолетнаго каприза! А впрочемъ, кто ее знаетъ!—быть можетъ, оттого-то именно и сдѣлала, что я слишкомъ долго и слишкомъ упорно видѣлъ въ ней только человѣка и не хотѣлъ совсѣмъ видѣть женщину. Но, какъ бы то ни было, а только ея тонъ, ея взглядъ, улыбка и послѣдняя фраза, подающая какую-то смутную, неопредѣленную надежду—все это въ совокупности было причиной,

что моя греза не улетучивалась... Напротивъ, эта женщина какъ будто подстрекнула меня. Порою, мнѣ становилось досадно на нее за эту выходку: я какъ-то привыкъ глядѣть на нее съ болѣе серіозной стороны, а это—если хотите—было въ отношеніи меня ужъ даже и не по пріятельски, а чисто по женски, и черезъ чуръ ужъ по женски! Однако жъ досадуя и на себя, и на нее, я тѣмъ не менѣе не разставался съ своей маніей, которая—что дальше, тѣмъ все глубже да крѣпче коренилась въ моемъ сердцѣ, въ моей односторонне-направленной фантазіи!

Желая добросовѣстно послѣдовать совѣту, я принуждалъ себя заняться «какимъ нибудь» серіознымъ дѣломъ, и даже брался за разныя занятія, одно другого будто «серіознѣе», но увы! — все сіе оставалось втунѣ.

Съ этого времени въ отношеніи меня у пани Амеліи стала проявляться весьма тонкая кокетливость, какой я никогда не замѣчалъ въ ней доселѣ. Она *умѣла* быть кокетливой, такъ что это у нея, дѣйствительно, выходило хорошо. Женскій тактъ и свѣтская ловкость указывали ей достодолжную мѣру, и потому въ ея кокетливости было нѣчто изящное. Множество женщинъ умѣютъ *кокетничать*, но очень рѣдкія изъ нихъ умѣютъ быть изящно и тонко кокетливыми. Кокетничанье первыхъ нерѣдко оскорбляетъ ваше эстетическое чувство, зачастую смѣшитъ, а еще чаще бываетъ просто противно; кокетливость же

вторыхъ имѣетъ въ себѣ нѣчто влекущее, обаятельное, даже и тогда, когда вы знаете, что это нарочно дѣлается ради той, или другой цѣли.

Въ отношеніяхъ нашихъ прозвучалъ какой-то новый мотивъ; они оттѣнились нѣсколькими новыми штрихами, которыхъ не замѣчалось прежде. Она попрежнему считала себя моимъ добрымъ пріятелемъ, но... это уже былъ для меня пріятель-женщина. Въ этого пріятеля я былъ влюбленъ самымъ страннымъ, самымъ причудливымъ образомъ—и пріятель, вовсе не по пріятельски, заботился исподволь раздувать во мнѣ эту искорку, которая, безъ его заботъ, очень можетъ быть что и потухла бы вскорѣ.

Я не заводилъ съ ней болѣе разговоровъ о моемъ болѣзненно-странномъ чувствѣ, за которое все такъ же продолжалъ негодовать на себя въ глубинѣ души, но—грѣшный человѣкъ!—не могъ воздерживаться, чтобы каждый разъ не любоваться на предметъ моей исключительной страсти—и каждый подобный взглядъ она встрѣчала своею лукавой улыбкой, изъ которой я могъ ясно заключить, что она какъ нельзя лучше понимаетъ, какое чувство вызываетъ у меня подобные взгляды. Эти улыбки были мнѣ досадны. Лучше всего, въ такомъ случаѣ, конечно, было бы не глядѣть вовсе, но этого я не могъ, и потому старался любоваться ею изподтишка. Однако же, почти

каждый разъ она, какъ школьника, ловила меня на этой продѣлкѣ.

— Ну, что же? Вы все еще больны? съ какимъ-то вызывающимъ задоромъ и дружеской насмѣшливостью спросила она однажды.

Вопросъ былъ предложенъ слишкомъ прямо, чтобы не понять, и совершенно неожиданно, чтобы не удивиться. Я взглянулъ на нее удивленнымъ взоромъ.

— Что вамъ вздумалось спросить меня объ этомъ?

— Какъ чтó?—я думаю, ваша манія немножко и меня касается.

— Да вамъ-то развѣ это не все равно?

— А вы не допускаете дружескаго участія?

— Въ васъ? — ни малѣйшаго!

— Это почему?

— Потому что въ васъ, напротивъ, замѣтно нѣкоторое стараніе поддерживать во мнѣ эту манію.

Она разсмѣялась.

— Сказать откровенно, созналась она,—ваша манія немножко забавляетъ меня. Но отчего же вы-то съ того самаго разу ничего больше не говорите о ней.

— Оттого что меня она вовсе не забавляетъ.

— И вы не хотите лечиться?

— Лечиться нечѣмъ.

Вся она въ эту минуту была какъ-то странно и нерв-

но оживлена. Яркія глаза метали веселыя искры, въ щекахъ рдѣлъ румянецъ, на губахъ открыто дрожала ея прелестная, лукавая улыбка.

— Полноте дичиться и серіозничать! сказала она съ беззавѣтной веселостью:—моя шея вовсе не такое серіозно дѣло. Вѣдь вы влюблены не въ меня, а въ мою душку?

Увы!.. я уже давно подмѣтилъ въ себѣ, что не одна душка, а вся она, вся какъ есть, стала предметомъ моей маніи.

— А если не въ одну только душку? проговорилъ я, глядя ей въ глаза испытующимъ взглядомъ.

Въ лицѣ ея мелькнула легкая гримаска.

— О, нѣтъ, это уже не будетъ оригинально!.. Влюбиться въ женщину—да кто же въ насъ не влюбляется!.. Мнѣ потому-то именно и нравится ваша манія, что она исключительна! Это тоже моя прихоть!—а знаете-ли, чтó я себѣ рѣшила?

— Что?

— Что моя душка—но только душка!—принадлежитъ вамъ. Если вы съумѣете ограничиться одною ею, то... съ этой минуты вы ея властитель.

И снова засмѣявшись своимъ искристо-веселымъ, беззавѣтнымъ смѣхомъ, она, какъ рѣзвый, шаловливый ребенокъ, вдругъ встала съ мѣста, совсѣмъ близко подошла ко мнѣ—и глядя мнѣ въ лицо своими ярко смѣющи-

міюся, вызывающими глазами, медленно закинула назадъ свою голову.

Роскошная, мраморно-античная шея обнажилась передо мною.

Вотъ она—та минута, о которой я мечталъ такъ страстно!

Съ замираніемъ сердца, желая и не смѣя, пытался я прочесть въ ея взорѣ позволенье коснуться ее поцалуемъ; но эти глаза, заволокнутые теперь какою-то туманной, истомною влагой, были полузакрыты.

Я робко приблизилъ къ ней свои губы, какъ вдругъ...

Въ смежной комнатѣ ясно послышались чьи-то шаги и шелестъ шелковаго платья.

Амелія вздрогнула, отшатнулась отъ меня и бросила капризно-досадливый взглядъ на дверь, въ которой, въ эту самую минуту, съ наиприятнѣйшей улыбкой на устахъ, появилась чета—супругъ и супруга—принадлежавшіе къ числу варшавскихъ знакомыхъ пани Амеліи.

Трудно бы было придумать что либо болѣе не кстати, чѣмъ это досадное появленіе.

Проклятый случай! Я просто губы искусалъ себѣ отъ злости, однако—нечего дѣлать!—надо было притворяться равнодушно-любезнымъ, бесѣдовать съ полнѣйшимъ спокойствіемъ о какихъ-то пустякахъ и выносить

всю эту пытку въ теченіе цѣлаго часа, но на большее не хватило уже терпѣнья.

Амелія пошла провожать меня до порога слѣдующей комнаты.

— Завтра въ это время... не будетъ никого... быстро шепнула она мнѣ и выразительно сжала мою руку.

Всю ночь, все утро, весь день я былъ въ какомъ-то чаду, тяжело-сладкій дурманъ котораго наплывалъ на меня иными минутами.

Я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера. Какое странное, но и какое заманчивое свиданье было мнѣ назначено!—Свиданье ради душки, и только ради ея одной! Но эта душка была уже моею...

Ровно въ девять часовъ вечера, какъ назначено, я уже былъ на Уяздовской аллеѣ, у двери пани Амеліи.

Меня встрѣтила горничная и подала письмо:

„Злой случай рѣшительно идетъ наперекоръ намъ. Вчера въ одинадцать часовъ вечера я получила телеграмму отъ моего дяди. Онъ очень боленъ—и умоляетъ, чтобы я, не медля ни одного дня, тотчасъ же пріѣзжала къ нему въ его подлюблинское имѣніе. Бѣдный старикъ совсѣмъ одинокъ и нуждается въ родственномъ попеченіи. Сегодня въ три часа я выѣзжаю. Прощайте, надолго-ли—не знаю! Но лучше сказать «до свиданья»! Ваша *«душка»*.

Я вернулся домой, взбѣшенный новою неудачей и влюбленный болѣе чѣмъ когда либо.

Сказавши въ письмѣ своемъ, что злой случай рѣшительно идетъ наперекоръ намъ, Амелія была права, можетъ, даже болѣе чѣмъ думала: злой случай настолько пошелъ наперекоръ, что мы съ ней съ тѣхъ поръ не видались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Время отъ времени до меня долетали урывками кой-какія свѣденія о ней, черезъ общихъ знакомыхъ, —и такимъ образомъ я зналъ, что она прожила мѣсяца четыре въ Люблинской губерніи у дяди, а потомъ уѣхала съ нимъ въ Спа, потомъ съ нимъ же проживала въ Дрезденѣ, а потомъ... потомъ я совершенно потерялъ ее изъ виду. Самому мнѣ года два пришлось прожить въ Августовѣ, такъ что когда въ концѣ 62-го года меня снова перевели въ Варшаву, мы ужь были совершенно незнакомы съпрежними «общими знакомыми» — и потому мнѣ рѣшительно не у кого было узнать про пани Амелію, да признаться сказать, и самъ-то я теперь небольно интересовался этимъ предметомъ, потому что четырехлѣтній промежутокъ времени, исполненный самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, самъ по себѣ уже служитъ отличнымъ лекарствомъ противу всякихъ маній. Все что я въ ту пору случайно зналъ о пани Амеліи — такъ это лишь то, что ея нѣтъ въ Варшавѣ; но гдѣ она находится— про то мнѣ не было извѣстно.

***

Въ послѣднихъ числахъ марта 1863-го года отрядъ изъ четырехъ ротъ пѣхоты и сотни казаковъ выступилъ въ экспедицію, подъ командою полковника N. Я былъ въ то время командированъ въ распоряженіе начальника люблинскаго отдѣла и на сей разъ находился при отрядѣ. Дня четыре мы проходили по дебрямъ и трущобамъ, дѣлая дьявольскіе переходы по пятидесяти верстъ въ сутки—и все это втунѣ! Были извѣстія, что въ окрестныхъ мѣстахъ гдѣ-то скитаются двѣ порядочныя банды, но кладъ этотъ, не смотря на всѣ наши усилія, не давался намъ въ руки. И хоть бы какой слѣдъ! А между тѣмъ мы знали, что онѣ гдѣ-то вотъ тутъ—что называется подъ носомъ—укрываются. Это была своего рода игра не то въ прятки, не то въ жмурки. Полная безплодность четырехдневныхъ усиленныхъ поисковъ становилась наконецъ досадна. Солдаты злились и роптали на повстанца:— «тоже, молъ, лядъ его дери, воинъ называется! хорошъ воинъ, коли отъ дѣла утекаетъ! коли ты есть воинъ, такъ выходи въ поле на чистоту, а не хоронись въ трущобу!» Но повстанцы не раздѣляли солдатскихъ возрѣній и предпочитали хорониться, исполняя это на сей разъ въ высшей степени ловко. Вернуться домой съ пустыми руками не хотѣлось, а между тѣмъ мы почти уже теряли всякую надежду на успѣхъ нашихъ поисковъ.

Наконецъ, на пятый день—помню—на пути къ одному

мѣстечку попадается намъ по дорогѣ нетычанка, и въ ней одинъ-одинешенекъ катитъ какой-то „сцестный еврейцыкъ“. Замѣтивъ издали нашъ авангардъ, онъ было хотѣлъ юркнуть въ сторону, въ перелѣсокъ, но наши казачки благополучно переняли его и представили начальнику отряда. Еврейчикъ страшно перетрусилъ (а особенно въ виду казачьихъ нагаекъ, на которыя основательно, или нѣтъ—могъ разсчитывать въ глубинѣ души своей) и умоляя „не выдавать его повстанцамъ“, сообщилъ подъ «вéлькимъ закрéтемъ» свѣденія весьма интересныя. Изъ его разсказа оказывалось, что банда, человѣкъ въ пятьсотъ, скрывается верстахъ въ пятнадцати разстоянія, въ Сморовицкомъ лѣсу, что довудца ея—какой-то панъ, который прозывается «Ночью», и что эта «Ночь» находится въ данный моментъ не при бандѣ, а съ утра еще вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ укатила въ Ильяшевскій фольваркъ, «до старéго пана грабего Зымянтовскéго», тамъ вѣроятно будетъ и обѣдать, а «до лясу» вернется только ночью. Еврейчикъ сознался, что все это въ точности извѣстно ему было потому, что нынѣшнимъ утромъ онъ ѣздилъ покупать водку для своего шинка, но что повстанцы напали на него, заставили отвезти ее къ себѣ въ Сморовицкій лѣсъ, не заплатили «а ни гроша» и даже хотѣли повѣсить. Истина очевидно заключалась въ томъ, что еврейчикъ, по доброй своей охотѣ, продавалъ повстанцамъ водку и отвозилъ ее

до лясу. Для пущей вѣрности порѣшено было удержать его при отрядѣ, одна часть котораго направилась въ обходъ, а другая прямою дорогою къ лѣсу. На мою долю выпало особое порученіе. Дали мнѣ тридцать человѣкъ казаковъ съ однимъ хорунжимъ и велѣли — на рысяхъ двинуться къ Ильяшевскому фольварку, накрыть тамъ пана „Ночь“ съ его адъютантомъ, произвести вообще самый тщательный обыскъ и ожидать на мѣстѣ прибытія отряда. Ильяшевскій фольваркъ, по показанію еврея, отстоялъ на 12 верстъ правѣе отъ Сморовицкаго лѣса, такъ что намъ надо было съ мѣста тотчасъ же взять влѣво и идти къ фольварку кратчайшимъ путемъ, что могло составить приблизительно верстъ около двадцати. Приказаніе отдано мнѣ безъ малаго въ часъ пополудни; стало быть, къ тремъ часамъ, если ничто особенное не помѣшаетъ, я могъ расчитывать быть уже на мѣстѣ.

— Тѣмъ лучше! Какъ разъ къ обѣду! порѣшилъ полковникъ: — съ богомъ!

И маленькій отрядецъ мой двинулся обыкновенною казачьею *«ходой»*.

«Этотъ панъ «Ночь», какъ видно, не прочь посибаритничать, если оставляетъ банду ради обѣда», думалъ я себѣ: — «и вѣроятно тамъ, кромѣ лакомаго обѣда, есть какая нибудь лакомая приманка, въ родѣ прелестной пани, или молоденькихъ паненокъ». А эти пани и паненки

являются обстоятельствомъ весьма неудобнымъ при такихъ порученіяхъ, какое мнѣ надлежало исполнить. Первое то, что онѣ хитрѣе и фанатичнѣе мужчинъ, а второе, что ужь никакимъ образомъ не обойдешься безъ патетическихъ сценъ, въ которыхъ будутъ если не мольбы съ обольстительными просьбами, то ярыя проклятія и разныя выходки съ претензіями на картинный героизмъ,—и ужь во всякомъ случаѣ, какъ то, такъ и другое непремѣнно будетъ сопровождаться аккомпаниментомъ слезъ и рыданій. Все это, особенно при обыскѣ этихъ прелестныхъ пани и паненокъ, всегда ставило исполнителя такихъ порученій въ самое непріятное, щекотливое положеніе.

Предполагая себѣ подобную перспективу моей экспедиціи, я уже заранѣе испытывалъ нѣкоторое недовольство по поводу предстоящихъ сценъ того или другаго рода. «Дай-то, Господи, чтобы тамъ никакихъ этихъ паненокъ и въ заводѣ не было!» думалъ я себѣ: „дѣло и короче, и проще будетъ!“

За то товарищъ мой, хорунжій Савва Пермёнычъ Халявкинъ былъ невозмутимо тихъ и спокоенъ. Онъ знай-себѣ только посасывалъ свою носогрѣйку (короткій чубучекъ которой торчалъ у него изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ усовъ), да зорко поглядывалъ впередъ и по сторонамъ—„не пошлетъ-ли Богъ сѣраго зайчика“, чтó означало у него, «не выскочитъ ли гдѣ изъ подъ куста пов-

станчикъ». Но повстанчикъ ни откуда не выскакивалъ, и Савва Перменычъ напрасно утомлялъ свое глядкое староказачье око. Его нависшіе усы и брови вмѣстѣ съ бронзовымъ лицомъ, успѣвшимъ навѣки-вѣчные загорѣть подъ кавказскимъ солнцемъ, придавали на первый взглядъ всей его физіогноміи угрюмую суровость; но достаточно было взглянуть въ глаза Саввы Перменыча, чтобы тотчасъ же угадать въ немъ добродушнѣйшаго изъ смертныхъ. У него были безконечно добрые глаза—добрые подѣтски. Сидѣлъ онъ на своей поджарой, маленькой, пѣгой кобыленкѣ совсѣмъ «кренделемъ», какъ говорится по кавалерійски,—и этотъ видъ кренделя еще пуще придавала ему его шапочка съ замасленнымъ отъ времени краснымъ околышемъ, которая лежала на его сѣдой головѣ блинкомъ, „по старосвѣтскому", сильно сдавшись съ затылка напередъ, что вмѣстѣ съ носогрѣйкой придавало Саввѣ Парменычу видъ необыкновенно типичный. Онъ уже двѣнадцать лѣтъ теръ лямку въ первомъ офицерскомъ чинѣ, въ который за отличіе былъ произведенъ изъ урядниковъ,—и являлъ собою истаго, матераго казака, свято храня всѣ старыя казацкія привычки.

Револьверовъ, напримѣръ, не любилъ.—«Зачѣмъ онъ мнѣ? больно ужь деликатная штука! Я съ нимъ обращаться не умѣю, говорилъ онъ:—а вотъ у меня пистоль есть—это какъ разъ по мнѣ! Дѣдовскій еще! Да вотъ

еще нагайка есть добрая, ну да шашка, пожалуй, вотъ и будетъ съ меня! Самое любезное дѣло!» — И дѣйствительно, нагайка, оправленная въ черненое серебро (единственная роскошь Парменыча), неизмѣнно висѣла на ремнѣ черезъ лѣвое плечо его.

Отрядъ нашъ двигался по разнообразной и мѣстами довольно красивой мѣстности, нащупывая невѣдомую дорогу разспросами у встрѣчныхъ крестьянъ и евреевъ. Было уже около трехъ часовъ пополудни, когда мы изъ небольшаго дубоваго лѣска выѣхали на полянку, по которой извивалась какая-то быстрая рѣчка, а на противуположномъ крутомъ и мѣстами обрывистомъ берегу ея расположился Ильяшевскій фольваркъ; — только въ сущности это былъ вовсе не фольваркъ, хотя при немъ и виднѣлись разныя хозяйственныя пристройки, а скорѣе бы могъ онъ назваться, въ своемъ родѣ, просто замкомъ. То былъ прекрасный домъ, и даже съ двумя башнями, построенный во вкусѣ прошлаго столѣтія, прочно, фундаментально. Хотя онъ и стоялъ теперь въ упадкѣ, съ отвалившейся мѣстами штукатуркой, съ проросшими по кровлѣ мхомъ и травою, съ гнѣздами ласточекъ надъ окнами, тѣмъ не менѣе въ постройкѣ его явно сказывалась магнатская затѣя, о чемъ свидѣтельствовали лѣпныя, побитыя временемъ работы по карнизамъ — и гербъ на фронтонѣ. Къ этому дому отъ самаго моста вела густая ал-

лея пирамидальныхъ тополей, а за нею виднѣлся большой, старый садъ, надъ зелеными купами котораго, немного въ сторонѣ отъ замка, возвышалась готическая башенка небольшаго костела. Мѣсто было очень красивое, съ этой рѣчкой, съ этими нависшими надъ нею ветлами и корявыми, бородавчатыми вербами, съ глинистыми обрывами и съ этими тополями и купами небольшихъ лѣсковъ, синѣвшихъ тамъ и сямъ по окрестнымъ пригоркамъ.

Казаки вскачь пустились черезъ мостъ, чтобы съ налету, какъ можно поспѣшнѣй занять Ильяшевскій фольваркъ, и не дать тамъ никому опомниться.

Однако разсчетъ нашъ оказался не совсѣмъ-то вѣренъ: насъ, какъ видно, замѣтили еще въ то время, когда мы только что показались изъ дубоваго лѣска на полянѣ. Хотя разстояніе это было не болѣе полуторы версты— и проскакать его требовалось много-много пять минутъ, тѣмъ не менѣе въ замкѣ успѣли извѣститься о появленіи гостей нежданныхъ. Мы застали на дворѣ нѣкоторый переполохъ: управляющій, очевидно шляхтичъ, въ чамаркѣ, стоялъ на крыльцѣ—и приложивъ жирную руку щиткомъ къ глазамъ, глядѣлъ вдоль аллеи на наше приближеніе, отдавая въ то же время какимъ-то батракамъ какія-то спѣшныя приказанія. Прислуга, съ перепуганными лицами, бѣгала отъ дома къ службамъ и отъ службъ къ

дому, исчезая въ его просторныхъ сѣняхъ. Двери хлопали, собаки заливались лаемъ.

Казаки вихремъ влетѣли во дворъ—трахъ! долой съ коней мигомъ—и пока одинъ урядникъ отдѣлялъ и размѣщалъ наружные посты, я съ нѣсколькими своими людьми вошелъ въ домъ и со всею возможною «гжечностью» велѣлъ вести себя къ пану грабію Зымянтовскому. Экономъ привелъ насъ въ столовую. У окна, передъ столомъ, на которомъ были поставлены водки и закуска, въ высокомъ вольтеровскомъ креслѣ сидѣлъ сѣдой старикъ, весьма почтенной наружности, съ типичнымъ старопольскимъ лицемъ и не менѣе типичными усами. Онъ былъ подагрикъ. При нашемъ появленіи, его домашній капеллан, смиренноликій ксендзъ, почтительно поддерживая старика подъ руку, помогъ ему приподняться съ креселъ.

— Чему обязанъ честью видѣть васъ, господа, у себя въ домѣ? обратился къ намъ графъ, такимъ тономъ, въ которомъ сказывалось радушіе, смѣшанное съ горделивымъ достоинствомъ стараго магната.

— Въ вашемъ домѣ находится теперь довудца банды, извѣстный подъ псевдонимомъ «Ночь»,—это причина нашего появленія, объяснилъ я ему, смягчая жестокость своего посѣщенія взаимною вѣжливостью, насколько допускала ее невольная сухость оффиціальнаго тона.

Старикъ и ксендзъ видимо смутились, но послѣдній тотчасъ же притворился крайне удивленнымъ.

— Вы получили ошибочныя свѣденія. Въ моемъ домѣ, кромѣ моихъ домашнихъ, никого нѣтъ и не было! отрицательно качнувъ головою, отвѣтилъ графъ, все еще не совсѣмъ-то оправившійся отъ своего смущенія.

— Охотно допускаю, что свѣденіе это ошибочно, согласился я:—но... тѣмъ не менѣе, я имѣю приказаніе произвести въ вашемъ домѣ обыскъ.

Въ отвѣтъ на это онъ только горько улыбнулся и пожалъ плечами—дескать: ваша воля!

Въ эту самую минуту растворилась дверь—я бросилъ взглядъ по направленію къ ней и остался глубоко пораженъ неожиданностью.

Въ столовую вошла пани Амелія.

Она была нѣсколько взволнована, словно бы послѣ усиленнаго движенія или быстрой, поспѣшной ходьбы. Наши глаза встрѣтились—и я замѣтилъ, какъ въ ея изумленномъ взорѣ вдругъ мелькнуло какое-то свое особое соображеніе, освѣтившее этотъ взоръ какъ будто доброю надеждой на что-то.

— Черкутскій!.. Monsieur Черкутскій!.. Вы-ли это? взволнованно проговорила она искренно-удивленнымъ тономъ, и быстро направившись ко мнѣ, совсѣмъ по старому, по дружески протянула мнѣ свою руку.

*

— Не торопитесь оказывать мнѣ знаки вашей дружбы: я къ вамъ являюсь крайне непріятнымъ и недружелюбнымъ гостемъ, поспѣшилъ я предупредить ее, уклоняясь отъ рукопожатія и ограничиваясь взамѣнъ того однимъ лишь почтительнымъ поклономъ.

Выслушавъ это, она разсмѣялась, повидимому самымъ искреннимъ образомъ.

— Что же, ищите! Ищите, какъ можно тщательнѣе! но увы!.. поиски ваши будутъ безуспѣшны! Я въ первый разъ даже слышу это имя — «Ночь!».

— Тѣмъ не менѣе, пожалъ я плечами: — я обязанъ исполнить данное мнѣ приказаніе.

— Но, пока что, вы, господа, конечно не откажетесь раздѣлить съ нами нашъ деревенскій обѣдъ? радушно предложилъ старый графъ: — я вижу что господинъ капитанъ — старый знакомый съ моею племянницей; тѣмъ лучше! Вы, капитанъ — я думаю — и устали, и проголодались съ дороги?.. Прошу покорно! А панъ экономъ распорядится, чтобъ и команда ваша была накормлена.

Я замѣтилъ, что столъ былъ сервированъ на шесть приборовъ. Два изъ нихъ предназначались хозяину и его племянницѣ, два могли быть поставлены для капеллана и, пожалуй, для пана эконома; но для кого же оставались еще два, если не для «Ночи» съ его адъютантомъ?

На эти-то два послѣдніе прибора и указалъ хозяинъ мнѣ и Саввѣ Парменычу.

Я почувствовалъ крайне затруднительное и неловкое положеніе: старый графъ предложилъ мѣсто за своимъ столомъ съ такимъ патріархальнымъ, старопольскимъ радушіемъ, а между тѣмъ съ нашей стороны онъ не могъ встрѣтить ничего кромѣ рѣшительнаго отказа. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, прикажете садиться за столъ человѣка, къ которому вы пришли съ порученіемъ столь непріязненнаго свойства? И тѣмъ болѣе, что, сколь ни искренно, по видимому, было его радушіе, не могли же мы думать, чтобы наше посѣщеніе было ему пріятно. Въ силу всѣхъ таковыхъ соображеній, я поспѣшилъ поблагодарить и отказаться за себя и за моего товарища отъ его приглашенія, подъ тѣмъ простымъ предлогомъ, что мы-де ужь обѣдали.

Старикъ, какъ кажется, угадалъ истинную причину нашего отказа.

— Господа!.. Могу увѣрить васъ честью—мой столъ не отравленъ! предупредилъ онъ съ шутливо-иронической улыбкой:—и... и наконецъ, условія войны не мѣшаютъ гостепріимству.

— И все-таки, графъ, позвольте отказаться, сказалъ я, рѣшаясь быть откровеннымъ:—во-первыхъ эти два прибора были приготовлены не для насъ, потому что мы къ

вамъ нежданные и едва-ли желанные гости, продолжалъ я:—а во-вторыхъ, сколь я ни цѣню ваше радушіе, но... все же я не думаю, чтобы и вамъ было пріятно видѣть насъ, а намъ сидѣть за вашимъ столомъ, имѣя въ перспективѣ подобное порученіе, и потому—не посѣтуйте на меня за мою нѣсколько грубую откровенность.

Графъ только поклонился на это—дескать: какъ вамъ угодно!

— И такъ, можете приступать къ обыску, сказалъ онъ вслѣдъ за симъ очень сухимъ и даже нѣсколько надменнымъ тономъ.

Савва Парменычъ распорядился и крикнулъ урядника съ двумя казаками, которые тотчасъ же принялись за дѣло. Я просилъ Савву Парменыча, чтобы ужь онъ одинъ заправлялъ всею этой исторіей, а самъ предпочелъ остаться совершенно пассивнымъ зрителемъ.

Неожиданность появленія Амеліи и эта встрѣча съ нею ставили меня просто въ тупикъ. Признаюсь вамъ откровенно, что въ глубинѣ души я чувствовалъ такую неловкость, такое смущеніе, что лучше бы, кажись, было сквозь землю провалиться, чѣмъ стоять подъ ея взглядами, въ которыхъ какъ-будто сказывалась какая-то пытливость, словно-бы ей хотѣлось заглянуть въ мою душу и коварно подмѣтить, чтó такое тамъ теперь творится. Мнѣ было просто совѣстно, стыдно передъ нею, передъ женщи-

ной, которую я искренно называлъ когда-то своимъ добрымъ другомъ, и къ этому-то доброму другу я входилъ теперь невольнымъ врагомъ—и не личнымъ, а въ силу одного лишь принципа, и въ силу его же нужно было стать неумолимымъ исполнителемъ даннаго приказанія, сдѣлаться камнемъ, заглушить въ себѣ самое естественное человѣческое чувство, которое подымалось во мнѣ, требуя снисхожденія для женщины, нѣкогда столь сумасбродно любимой мною. Но.... все что я могъ сдѣлать, это —остаться пассивнымъ свидѣтелемъ всего происходящаго передъ моими глазами. Встрѣчая, или—скорѣе — чувствуя на себѣ пытливый взглядъ Амеліи Б., я кусалъ себѣ губы съ досады, старался избѣгать встрѣчи съ ея взорами и въ то же время проклиналъ въ душѣ и свою роль, и свое назначеніе, и ту минуту, когда начальнику отряда вздумалось возложить его на мою особу. Послѣ первой минуты нашей встрѣчи, въ теченіе всего этого времени мы не сказали съ нею ни слова, хотя она вмѣстѣ съ дядей, опиравшимся на руку капеллана, неотступно присутствовала при самомъ обыскѣ, постепенно переходя изъ комнаты въ комнату съ Саввою Парменычемъ и его казаками.

Пришли наконецъ въ кабинетъ стараго графа. Онъ тотчасъ же вручилъ урядику ключи отъ своего стола и отъ высокаго бюро со старинными бронзовыми украше-

ніями. Въ столѣ ничего особеннаго не оказалось. Урядникъ принялся за бюро—и въ этомъ помѣщеніи, повидимому, тоже ничего не заключалось. Казакъ, однако, зоркимъ окомъ оглядѣлъ все его внутреннее устройство, повыдвигалъ всѣ ящички и вдругъ ухмыльнулся про себя, словно-бы смекнувъ нѣчто особенное. Вслѣдъ за симъ онъ внимательно пригнулся къ донцу одного помѣщенія, нажалъ пальцемъ какой-то винтъ—и донце вдругъ отскочило само собою, съ тѣмъ особеннымъ звукомъ, который издаетъ хорошая стальная пружина.

Въ это мгновеніе я невольно окинулъ взглядомъ стараго графа и его племянницу вмѣстѣ съ капелланомъ. Ксендзъ какъ-будто испугался чего-то. Амелія же быстро переглянулась значительнымъ взглядомъ со старикомъ и мгновенно поблѣднѣла.

Графъ Зымянтовскій густно и какъ-то безсильно опустилъ на грудь свою сѣдую голову.

— Что тамъ такое? обращаясь къ уряднику, спросилъ Савва Парменычъ.

— Тайная шкатунка, ваше благородіе! Бумаги какія-сь-то лежать! отозвался тотъ и подалъ ему тщательно подобранную пачку.

— Ишь ты, механикъ-самоучка какой! просто Кулибинъ, да и только! добродушно-лукаво подмигнулъ мнѣ мой старикъ хорунжій, кивнувъ на своего урядника.

У меня просто сердце сжалось: я понялъ, что въ этомъ ящикѣ крылось нѣчто роковое для графа, а быть можетъ и для его племянницы. А мнѣ въ глубинѣ души такъ хотѣлось, чтобы нашъ обыскъ прошелъ для нихъ благополучно, чтобы мы ни въ домѣ, ни внѣ его не нашли у нихъ ничего такого, что могло такъ или иначе отозваться горемъ на судьбѣ этой женщины—моего стараго «друга!»... И вдругъ—эта проклятая находка!

Савва Парменычъ сталъ разсматривать пачку. Въ ней было нѣсколько квитанцій ржонда и повстанскихъ довудцевъ въ принятыхъ деньгахъ и припасахъ, очень много компрометирующихъ писемъ и другихъ бумагъ, да кромѣ того цѣлый списокъ лицъ, составлявшихъ мѣстную, „повятову“ организацію. Этотъ списокъ придавалъ находкѣ нашей особенную важность.

— Получите на храненіе! передалъ мнѣ Савва Парменычъ всѣ эти бумаги.

Я молча, не глядя ни на кого, принялъ отъ него пачку и сунулъ ее въ боковой карманъ своего сюртука. Но совершая эту операцію, я чувствовалъ на себѣ значительный, долгій, пристальный взглядъ Амеліи—и опять-таки искреннѣйшимъ образомъ пожелалъ себѣ провалиться сквозь землю.

И въ самомъ дѣлѣ, это было безвыходное и чортъ знаетъ до какой степени непріятное положеніе! Пусть каждый, вспомня мое прошлое по отношенію къ этой

женщинѣ, поставить себя на мое мѣсто и—я увѣренъ—никто не пожелалъ бы себѣ пережить подобныя минуты!

Обыскъ внѣ дома не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Казаки пересмотрѣли самымъ тщательнымъ образомъ всѣ помѣщенія, подвалы, надворныя строенія, службы, загонные сараи, погреба, чердаки, обшарили и костелъ—нигдѣ ни малѣйшихъ признаковъ повстанскихъ атрибутовъ! Пана «Ночи» съ его адъютантомъ словно бы и не бывало! А между тѣмъ два лишнихъ прибора стояли на столѣ. Оставалось думать только одно, что мы нагрянули ранѣе пріѣзда «Ночи» и что стало быть теперь ужь едва-ли онъ попадется въ наши руки.

***

Обыскъ былъ оконченъ, но уѣхать—не смотря на все мое пламеннѣйшее желаніе какъ можно скорѣе убраться, изчезнуть изъ этого дома—мы не могли: намъ было дано самое точное приказаніе ожидать на мѣстѣ прибытія отряда. Хочешь-нехочешь, надо оставаться!

Казаки наши, выставивъ свои «бекеты» вокругъ дома и на всѣхъ наиболѣе важныхъ пунктахъ по окрестности, расположились бивуакомъ посреди широкаго двора. Савва Парменычъ, кивнувъ мнѣ идти за собою, привелъ меня къ своей пѣгой кобылёнкѣ и—какъ человѣкъ запасливый—досталъ изъ одной сѣдельной чушки походную фляжку, а изъ другой холодную жареную курицу,

завернутую въ синюю сахарную бумагу, засимъ добылъ отъ своихъ казачковъ походныхъ сухариковъ, и мы съ нимъ перекусили съ немалымъ аппетитомъ.

— Такъ-то, батя мой, лучше! говорилъ онъ;—потому значитъ, окромя Господа Бога никакому пану за эту курицу не благодаренъ!

Съ невыразимо-тягостнымъ чувствомъ вернулся я въ комнаты. Тамъ не встрѣтились мнѣ ни графъ, ни Амелія—да и слава Богу! потому что встрѣча съ нею невольно смутила бы меня. Я это чувствовалъ и даже—признаюсь откровенно—боялся повторенія встрѣчи, и особенно если бы она случилась съ глазу на глазъ. Сила обстоятельствъ неожиданно поставила насъ въ какое-то странное и даже фальшивое положеніе относительно другъ друга, и потому, конечно, лучше бы было не встрѣчаться.

Въ домѣ было тихо, такъ что казалось, будто тамъ ни души нѣтъ: старый графъ, какъ объяснилъ намъ панъ экономъ, находился на половинѣ своей племянницы. Мы не находили нужнымъ обременять его излишнимъ и во всякомъ случаѣ стѣснительнымъ присмотромъ въ эти послѣдніе часы пребыванія его въ своемъ домѣ, да къ тому же оно казалось и совершенно излишне, такъ какъ фольваркъ со всѣхъ сторонъ былъ оцѣпленъ зоркими бекетами и стало быть нашъ арестантъ не могъ

отъ насъ скрыться. Да и куда бы скрылся онъ со своею подагрой?

Послѣ шестидесяти-верстныхъ четырех-суточныхъ переходовъ, къ которымъ слѣдовало прибавить еще и сегодняшнюю двадцати-верстную проѣздку на рысяхъ, нѣтъ ничего мудренаго, что мы чувствовали значительное утомленіе. Парменычъ, подкрѣпившись холодною курицей, растянулся и тотчасъ же захрапѣлъ въ диванной, а я прошелъ въ смежный съ нею кабинетъ стараго графа и расположился тамъ въ глубокомъ креслѣ.

Это утомленіе и потомъ всѣ впечатлѣнія нынѣшняго дня и моей встрѣчи вызвали во мнѣ какое-то возбужденное разстройство нервовъ. Сна у меня не было, но иными минутами я впадалъ въ какую-то полудремоту.

Вечерѣло.

Красное и даже ярко-багровое солнце садилось за рѣчкой. Просвѣты рдѣющаго неба сквозили между темными сучьями и стволами деревьевъ. Среди тишины ясно былъ слышенъ съ рѣчки шумъ мельничныхъ колесъ и блеяніе возвращавшагося стада, которое, толпясь, переправлялось черезъ греблю. Я открылъ форточку — и въ комнату повѣяло тѣмъ особеннымъ, ранне-весеннимъ, вечерѣющимъ воздухомъ, который имѣетъ въ себѣ странное и неотразимое свойство производить во мнѣ какую-то тихую, млѣющую истому. Я необыкновенно люблю это слад-

кое и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка жуткое чувство весенней истомы: оно имѣетъ въ себѣ для меня нѣчто манящее, зовущее въ какую-то свѣтлую, широкую даль, исполненную смутныхъ, но золотыхъ надеждъ; оно подымаетъ грудь молодымъ, могуче-вольнымъ дыханіемъ и заставляетъ полнѣе биться сердце. Въ эти минуты какъ-то цѣлостнѣе чувствуешь жизнь, живую, возрождающуюся, ранне-весеннюю жизнь, вмѣстѣ съ которою и самому хочется жить, и жить до одури, до упоенья. Это — чувство птицы, стремительно вздымающейся въ поднебесную высь, въ бодрящій и нѣжащій океанъ весенне-мягкаго воздуха.

Кабинетъ стараго графа былъ убранъ не безъ вкуса. Нѣсколько старыхъ картинъ и фамильныхъ портретовъ глядѣли изъ потемнѣвшихъ отъ времени золотыхъ рамъ. Оленьи и лосьи рога группами украшали стѣны, на которыхъ красиво развѣшано было нѣсколько звѣриныхъ шкуръ. Вся обстановка показывала, что это кабинетъ стараго и страстнаго охотника. Недоставало только ружей, сабель и охотничьихъ ножей, которые при началѣ возстанія были отобраны у всѣхъ обывателей земель повстанскихъ. Но за то по бокамъ широкаго камина висѣли два медальона съ рыцарскими, старопольскими доспѣхами. Шлемы, панцыри, кольчуги, алебарды и протазаны были оставлены графу—какъ оружіе, въ наши времена

вполнѣ безвредное и имѣющее только смыслъ для археологическихъ воспоминаній.

Заходящее солнце искрилось своими послѣдними угасающими лучами на темной стали этого оружія. Комната все болѣе и болѣе наполнялась вечернимъ полумракомъ—и ничѣмъ невозмущаемая тишина, вмѣстѣ съ надвигавшимся все болѣе сумракомъ, становилась все глубже, и глубже.

Этотъ кабинетъ отчасти напомнилъ мнѣ теперь нѣчто знакомое, давнишнее...

Да; вотъ и шлемы и панцыри были похожи на эти, и алебарды почти такія же—только на тѣхъ искрился каленый огонь камина, а на этихъ заходящее солнце играетъ... И такая же тишина, такая же нѣсколько таинственная обстановка—тамъ только роскоши было гораздо больше, но въ общемъ впечатлѣніи есть нѣчто сходное.

Лѣнивая мысль моя дремотно стала блуждать въ далекихъ воспоминаніяхъ, и это блужданье переходило въ легкую грезу. Мнѣ вспомнился кабинетъ въ парижскомъ отелѣ князя Г., вспомнился бѣлокурый человѣкъ съ болѣзненно - блѣднымъ, глухо-стадающимъ лицомъ, сидящій въ глубокомъ готическомъ креслѣ передъ каминомъ, закрывшись облокоченной рукою.... Какія странныя вещи видѣлися тогда мною! Какія странныя ощущенія испытывались!... «Помните же, что вы сами сказали *довольно*»

—что значили эти слова?.. зачѣмъ онъ сказалъ ихъ!.. А какіе звуки! Какая мелодія раздавалась!..

Мысль моя все болѣе и болѣе путалась въ полузабытыхъ образахъ и воспоминаніяхъ. Мгновеньями эти образы вставали теперь передо мною необыкновенно ярко, и потомъ блѣднѣли, никли, исчезали, расплывались въ какой-то туманной тьмѣ, и снова всплывали, и снова тонули. Это были, пожалуй, и грезы, и дремота, но только не сонъ. Мнѣ казалось, что я не сплю, но лишь испытываю то особенное, истомное, полусознательное состояніе, которое наплываетъ на человѣка между сномъ и бдѣніемъ. Не знаю, были ли глаза мои открыты или нѣтъ—вѣрнѣе, что нѣтъ,—но мнѣ словно бы помниться, какъ все болѣе и болѣе блѣднѣли и потухали отблески заката и какъ все глубже надвигался вечерній сумракъ, окутывая тихою мглою всѣ окружающіе предметы, всю комнату, каминъ, и окна, и драпировки...

И вдругъ я чувствую, какъ изъ за спины кто-то тихо начинаетъ склоняться надо мною, надъ моимъ лѣвымъ плечомъ.

«Это—греза» на мгновеніе мелькнулъ во мнѣ слабый отблескъ сознанія—и мысль моя снова пошла лѣниво и дремотно плутать въ туманѣ воспоминаній.

А между тѣмъ, что-то склоняется все ниже и ниже, какъ-будто хочетъ приблизиться, приникнуть къ самому

лицу моему, но такъ тихо, такъ робко, словно боясь потревожить, разсѣять мою дремоту.

Вотъ, по щекѣ моей, чуть-чуть коснувшись ея края, слегка скользнулъ чей-то мягкій, шелковистый локонъ... и кто-то совсѣмъ уже близко, совсѣмъ почти у моей щеки.... я невольно впиваю чье-то легкое, вѣющее по ней дыханіе—и это дыханіе такъ мягко, такъ тепло, такъ нѣжно и такъ сдержанно, словно бы и въ немъ чуется боязнь пробудить меня. И въ тоже время я обоняю легкое, чуть замѣтное благоуханіе.... О, да! и оно мнѣ знакомо: это тотъ самый тонкій ароматъ изящной, изысканной женщины! Я снова узнаю его! Но вотъ еще одинъ мигъ— и я чувствую, какъ чьи-то мягкія, теплыя губы чуть-чуть прикоснулись къ моей щекѣ трепетно-робкимъ, едва ощущаемымъ поцалуемъ.... Еще одно прикосновеніе, уже смѣлѣе.... еще смѣлѣе.... Эти ароматныя уста какъ будто ищутъ моихъ губъ.... они нашли уже ихъ уголъ, губную ямку, они остановились у самаго края—и снова прикосновеніе, нѣжное, любовное.... Дальше, дальше—и наконецъ наши губы слились.

Я невольно вздрогнулъ и очнулся.

Что же это такое?... Я не сплю! И это не сонъ, не грезы!—Въ это самое мгновеніе женскія руки вскинулись на мои плечи, и вмѣстѣ съ поцѣлуемъ я почувствовалъ чьи-то крѣпкія, живыя объятія.

Широко раскрывъ глаза, я старался вглядѣться и разгадать себѣ: кто это и что это значитъ? Передо мною, совсѣмъ приникнувъ къ моей груди, стояла на колѣняхъ женщина.

Я оторвалъ отъ нея мои губы и сдѣлалъ движеніе чтобы отстраниться отъ этихъ объятій.

— Кто это?

— Милый... милый... Тсс!.. ни слова!.. Бога ради, тише! слышался мнѣ какой-то сдержанный, страстный шопотъ:—это я... я... Ты не узналъ меня?

— Пани Амелія... что вамъ угодно?

— Тише же, говорю!.. Молчи и лови минуту—она твоя!

И она снова приникла ко мнѣ со всѣмъ обаяніемъ нѣжной женской страсти.

Мой сюртукъ былъ разстегнутъ. Сколь ни горячи казались ея поцѣлуи и объятія, но... я замѣтилъ, какъ ея рука скользнула къ моему боковому карману. Тамъ лежали арестованныя бумаги. Я мигомъ понялъ настоящее значеніе и этихъ поцѣлуевъ, и этого послѣдняго свиданія. Быстро поднявшись съ мѣста, я остановилъ ея руку.

— Спаси старика... Спаси! Отдай мнѣ эти бумаги— я уничтожу ихъ! Что тебѣ это стоитъ!?. Спаси! лепетала она молящимъ шопотомъ, склоняясь къ моей груди и вся дрожа отъ волненія:—вѣдь ты же любилъ меня когда-

то... вѣдь мы были друзьями... Бери меня! дѣлай со мною что хочешь! Я—твоя раба, твоя собственность, твоя игрушка, но только отдай мнѣ эти бумаги!

Какое проклятое положеніе! Какую жестокую муку выносилъ я въ эту минуту!.. Спасти!.. Да; сердце говорило мнѣ: «спаси!»—но гдѣ мое право на это? Спасти старика во имя моего личнаго чувства, но какъ?—цѣной измѣны моему долгу, моей военной чести, наконецъ цѣной измѣны своему народу и его вѣковому народному дѣлу!— Послѣднее чувство пересилило! я съ болью въ душѣ задавилъ въ себѣ личный, эгоистическій голосъ сердца и холодно отказалъ ей.

Она гордо отстранилась отъ меня—и кинувъ мнѣ въ лицо взглядъ полный ненависти, молча вышла изъ комнаты.

***

Я не сразу успокоился и пришелъ въ себя, послѣ того какъ она удалилась изъ кабинета. Все происшедшее здѣсь за минуту, было слишкомъ неожиданно и странно, чтобы не взволновать меня до глубины души. Я долго ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, совершенно озадаченый и какъ бы подавленый всѣмъ этимъ обстоятельствомъ.

«Что это съ нею?» думалось мнѣ: «вспыхнувшія-ли искры былаго чувства, или одинъ только ловкій маневръ? Да; это маневръ, потому что—въ ту самую минуту, какъ

губы ея прикасались къ моимъ,—ея рука прокрадывалась къ моему карману. Но если маневръ, то какая же актриса! Какая мастерская, геніальная игра! Да; это задача: соединить въ своемъ непрошенномъ поцалуѣ столько огня, страсти и нѣги—и думать въ эти самыя мнговенья о томъ, какъ бы половче вытащить бумаги!

«Но вотъ что странно: отчего это до такой поразительной точности повторилось ощущеніе поцалуя, испытанняго мною пять лѣтъ назадъ? Или, можетъ, я поддался только самообману; можетъ, оно только такъ почудилось мнѣ оттого, что весь этотъ кабинетъ, вся обстановка эта почему-то вдругъ напомнили мнѣ ту обстановку, въ которой случилось нѣкогда и *оно*; можетъ, ничто иное какъ это самое обстоятельство сообщило совсѣмъ особое настроеніе моей мысли, навело на старыя, полузабытыя воспоминанія? можетъ, все оно только отъ этого?

— Можетъ быть!»

И я опять отдался моимъ воспоминаніямъ.

«Помните же, что вы сами сказали *довольно*... вы сдѣлали хорошо, сказавъ это себѣ и ей...»вспомнились мнѣ слова Юма, которыя въ то время остались для меня совсѣмъ непонятны. Да; съ такою странною, загадочной улыбкой, — въ ту минуту, какъ я готовъ былъ каяться, что сказалъ «довольно»,—онъ мнѣ возразилъ: а что, молъ, еслибы вмѣсто поцалуя вы почувствовали, какъ вокругъ ва-

шего горла вдругъ захлестнулась змѣя, обвила бы и стянула вамъ шею и стала-бы перебирать по ней своими холодными, склизкими кольцами?» О, это были, въ своемъ родѣ, пророческія слова! И не сейчасъ-ли только подтвердился ихъ загадочный смыслъ? Да; и точно, я сдѣлалъ хорошо, сказавъ себѣ и ей *довольно*! Вотъ она, эта змѣя, которая чуть было не захлестнулась вокругъ моей шеи! Вотъ оно это сладкое, обаятельное ощущеніе, за которымъ—поддайся лишь ему вполнѣ—навѣрное бы слѣдовало безчестіе, горькій срамъ и позоръ измѣны своему долгу, своему народному дѣлу,—и тогда изъ этого положенія еще самымъ лучшимъ, самымъ легкимъ и даже самымъ желаннымъ искупительнымъ выходомъ служила-бы веревка гицеля или двѣнадцать пуль, отправленныя въ мое тѣло! Но это была бы лишь ничтожная расплата за преступленіе; а вѣдь безчестье-то и позоръ остались-бы навѣки!

***

Мнѣ было душно. Я подошелъ къ раскрытой оконной форточкѣ. На дворѣ совсѣмъ ужь свечерѣло. Полная луна стояла надъ деревьями сада! Въ воздухѣ чуялся все тотъ-же бодрящій ночной холодокъ ранне-весенняго времени. Мнѣ захотѣлось пройтись по саду, чтобы вволю надышаться и освѣжить себя. «Заодно ужь повѣрить-бы свои посты, да и *наши* скоро подойти должны», поду-

малъ я и вышелъ въ садъ, черезъ дверь, которая прямо изъ кабинета вела на террасу. Вышелъ я тихо, такъ что едва-ли кто могъ бы замѣтить мое отсутствіе. Прямо передо мною шла въ глубину сада густая каштановая аллея. Лунный свѣтъ причудливою сѣткой падалъ на дорожку, сквозя между стволами и голыми прутьями деревьевъ. Ни шелеста вѣтра между вѣтвями, ни птичьяго вскрика, ни звука какого съ дальней окрестности не было слышно—глубокая тишина царила надъ спящимъ садомъ. Въ сторонѣ отъ каштановой аллеи, на расчищенной небольшой лужайкѣ стоялъ костелъ со своею готической башенкой. Съ правой стороны бѣлая стѣна его ярко освѣщалась луною. Картина была очень красивая.

Я свернулъ на лужайку и направился къ костелу. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть его поближе. Но идучи вдоль стѣны, вдругъ замѣтилъ я, что низенькая боковая дверца, ведущая въ сакристію, отперта и стоитъ полурастворенной. Это показалось мнѣ нѣсколько страннымъ, потому что давеча, когда осматривали костелъ, эта дверца оставалась замкнутой, а входили мы тогда черезъ главныя двери.

Я переступилъ порогъ и вошелъ въ сакристію. Оглядѣлся вокругъ—два небольшія окна пропускали достаточно луннаго свѣта, чтобы сквозь его слегка-туманный сумракъ видѣть всѣ предметы этой комнаты. На стѣнѣ висѣлъ черный процессіальный крестъ съ серебреннымъ

распятіемъ и темный портретъ «фундатора» этого костела; по другой стѣнѣ стоялъ старый дубовый шкафъ съ рѣзьбою, со множествомъ ящиковъ и створокъ, запиравшихъ меньшіе шкафчики, составлявшіе особыя отдѣленія большого. Одна изъ этихъ створокъ была раскрыта: обстоятельство тоже не безъ нѣкоторой странности, потому что давеча — я это хорошо помню — самъ ксендзъ собственноручно, при насъ, отпиралъ и запиралъ каждое отдѣленіе. «Кому-бы и зачѣмъ могло понадобиться идти сюда въ эту пору?»—Грѣшный человѣкъ, признаюсь: я подумалъ-было на кого либо изъ нашихъ казачковъ: «ужь не изъ нихъ ли, молъ, кто вздумалъ похозяйничать насчетъ костельнаго добра?»—Изъ сакристіи прошелъ я въ самый костелъ.

Тамъ стояла глубокая тишина.

Лунный свѣтъ фантастическими узорами падалъ на каменный помостъ сквозь разноцвѣтныя круглыя стекла готическихъ оконъ—и какъ-то таинственно наполнялъ внутренность храма все тѣмъ-же мягкимъ прозрачно-туманнымъ сумракомъ, въ которомъ слабо выдѣлялись статуи святыхъ, по бокамъ алтарей, и посерединѣ у скамеекъ—ряды хоругвей, неподвижно висѣвшихъ широкими складками на своихъ древкахъ.

Одни только хоры, гдѣ помѣщался органъ, оставались погруженными въ глубокій, непроницаемый мракъ.

Я внимательно оглядѣлся вокругъ себя—и вдругъ, шага на три въ сторону, у боковаго алтаря замѣтилъ что-то особенное, чернѣвшееся на полу.

Я подошелъ поближе и вглядѣлся: большой коверъ, покрывавшій помостъ передъ этимъ алтаремъ, былъ на половину отвернутъ съ одного края, прилегавшаго къ стѣнѣ,—и въ этомъ-то самомъ мѣстѣ чернѣлъ своею пастью открытый люкъ, который очевидно велъ куда-то въ глубь, въ какое-то подземелье.

«А, это—новость»! подумалось мнѣ: «давеча, приосмотрѣ коверъ лежалъ въ порядкѣ,на обычномъ своемъ мѣстѣ, а намъ было и не въ домекъ, что онъ прикрываетъ собою крышку люка какого-то. Это интересно — что тамъ такое? И кто, и зачѣмъ, для какой надобности открылъ его теперь, ночью»?

На минуту я остановился передъ этимъ люкомъ въ раздумьи; какъ быть и на что рѣшиться тотчасъ-же? Идти-ли за казаками? будить Савву Парменыча? — Но это отыметъ много времени, и когда мы снова придемъ сюда, почемъ знать, можетъ уже будетъ поздно: можетъ, чье-то таинственное посѣщеніе костельныхъ подземелій такъ и останется для насъ неразрѣшенною загадкой.

— Чего тутъ медлить! лучше самому! рѣшилъ я себѣ:—револьверъ мой въ карманѣ и—слава Богу—заряженъ всѣми шестью пулями: стало-быть— впередъ!

Я вынулъ изъ напрестольныхъ канделябръ восковую свѣчу, черкнулъ спичку и зажегъ фитиль.

Передо мной освѣтилась каменная лѣстница, спускавшаяся въ какой-то темный, сырой подвалъ. Деревянная крышка на петляхъ, поднятая и прислоненная теперь къ стѣнѣ, была пригнана такъ, что вплотную прикрывала собою спускъ—и оставаясь всегда подъ ковромъ, не могла быть замѣтна.

Заслоняя рукою свѣтъ отъ тяги сыраго и холоднаго воздуха, струя котораго стремилась изъ подземелья, я сталъ спускаться по неровнымъ каменнымъ ступенямъ, число которыхъ не превышало десяти или двѣнадцати.

Передо мной открылся фамильный склепъ графовъ Зымянтовскихъ. Нѣсколько черныхъ гробовъ стояло въ рядъ и у стѣнокъ; надъ нѣкоторыми изъ нихъ сохранились вдѣланныя въ стѣну мраморныя и мѣдныя доски, съ латинскими эпитафіями. Склепъ былъ небольшой съ низкими, но готическими сводами, опиравшимися на четыре колонны. Полъ выстланъ плитою. Все здѣсь такъ строго, мрачно, холодно, и вѣетъ нѣмымъ величіемъ и тишиною смерти.

Я оглядѣлся—и въ стѣнѣ, противуположной спуску, замѣтилъ низенькую, массивную дубовую дверь, окованную желѣзными скобами. Я легонько толкнулъ ее — не заперта.

«Значитъ, *тамъ*» подумалъ я себѣ — и переступилъ порогъ: небольшая площадка узенькаго корридора и снова каменная лѣстница, куда-то въ глубь, въ какую-то тьму непросвѣтную. Я спустился по ней ступеней пятнадцать, и тогда снова открылся передо мною корридоръ, узкій и не высокій, но совершенно достаточный для роста самаго высокаго человѣка. Постройка его обличала явную старину и, безъ сомнѣнія, принадлежала къ числу тѣхъ же магнатскихъ затѣй, какъ и самый замокъ.

Но едва я успѣлъ спуститься въ этотъ корридоръ, какъ вдругъ на противуположномъ концѣ его увидѣлъ мигающую звѣздочку свѣта. Насколько именно былъ длиненъ самый корридоръ—я не могъ судить, но свѣтъ въ концѣ его былъ слишкомъ ясенъ, чтобы оставалась какая-либо возможность ошибиться въ томъ, что это свѣтъ свѣчи.

Я на мгновенье пріостановился.—«Кто это тамъ—здѣшніе-ли обыватели, наши-ли враги, или наши казаки? Если враги, то моя свѣча—надо сознаться--вовсе не дурная цѣль для ихъ пистолетовъ; если казаки, то все-таки лучше загасить огонь, потому что онъ заранѣе даетъ имъ знакъ о чьемъ-то постороннемъ приближеніи и заставляетъ принимать свои мѣры предосторожности. Пятиться назадъ—похоже на трусость. Нѣтъ, я назадъ не попячусь, ни въ какомъ случаѣ не попячусь!..» да къ тому же я вѣдь и любопытенъ какъ нервная женщина, и это-

то любопытство сильнѣе всѣхъ остальныхъ аргументовъ подстрекало меня идти впередъ. Всѣ эти соображенія были дѣломъ одного мгновенья. Мигомъ загасилъ я свѣчу, но не бросилъ ее, а сунулъ въ карманъ, — спички со мною, стало быть, если бы понадобилось освѣщеніе, то оно явится тотчасъ же,—и послѣ этого, я, осторожною ступнею нащупывая себѣ дорогу, и придерживаясь за стѣнку рукою, сталъ подвигаться впередъ, къ свѣтящейся точкѣ.

Колеблющійся свѣтъ съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе сближался со мною. Я шелъ на цыпочкахъ, для того чтобы звукъ шаговъ моихъ не могъ-бы заранѣе подать вѣсть о моемъ приближеніи.

Наконецъ, я замѣчаю, что мигающее пламя свѣчи сблизилось со мною уже не болѣе какъ на двадцать шаговъ разстоянія.

Я остановился, прислонясь къ стѣнѣ. Опустивъ руку въ карманъ, гдѣ лежалъ мой револьверъ, я постарался придать своему слуху всю возможную чуткость.

Тотъ кто приближался ко мнѣ—былъ одинокъ; по крайней мѣрѣ, несмотря на все напряженіе моего уха, я не могъ различить звука никакихъ другихъ еще шаговъ, кромѣ легкаго шелеста чьей-то одиночной походки.

Сердце во мнѣ стукнуло легкой тревогой ожиданія какой-то невѣдомой встрѣчи.

Свѣтъ межь-тѣмъ приближался — вотъ уже онъ ме-

нѣе чѣмъ въ десяти шагахъ, такъ что я смутно могу различить какую-то темную фигуру.

Кто же бы это? мужчина?—но звукъ походки слишкомъ легокъ, слишкомъ такъ-сказать воздушенъ для мужскаго шага;—женщина?—но какую же женщину понесетъ сюда нелегкая въ эту пору, да и зачѣмъ? кчему? съ какою цѣлью? Мертвые ли предки графовъ Зымянтовскихъ совершаютъ тутъ свои ночныя прогулки?—но отъ послѣдней мысли я самъ не могъ не улыбнуться.

А между тѣмъ, то что приближалось ко мнѣ—казалось женщиной. Это былъ какой то блѣдный обликъ, покрытый темнымъ платкомъ—и весь абрисъ невѣдомой фигуры, съ каждомъ шагомъ ея, все болѣе обнаруживалъ длинныя, спускающіяся складки какого-то чорнаго покрова, который легче всего могъ бы быть принятъ за женское платье.

Вотъ она уже въ двухъ шагахъ отъ меня. Неровный свѣтъ скользитъ по лицу ея и налагаетъ на него такія рѣзкія, колеблющіяся тѣни, что рѣшительно не даетъ ни какой возможности ясно опредѣлить себѣ черты этого облика. Видно только, что это что-то блѣдное, покрытое чѣмъ-то темнымъ...

Я ступилъ шагъ впередъ и, совершенно неожиданно для нея, взялъ ее за ту самую руку, которая держала свѣчу.

Отвѣтомъ на это движеніе былъ легкій, замирающій крикъ испуга.

Крикъ былъ женскій.

Я вглядѣлся въ лицо и узналъ его.

— Пани Амелія!

Но она, какъ видно, не узнала моего голоса—и, вся дрожа, продолжала вглядываться въ меня широко-раскрытыми испуганными глазами. Наконецъ искра сознанія мелькнула въ ея взорѣ.

— Это вы?.. зачѣмъ вы здѣсь?... зачѣмъ? пролепетала она сильно-взволнованнымъ голосомъ, не сводя съ меня пораженнаго и въ тоже время пытливаго взгляда.

— Обо мнѣ чтó!.. Но зачѣмъ *вы* здѣсь, въ такомъ мѣстѣ, въ такую пору? проговорилъ я, стараясь и тономъ, и жестомъ, и взглядомъ какъ можно болѣе успокоить ее.

Она, какъ-бы пробуждаясь, провела по лицу рукою— и перемогая въ себѣ свое волненіе, засмѣялась мнѣ въ глаза одною только легкою улыбкой. Но чтó это за морозно-холодная, что за леденая улыбка мелькнула на губахъ ея!

— *Его* нѣтъ здѣсь болѣе.... Напрасно!.. не ищите! проговорила она, отрицательно качнувъ головою.

— Кого вы разумѣете? спросилъ я.

— Его! кого же болѣе?!. Того, кого вы искали! Полковникъ «Нóчь» уже на волѣ... и адъютантъ его тоже.

— Гдѣ-жь они были? неужели здѣсь?

— Здѣсь, съ самаго пріѣзда вашихъ казаковъ, холодно и даже съ какимъ-то вызывающимъ сарказмомъ надо мною улыбалась она.

— Но какъ же это? недоумѣло пожалъ я плечами.

— А! вамъ хочется знать?.. Что же, мнѣ все равно! Я, пожалуй, буду откровенна... потому что... да потому что теперь мнѣ всѐ равно! Онъ спасенъ уже!.. Видите ли, господинъ Черкутскій, я была на столько счастлива, что изъ окна моей комнаты увидѣла, какъ ваши казаки только что выѣзжали изъ лѣсу. Этого было довольно, чтобы понять въ чемъ дѣло... Въ тотъ же мигъ съ ними съ двумя я бросилась сюда—и спрятала ихъ. Я успѣла это кончить какъ разъ въ ту минуту, когда вы вошли въ домъ;—и когда ваши казаки обыскивали костелъ, тѣ уже сидѣли въ нашемъ склепѣ; а вы и не догадались, что подъ ковромъ есть люкъ... Вотъ вамъ и все!.. А теперь я ихъ выпустила! Хотите знать: какъ? засмѣялась она все тѣмъ же ледянымъ, уничтожающимъ смѣхомъ:—извольте, и это, пожалуй, могу сказать вамъ!

Она была сильно взволнована; неуспокоившіеся еще отъ недавняго испуга, глаза ея сыпали искры торжествующей ненависти и насмѣшки, и все лицо дышало какою-то восторженной экзальтаціей. Еслибъ она была въ нормальномъ, спокойномъ состояніи, то весьма вѣроятно, у нея съ перваго же мгновенья мелькнуло бы сознаніе, что ея

откровенность далеко уже переступаетъ достодолжные предѣлы; но теперь она какъ-бы бравировала передо-мною: въ ея взорѣ, въ ея улыбкѣ, въ ея голосѣ, во всей фигурѣ ея такъ явно сказывались вызовъ и торжествующая ненависть надъ врагомъ, который дался въ обманъ! Ей какъ будто хотѣлось вконецъ подавить, уничтожить меня—и ужь если нѣчѣмъ другимъ уничтожить, такъ хоть этою откровенностію!

— Видите вотъ это? продолжала она, вынувъ изъ кармана большой старинный ключъ:—онъ лежалъ въ ящикѣ, въ сакристіи, и вы даже сами видѣли его при обыскѣ; вашъ товарищъ—помните?—спросилъ даже, что это за ключъ, а ему сказали, что это отъ старой дзвонницы (*). Ну, вы всѣ и повѣрили! а это ключъ отъ подземнаго хода. Сколько лѣтъ ужь построенъ—и можетъ быть только теперь довелось ему впервые сослужить свою добрую, польскую службу. Видите ли, какъ все это ловко? снова засмѣялась она, не сводя съ меня своего взгляда:—теперь, какъ добрый москаль, вы можете меня арестовать, пытать, мучить, казнить—я не сморгну и глазомъ, и бровью не поведу, потому что онъ спасенъ,—понимаете ли, *спасенъ*! и мнѣ всё равно теперь, что бы ни случилось со мною!

---

*) Колокольни.

— Прежде всего успокойтесь: съ вами ничего особеннаго не случится, предварилъ я, сохраняя все возможное хладнокртвіе:—а *онъ* и безъ того, вѣроятно, будетъ пойманъ, не теперь, такъ послѣ: это рѣшительно все равно; но ужь разъ что я вошелъ сюда, мнѣ бы хотѣлось видѣть этотъ ходъ до конца—будьте такъ любезны, и какъ хозяйка, потрудитесь мнѣ показать его?

Она помедлила въ минутномъ колебаньи, но тотчасъ согласилась и повидимому весьма даже охотно.

Я снова засвѣтилъ мою свѣчу. Амелія и при этомъ улыбнулась.

— Видѣла одно мгновенье и свѣтъ вашъ, пояснила мнѣ она, въ отвѣтъ на мой вопросительный взглядъ:— но признаюсь, ни какъ не предпологала, что это вы... я думала, кто нибудь изъ домашнихъ.

Мы отправились. Корридоръ былъ узокъ настолько что идти двоимъ върядъ становилось затруднительно. Она предложила мнѣ идти впередъ,—я не нашелъ достаточной причины отказать ей; но на пути я затѣтилъ, что она видимо замедляетъ свой шагъ и какъ бы старается отстать отъ меня. Я не сказалъ ей объ этомъ, но зато и въ свою очередь въ первое мгновенье укоротилъ походку. Я шелъ на неизвѣстное—и кто-жь бы мнѣ поручился, что тутъ нѣтъ какой нибудь засады: но даже еслибы и допустить, что никакой засады нѣтъ, то во всякомъ случаѣ это яв-

ное отставанье могло бы хоть кому показаться нѣсколько подозрительнымъ: зачѣмъ она это дѣлаетъ? неужто съ съ одною только лукавой цѣлью вышутить меня, напустить на меня робость, насмѣяться надо мною своимъ стращаньемъ?

Одна возможность такого плана показалась уже мнѣ оскорбительной, и потому желая показать полное пренебреженіе къ какому бы то ни было застращиванью, я не обернулся болѣе назадъ ни разу и быстро пошелъ впередъ своею твердой и звучной походкой.

Черезъ минуту я достигъ конца этого корридора. Дубовая, низенькая дверка служила ему выходомъ. Она была замкнута.

Здѣсь только, дойдя уже до цѣли, я обернулся назадъ—и къ удивленію своему не нашелъ позади себя ни свѣта, ни пани Амеліи.

Коварная шутка надо мною все таки была съиграна! Но зачѣмъ? съ какою цѣлью?

Я замѣтилъ въ дубовой дверкѣ маленькое, круглое, сквозное отверстіе для пропуска свѣжаго воздуха—и заглянулъ въ него. Тихая звѣздная ночь, осеребренная лучами полной луны, царила надъ землею. Дверка эта выходила въ оврагъ, обильно поросшій кустарникомъ, —и было слышно, что по дну этого оврага звонко пробирается между камнями быстрая рѣчка.

Дѣлать здѣсь мнѣ болѣе было нечего, и я отправился обратно.

Въ склепѣ Амеліи не было.

Я поднялся по послѣдней лѣстницѣ, ведущей въ костелъ, и только здѣсь лишь увидѣлъ ее надъ самымъ люкомъ. Она стояла безъ свѣчи въ потьмахъ и держалась рукою за край крышки, держа ее на balансѣ, такъ что одно лишь небольшое движеніе—и крышка мгновенно захлопнулась бы надо мною.

Я между тѣмъ подымался по лѣстницѣ, ровнымъ неторопливымъ шагомъ, стараясь придать своей походкѣ возможно болѣе спокойствія.

— Пани Амелія, чѣмъ можно объяснить ваше внезапное исчезновеніе? спросилъ я ее самымъ простымъ, обыкновеннымъ тономъ.

Она ласково взяла меня за руку и въ этомъ ласковомъ, но увы!... притворномъ движеніи сказалась вся коварно-обаятельная, исполненная могуществомъ обольщенія, душа женщины, душа истой польки.

— Другъ мой... *старый* другъ мой! сердечно заговорила она, встрѣчая мои слова своею прелестною улыбкой:— я сейчасъ вотъ могла бы захлопнуть надъ вами эту крышку—и ни одинъ изъ москалей никогда не узналъ бы, гдѣ вы и что съ вами... Если бы это такъ случилось, наши бумаги остались бы въ склепѣ и мы были бы спасены;

но... я этого не сдѣлала... и потому отдайте мнѣ ихъ просто!

Теперь уже пришелъ мой чередъ улыбнуться ей тою самой улыбкой, какую я встрѣтилъ на ея губахъ тамъ въ подземельи.

— Увы, прекрасная моя пани!.. вамъ остается теперь только пожалѣть, что вы дѣйствительно не захлопнули надо мною эти доски! вѣжливо пожалъ я плечами—и вмѣстѣ съ этимъ принялъ изъ ея руки крышку и спокойно опустилъ ее надъ люкомъ.

*
* *

Я еще доканчивалъ мою работу, то-есть поправлялъ коверъ и опять вставлялъ въ канделябръ взятую мною свѣчу, когда Амелія вышла уже изъ костела. Вернувшись домой, я засталъ Савву Парменыча на крыльцѣ. Онъ выслушивалъ какое-то донесеніе урядника.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я.

— А вотъ-съ, наши подходятъ: разъѣзды повстрѣчались! значитъ, сейчасъ прибудутъ! Ну-съ и поздравить можно съ счастливой экспедиціей: банда захвачена-съ и въ лоскъ разбита! съ довольнымъ видомъ, похлестывая слегка по ступенькамъ нагайкой, сообщилъ Савва Парменычъ.

И дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ отрядъ вступалъ уже во дворъ Ильяшевскаго фольварка.

*
* *

Отрядный начальникъ, въ освѣщенной двумя лампами залѣ, принималъ отъ насъ отчетъ о нашемъ порученіи. Одну группу, окружавшую его, составляли офицеры отряда, а въ другой стояли: старый графъ съ племянницей, капелланъ съ экономомъ и нѣсколько человѣкъ домашней прислуги.

— А какъ же, господа, Ночь-то, Ночь? неужто же онъ такъ и ускользнетъ отъ насъ? говорилъ полковникъ.

Я взглянулъ на Амелію и встрѣтился съ ея взглядомъ. И что это былъ за взглядъ! нѣмой, неподвижный, но какой выразительный! Какой понятный для меня — и только для одного меня изъ всѣхъ присутствующихъ!

«Ну, выдашь меня, или не выдашь ты, старый другъ, нѣкогда-столь влюбленный въ меня?» говорилъ мнѣ этотъ вызывающій взглядъ—я потупилъ глаза и ограничился въ своемъ донесеніи отрядному начальнику одною лишь офиціальною стороною дѣла, что довудца, молъ, Ночь, при самомъ тщательномъ обыскѣ всего фольварка, нигдѣ не найденъ; хотя такой, напримѣръ, признакъ, какъ два прибора за столомъ, легко могъ указывать если не на его присутствіе въ этомъ домѣ, то на возможность ожиданія его,—однако же, несмотря на самые бдительные разъѣзды и ведеты, ни Ночь, ни адъютантъ его ни откуда въ виду не показывались.

Кончивъ свое донесеніе, я невольно поднялъ глаза

на Амелію. Она была блѣдна—и стояла закусивъ губу и какъ бы видимо колеблясь внутренно между мучительнымъ страхомъ и робкою надеждой; но когда я кончилъ и взглянулъ на нее—въ ея взорѣ мелькнулъ свѣтлый лучъ безпредѣльной благодарности. Старый графъ съ племянницей, ксендзомъ и экономомъ, при эскортѣ казаковъ, въ ту же ночь были отправлены въ ближайшую военно-слѣдственную коммиссію; а отрядъ нашъ, переночевавъ на мѣстѣ, поутру отправился на новые поиски.

Прошло три года. Въ зиму 1866 года на масляной былъ маскарадъ ва залахъ Большаго Варшавскаго театра. Я толкался между черными фраками и пестрыми масками по всѣмъ заламъ—и уже намѣревался-было ѣхать домой, отъ невыносимой скуки, какъ вдругъ мою руку взяла—необыкновенно изящно и со строгимъ вкусомъ одѣтая маска.

Я никакъ не ожидалъ такого пассажа и потому оглядѣлъ ее съ чувствомъ самаго непритворнаго удивленія.

— Старый другъ! раздался изъ-подъ черныхъ кружевъ ея голосъ, почему-то показавшійся мнѣ гдѣ-то и когда-то знакомымъ:—я очень рада, что встрѣтилась съ тобою.... я должна еще поблагодарить тебя.

И она съ чувствомъ, горячо и крѣпко пожала мою руку.

— За что? спросилъ я.

— Постарайся догадаться.

— Не мастеръ отгадывать загадки.

— Однако?

— Безъ всякихъ «однако».

— А въ женскія душки ты больше не влюбляешься?

По мнѣ словно искра какая-то пробѣжала. Я узналъ теперь этотъ голосъ и догадался, *кто* говоритъ со мною.

— Я былъ влюбленъ только въ одну.... въ ту, которая теперь передо мною.

Она вдругъ засмѣялась этимъ, столь хорошо знакомымъ и памятнымъ мнѣ, искристо-веселымъ смѣхомъ.

— Но за что же ты благодаришь меня? спросилъ я.

— За *Ночь*, лаконически отвѣчала она.

— Я слышалъ, что онъ вскорѣ послѣ того былъ убитъ въ какой-то стычкѣ—ты знаешь это?

— Знаю! утвердительно и даже съ какимъ-то гордымъ достоинствомъ кивнула она головою:—онъ хорошо кончилъ.... да онъ и не могъ кончить иначе.

— Послушай.... одинъ вопросъ!...

— Чего ты хочешь?—спрашивай!

— Ты любила его?

Она помедлила и шла рядомъ со мною, низко потупивъ голову.

— На этотъ вопросъ я отвѣчать не буду, едва разслышалъ я ея тихій и какъ-будто трепещущій шопотъ.

Послѣ такого отвѣта я уже не рѣшался продолжать на эту тему, тѣмъ болѣе что и самый отвѣтъ, при всей своей уклончивости, былъ слишкомъ ясенъ, чтобы не понять истиннаго его смысла.

— Скажи мнѣ, началъ я снова:—могу я теперь по-старому иногда бывать у тебя? Ты мнѣ позволишь это?

— Нѣтъ, не позволю! было ея рѣшительнымъ отвѣтомъ:—времена, милый мой, слишкомъ уже измѣнились.

— Но... могу ли я, по крайней мѣрѣ, узнавать тебя?

Она подумала съ минуту.

— Да, при встрѣчѣ ты можешь кланяться.

И съ этими словами освободивъ мою руку, она быстро изчезла въ густой и пестрой толпѣ.

И вотъ, съ тѣхъ поръ она даритъ меня при каждой встрѣчѣ своими сдержанными кивками; но иногда, не смотря на безмолвно-холодный поклонъ, я читаю въ ея глазахъ что-то хорошее, задушевное,—быть-можетъ, это мимолетная тѣнь воспоминаній о прошломъ.

КОНЕЦЪ.

НА ВОСТОКЪ.

СОЛЬГОРОДЪ.

I.

Нѣсколько благихъ совѣтовъ и необходимыхъ предостереженій будущимъ туристамъ.

Отличное дѣло—путешествіе по Россіи; только у насъ пока дѣло это, можно сказать, совсѣмъ еще новое: большинство провинціальнаго люда вовсе непривыкло видѣть простыхъ туристовъ по нашимъ градамъ, весямъ и дебрямъ. Вслѣдствіе такой непривычки, дѣло, само по себѣ отличное, становится иногда для туриста весьма затруднительнымъ. Самый способъ передвиженія, если вы изберете путь по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ пароходнымъ сообщеніямъ, будетъ для васъ весьма легокъ, дешевъ и удобенъ. Но такъ-какъ пространство нашихъ уже открытыхъ желѣзныхъ дорогъ, относительно, весьма еще невелико, то легкость и удобство передвиженія, зависящія отъ водяныхъ сообщеній, ограничиваются только лѣтнимъ временемъ. О нашихъ почтовыхъ и проселочныхъ дорогахъ я ужь и не говорю: едвали во всемъ цивилизованномъ подлунномъ мірѣ найдется что либо хуже и непривлекательнѣе.

Стоитъ вамъ остановиться въ любомъ почти губернскомъ городѣ, для того чтобы самымъ ощутительнымъ образомъ почувствовать всю мѣру неудобства путешествій по русской землѣ. Не говорю уже хорошая, но маломальски сносная, порядочная гостинница является рѣдкимъ исключеніемъ. Вы принуждены останавливаться по большей части чуть ли не въ трущобѣ, исполненной всякой грязи, пыли, затхлости, клоповъ, и за это удовольствіе, за комнату пространствомъ въ двѣ квадратныя сажени, съ васъ дерутъ рубль въ сутки; да это еще слава-богу, если только рубль—дерутъ, коли вздумается, и по́ два. При такихъ условіяхъ, вы считаете себя въ правѣ разсчитывалъ на мягкую удобную постель, на чистое постельное бѣлье—разочаруйтесь: ни того, ни другаго и въ глаза увидѣть не придется. Кровать-то еще, пожалуй, есть; иногда даже содержатель гостиницы ущедряется настолько, что допускаетъ валяться на ней тощему тюфячишкѣ; но о подушкахъ, наволочкахъ, простыняхъ и объ одѣялѣ нечего и думать: ничего подобнаго искони здѣсь не бывало, да и не полагается. Вы, понятное дѣло, изъявляете притязаніе, чтобы въ вашей комнатѣ явилось и то и другое, какъ ея необходимая принадлежность.

— Извините-съ, господинъ, отвѣтитъ вамъ на это прислуга:—у насъ гостиница какъ есть хорошая, и нумера при ёй, и все продчіе, а только ефтого насчетъ че-

го вы спрашивать изволите—не полагается... кровать точно что полагается, только безо всего-съ; а что касаемое бѣлья да подушекъ, такъ это каждый долженъ съ собой привозить.

— И у васъ никто изъ проѣзжающихъ не спрашиваетъ?

— Какъ не спрашивать! Очинно спрашиваютъ, а только у насъ, значитъ, такого положенія и въ заведеніи нѣтъ.

И вотъ—хочешь, не хочешь, приходиться хлопотать, чтобы хоть напрокатъ достать себѣ постельнаго бѣлья, черезъ того же нумернаго человѣка. Да не думайте чтобы подобный казусъ случился гдѣ-нибудь въ захолустьи, въ родѣ Чернаго-Яра или Хвалынска; нѣтъ, васъ ожидаетъ этотъ сюрпризъ ни болѣе ни менѣе, какъ въ Симбирскѣ или Саратовѣ, а въ послѣднемъ городѣ даже въ одной изъ лучшихъ гостиницъ, спеціально предназначенной для пріѣзжающихъ. Извольте путешествовать съ грузомъ подушекъ и тюфяковъ, тогда какъ бóльшая часть нашей братьи туристовъ запасаются въ дорогу однимъ только чемоданомъ или даже сак-вояжемъ!

Слово «туристъ», «путешественникъ», даже какъ-то странно и дико звучитъ въ ушахъ коренного русака-провинціала. Поневолѣ вспомнишь необыкновенно мѣткое и характеристичное выраженіе графа Сологуба: «какіе, молъ, тутъ путешественники! просто-напросто русскіе помѣщики, ѣдемъ себѣ въ Мордасы!» Вы мнѣ возразите, по-

жалуй, что графъ Сологубъ сказалъ это устами одного изъ своихъ героевъ болѣе четверти столѣтія тому назадъ, а теперь, молъ, то-есть «въ настоящее время, когда и проч.» О, мой добрый столичный читатель! повѣрьте, что разница двадцати-пяти годовъ существуетъ только для васъ, петербургскаго, или московскаго жителя, и то потому что вы ужь больно привыкли слышать, думать и повторять знаменитую фразу «въ настоящее время, когда и т. д.», а въ благословенной провинціи разница эта замѣтна гораздо менѣе; если же и замѣтна, то лишь въ томъ, что большинство кряхтитъ, будто прежде лучше было, а теперь какъ будто похуже стало. Вотъ и вся разница. Что же касается до путешествій по русской землѣ, то въ этомъ отношеніи большинство понимаетъ ихъ не иначе, какъ подъ условіемъ помѣщиковъ, не путешествующихъ, а просто ѣдущихъ-себѣ въ Мордасы.

Поговоримъ еще немного объ удобствахъ остановокъ въ русскихъ провинціальныхъ гостиницахъ. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, наравнѣ съ удобной, безхлопотной постелью, является существенный вопросъ о пищѣ. Москва пріучила русскаго человѣка къ жирному, лакомому куску. Въ Москвѣ нужно не ѣсть, а жрать. Подадутъ вамъ у Гурина или въ Новотроицкомъ порцію чего бы то ни было, и этой одной порціи вдосталь хватитъ на трехъ, если даже не на четырехъ человѣкъ. Цѣну

возьмутъ за нее крупную, но сравнительно съ величиною порцій весьма и весьма умѣренную. Замосковные города, начиная съ Владиміра и продолжая Нижнимъ, и далѣе, усвоили себѣ цѣны московскія, да даже въ иныхъ мѣстахъ и покрупнѣе московскихъ, а величину порцій черезчуръ ужь нѣмецки-петербургскую. Достаточно будетъ, если я вамъ скажу, что напримѣръ въ Нижнемъ, который, какъ вы знаете, стоитъ при сліяніи двухъ великихъ и рыбородныхъ рѣкъ земли русской, тарелка стерляжьей ухи, или разварная стерлядка въ четыре вершка величиною стоитъ рубль серебромъ. И это, такъ-сказать, на мѣстѣ рожденія и улова стерлядей, тогда какъ въ Петербургѣ, куда ихъ везутъ по чугункѣ, цѣна за тѣ же самыя кушанья колеблется отъ 75-ти копѣекъ до полутора рубля. Начиная съ Владиміра вы почти не найдете по трактирнымъ карточкамъ ни одного, самаго обыденнаго, простаго кушанья, цѣна которому полагалась бы менѣе 40 копѣекъ. Начинаясь, почти всѣ, безъ исключенія, отъ этой цифры, цѣны восходятъ до рубля, до рубля-пятидесяти и даже болѣе. Хоть бы Дюссо съ Дономомъ, такъ и то бы черезчуръ ужь высоко было! И опять-таки, если сообразно этимъ цѣнамъ, вы польстите себя надеждою получить нѣчто, отмѣннымъ образомъ, искусно приготовленное, то жестоко ошибетесь: исключая единственнаго въ своемъ родѣ Никиты Егорова, въ Ни-

жнемъ, у котораго дѣйствительно великолѣпный поваръ, вы вездѣ и повсюду рискуете получить такую трактирную архи-мерзость, надъ которою иногда ненашутку призадумаешься, можно ли ее безопасно попробовать. Затхлость, грязь и тараканы съ мухами въ приправѣ. Дерутъ и нѣмцы, дерутъ и русскіе. И тѣ, и другіе смотрятъ на проѣзжаго квартиранта, какъ на свою законную, неотъемлемую добычу, вещь, созданную для того, чтобы обдирать ее возможно бо́льшимъ и безсовѣстнымъ образомъ. Наглость и беззастѣнчивость этихъ обираній доходитъ иногда до своего рода вдохновенія, до поэзіи. Такъ напримѣръ, въ одномъ городѣ схватилъ я горловую простуду. Докторъ прописалъ мнѣ какія-то кисленькія капли, для пріема которыхъ каждый разъ требовалась рюмка. И за каждый пріемъ, по шести разъ на̀ день, когда мнѣ подавали требуемую рюмку, обстоятельство это аккуратнѣйшимъ образомъ вносилось въ буфетную книгу. Потребовавъ при отъѣздѣ счетъ, я былъ немало изумленъ тѣмъ, что за рюмки съ меня надлежало взыскать три рубля съ копейками.

— Помилуйте! да за что же это? не могъ я воздержаться отъ самаго искренняго восклицанія, порожденнаго великимъ изумленіемъ.

— За рюмки-съ, отвѣчалъ невозмутимый слуга.

— Вижу, что за рюмки; но какимъ же это образомъ?

— Каждый разъ за рюмку по пяти копѣекъ-съ. У насъ рюмка идетъ за счетъ прибора, а приборъ отдѣльно платится по пятачку-съ, а намъ это всё-единственно, спросите ли вы одну рюмку, одну ложку, али цѣльный приборъ—цѣна все одна-съ выходитъ.

Вотъ вамъ маленькій, но—надѣюсь—весьма характерный образчикъ всероссійской трактирной наглости.

Но всѣ исчисленныя мною неудобства, хотя и весьма чувствительныя, относятся къ комфортабельности русскихъ путешествій, то-есть принадлежатъ къ числу неудобствъ мелкихъ, меркантильныхъ. Есть неудобства покрупнѣе и гораздо почувствительнѣе—неудобства уже чисто нравственныя.

Начнемъ съ того, что большинство нашего кореннаго провинціальнаго люда, за весьма незначительными исключеніями, положительно въ толкъ себѣ не можетъ взять, какъ, и за чѣмъ, и для чего это люди путешествуютъ по матушкѣ Россіи. Тутъ смотрятъ на это дѣло исключительно почти съ точки зрѣнія сологубовскаго героя, то-есть, подразумѣвая въ туристѣ русскаго помѣщика, ѣдущаго въ тарантасѣ, по своей надобности, въ Мордасы. Понимаютъ, напримѣръ, очень хорошо поѣздку офиціальнаго ревизора, слѣдователя, чиновника по особымъ порученіямъ, поѣздку помѣщика, комисіонера, купца на ярмарку, но ни кто почти не понимаетъ поѣздки просто

такъ-себѣ туриста, путешественника. Вездѣ и во всемъ имъ нужна ближайшая, непосредственная, конечная и, главное, осязательно-существенная цѣль, безъ которой дѣло становится для нихъ темно-таинственнымъ, непонятнымъ, подозрительнымъ и даже пугаетъ ихъ.

Ѣдетъ, напримѣръ, странствующій фотографъ, или художникъ со своими картонами и дорожнымъ альбомомъ, останавливается, гдѣ ему вздумается, живетъ себѣ нѣкоторое время, бродитъ по окрестностямъ, снимаетъ разные виды—провинціальный обитатель начинаетъ не на шутку тревожиться: что́, молъ, это за личность? да зачѣмъ онъ поѣхалъ? да что́ ему здѣсь видѣть? на что, молъ, тутъ и смотрѣть то! что́ тутъ можетъ быть хорошаго, или назидательнаго? и наконецъ глубокомысленно рѣшаетъ, что это, молъ, не спроста, дѣло должно быть неладное! Какъ только онъ рѣшилъ себѣ это — кончено! Тутъ уже дождемъ сыплятся самыя невѣроятныя предположенія, въ видѣ неоспоримо доказанныхъ истинъ, изъ которыхъ самая обыкновенная та, что это, молъ, не просто художникъ, или фотографъ, а тайный агентъ Наполеона III или Англіи, подкупленный и подосланный сюда затѣмъ, чтобы снять виды и планы для высшихъ политическихъ и стратегическихъ соображеній, смыслъ которыхъ непремѣнно долженъ быть весьма опасенъ для мира и благоденственнаго процвѣтанія нашего всюлюбезнаго отечества. Иног-

да случается, что вслѣдствіе такихъ глубокомысленныхъ соображеній, предусмотрительно-бдительная административная власть несчастнаго художника и на цугундеръ потянетъ, и во всякомъ случаѣ уже позаботится приставить за нимъ какого-нибудь тайнаго наблюдателя, изъ своихъ подручныхъ, чтобы о всѣхъ малѣйшихъ его дѣйствіяхъ и поступкахъ немедленно было доносимо.

Наши почтенныя газеты въ недавнее время очень негодовали на то, что бдительныя австрійскія власти, въ каждомъ русскомъ путешественникѣ видятъ непремѣнно тайнаго русскаго эмиссара съ «москéвськими рýблями» и съ «москѐвськой пропагандой». Наши же домашнія и неменѣе бдительныя россійскія власти чуть не въ каждомъ *русскомъ* туристѣ въ свою очередь усматриваютъ австрійскаго или, главнѣйшимъ образомъ, французскаго эмиссара. Но мы объ этомъ молчимъ, ибо не знаемъ. А не знаемъ мы потому, что хотя бдительныя власти и сообщаютъ свои глубокомудрыя соображенія высшей своей губернской власти, но эта власть, по большей части отличаясь въ въ данномъ случаѣ несравненно меньшимъ глубокомыслiемъ, не даетъ означеннымъ соображеніямъ дальнѣйшаго хода, не желая вконецъ уже компрометировать своихъ подчиненныхъ, хотя и похваляетъ ихъ подъ рукою за усердное рвеніе къ долгу службы.

И вотъ, изъ того, что наше провинціальное большин-

ство рѣшительно не можетъ понять, какъ и зачѣмъ это люди рѣшаются ѣхать въ наши дебри и веси, только ради одного путешествія, безъ всякой задней цѣли и мысли, проистекаетъ то, что въ одномъ губернскомъ городѣ васъ принимаютъ за французскаго эмиссара, въ другомъ за русскаго шпіона, въ третьемъ за распространителя революціонныхъ прокламацій и золотыхъ граматъ, въ четвертомъ за дѣлателя фальшивой монеты и переводчика фальшивыхъ депозитокъ. Такія разнообразныя роли, которыя въ разныхъ городахъ люди навязываютъ одной и той же личности, находятся въ прямой зависимости отъ временныхъ, мѣстныхъ условій того или другого города. Если городъ отличается своимъ патріотическимъ настроеніемъ, тамъ вы скорѣе всего рискуете быть принятымъ за французскаго эмиссара, или (что̀ еще въ бо̀льшей модѣ) за распространителя прокламацій и золотыхъ граматъ, а пожалуй, и за поджигателя. Въ другомъ городѣ фальшивыя депозитки по рукамъ гуляютъ— кончено: на васъ падаетъ административное подозрѣніе, ужъ не вы ли и есть переводчикъ запретнаго товара. Въ третьемъ же, напримѣръ, разныя власти, господствія и силы чувствуютъ, что у нихъ рыльца больно тово, что называется, въ соблазнительномъ пуху, за который нынче, случается иногда, и по шапкѣ накладутъ, и подъ судъ подведутъ. Тутъ изъ васъ непремѣнно сами же господ-

ствія и силы создадутъ правительственнаго шпіона, присланнаго затѣмъ, чтобы поразузнать про всѣ ихъ пакости и воровскія дѣлишки. Переполохъ пойдетъ въ городѣ страшнѣйшій, и не у одного губернскаго туза шибко и смутительно ёкнетъ сердчишко, при слухѣ о скромномъ туристѣ. У насъ въ провинціи и до сихъ поръ все еще играетъ въ полной силѣ свою великую роль это гоголевское «инкогнито проклятое», и — охъ-какъ побаиваются его разные современные намъ Тяпкины-Ляпкины, Земляники и Сквозники-Дмухановскіе!

Хотя ваше нравственное чувство и будетъ коробить отъ такой милой роли, какую вамъ постараются приписать Сквозники да Ляпкины, однако же поблагодарите еще Бога, если изъ васъ сдѣлаютъ шпіона, а не агитатора: въ послѣднемъ случаѣ могутъ произойти для васъ хотя и кратковременныя, тѣмъ не менѣе серьёзныя неппріятности; въ первомъ же вы рискуете только volens-nolens, разыграть роль достолюбезнѣйшаго Ивана Александровича Хлестакова, нужды нѣтъ, что со времени появленія его на свѣтъ божій изъ-подъ пера Гоголя прошло уже почти сорокъ лѣтъ и что въ эти сорокъ лѣтъ русское общество, какъ говорятъ, будто бы быстро изволило шествовать по пути прогреса, просвѣщенія и всевозможныхъ гражданственныхъ преуспѣяній и добродѣтелей.

Я по той лишь причинѣ распространяюсь столь много на этотъ счетъ и рѣшаюсь преподать нѣсколько благихъ, почерпнутыхъ изъ опыта совѣтовъ будущимъ русскимъ туристамъ, что убѣжденъ и знаю изъ неоднократно уже повторявшихся фактовъ что каждому почти вольному, въ европейскомъ смыслѣ, туристу непремѣнно грозитъ въ какомъ нибудь изъ отечественныхъ захолустій приписка одной изъ трехъ названныхъ и весьма обыденныхъ ролей, если только этотъ туристъ не ревизоръ, не купецъ, не чиновникъ по особымъ порученіямъ, однимъ словомъ, если онъ не русскій помѣщикъ, ѣдущій въ тарантасѣ, по собственнымъ надобностямъ, въ Мордасы. Тѣ немногіе, но вполнѣ отважные путешественники по русской землѣ, такъ-сказать Левингстоны нашихъ всероссійскихъ трущобъ и захолустій, которымъ удалось предупредить меня въ подобныхъ странствіяхъ, я увѣренъ могутъ въ большинствѣ случаевъ подтвердить мои слова и признать всю благость и необходимость моихъ добрыхъ совѣтовъ.

Роль шпіона самая легкая и самая благодарная изъ всѣхъ трехъ ролей, какія могутъ быть вамъ приписаны. Она, положимъ, съ непривычки будетъ сильно драть и коробить всѣ лучшія стороны вашего нравственнаго чувства; но потомъ, когда вы приглядитесь къ господамъ, нарядившимъ васъ въ такой костюмъ, васъ будетъ про-

нимать неудержимый хохотъ—хохотъ зрителя знаменитой гоголевской комедіи.

Начать съ того, что за весьма немногими и даже ничтожными исключеніями, здѣшніе мозги такъ устроены и нравственное чувство въ такой степени развито, что рѣшительно никто (кромѣ помянутыхъ исключеній) не находитъ въ ремеслѣ шпіона ничего безнравственнаго, позорнаго и оскорбительнаго: напротивъ, у насъ пока еще оно считается дѣломъ очень хорошимъ, почтеннымъ, прибыльнымъ и пользуется въ общественномъ провинціальномъ мнѣніи большимъ почетомъ и уваженіемъ. Поэтому здѣсь каждый, кто только можетъ и чувствуетъ въ себѣ хотя малѣйшія способности, стремится заявить себя на этомъ достойномъ поприщѣ, и подвизается на немъ по большей части не безъ успѣха. Самая жизнь провинціальная слагается такъ, что содѣйствуетъ развитію этой способности. Самая скука и великая безсодержательность городской провинціальной жизни поддерживаютъ эту способность, равно принадлежащую и прекрасному, и непрекрасному полу. Чтó такое, напримѣръ, весь невообразимо глубокій и широкій міръ провинціальной, городской сплетни — спетни, зорко слѣдящей за каждымъ сосѣдомъ, отъ прорѣхи на его нижнемъ бѣльѣ, отъ супа, готовящагося нынче къ его обѣду, до сокровеннѣйшихъ его намѣреній и помысловъ—чтó такое все это, спрашиваю я, какъ

не то же шпіонство, какъ не та же, неодолимая потребность въ немъ, возведенная въ своеобразный перлъ созданія?

Говорю смѣло, основываясь на слишкомъ достаточныхъ и многократныхъ наблюденіяхъ, что въ тѣхъ городахъ, какъ напримѣръ въ пресловутомъ Сольгородѣ, получившемъ недавно такую широкую знаменитость въ извѣстномъ отношеніи, гдѣ разные Сквозники и Земляники сами чувствуютъ, что рыльце черезчуръ уже пухомъ одѣто, шпіонство въ большомъ почетѣ. Здѣсь испоконъ вѣка перебывало, и теперь еще пребываетъ множество наѣзжихъ ревизоровъ, чиновниковъ изъ министерствъ и слѣдственныхъ комисій, по дѣламъ административнаго и иного воровства самыхъ грандіозныхъ и патріархально-безцеремонныхъ размѣровъ. Здѣсь сильно побаиваются каждаго новаго, свѣжаго человѣка, и прежде всего страются, во что бы то ни стало, пронюхать относительно его, не слѣдователь, не ревизоръ ли это наѣхалъ? «Инкогнито проклятое» страшитъ тутъ пуще всего и повергаетъ извѣстную часть должностного міра въ нѣкоторое смятеніе. Впрочемъ, народъ здѣсь все дошлый, привычный, видавшій виды на своемъ вѣку и пропущенный сквозь огнь и воду и мѣдныя трубы. Народъ этотъ хоть и знаетъ, что съ помощью своей геніальной дошлости, онъ и уцѣлѣетъ здравъ и невредимъ подъ своими злачными и прохладными смоковни-

цами, но все же какъ-то тово... непріятно, знаете, отчасти сознаніе, что вотъ паки и паки ревизоръ наѣхалъ, чортъ его знаетъ еще что́ за человѣкъ, а буде еще при этомъ и «инкогнито проклятое», прицѣпилось, то дня два безъ особеннаго апетита за столъ сядешь. Это немножко непріятное сознаніе отчасти мѣшаетъ прекрасною природой наслаждаться, предаваться своему безмятежному кейфу и безкорыстно сознавать въ себѣ счастливаго отца семейства и благороднаго, почтенаго гражданина, благонамѣреннаго сына отечества, да все же и пушокъ-то вокругъ рыльца, хотя бы для однаго приличія, приходится пообтереть немножко. Здѣсь шпіонства боятся, а потому весьма чтутъ и уважаютъ его. Вслѣдствіе такого обстоятельства, и человѣкъ, на котораго, по глубокимъ соображеніямъ Сквозниковъ, падаетъ хотя мало-мальское подозрѣніе въ какомъ бы то ни было шпіонствѣ, пользуется у нихъ большимъ уваженіемъ и внушаетъ нѣкоторый почтительный страхъ своею особою. Передъ нимъ лебезятъ на заднихъ лапкахъ, приглашаютъ его на свои обѣды, ему наипріятнѣйшимъ образомъ улыбаются и изподтишка наушничаютъ другъ на друга, потому что какъ же такъ возможно упустить благопріятный случай подставить ближнему своему подножку?

И потому-то что всѣ очень хорошо знаютъ другъ за другомъ такое милое качество, сердца ихъ преиспол-

няются нѣкоторой тошнящей тревоги. Василій Евграфовичъ, напримѣръ, хотя закадычный благопріятель съ Павломъ Васильевичемъ, а Павелъ Васильевичъ чуть не амикошонъ съ Васильемъ Евграфовичемъ, который является въ нѣкоторомъ родѣ великой особой сольгородскаго міра, и хотя они дружески осклабляются при встрѣчѣ, жмутъ другъ другу руки съ горячностію Кастора и Полукса, хотя на офиціальныхъ кормленіяхъ звѣрей, послѣ нѣсколькихъ бокаловъ, и заявляютъ они одинъ другому свои теплыя чувствованія, и хотя каждый вечеръ въ дворянскомъ, сирѣчь «благородномъ» клубѣ въ стуколку и рамсъ играютъ, тѣмъ не менѣе, Павелъ Васильевичъ не убѣжденъ, что Василій Евграфовичъ не продастъ его нри случаѣ, а Василій Евграфовичъ, въ свою очередь, не можетъ поручиться, чтобы и Павелъ Васильевичъ, въ одинъ прекрасный день, не оказался противу него Іудой Искаріотомъ. Изъ этого проистекаетъ то́, что при смущающемъ проѣздѣ какого-нибудь новаго, свѣжаго человѣка, Павелъ Васильевичъ, у котораго рыльце въ страшномъ пуху, и даже кровью припахиваетъ, начинаетъ побаиваться, какъ бы не вымелось сору за порогъ сольгородской избы, благодаря какому-нибудь благопріятелю. Въ этомъ настроеніи, онъ обрѣтаетъ весьма остроумное средство, а именно: начинаетъ распространять вездѣ и повсюду, и преимущественно между тѣми, кого онъ имѣетъ основа-

ніе считать за своихъ лобызающихся искаріотовъ, что вотъ, молъ, господа, получилъ я вчера изъ Петербурга отъ вѣрнаго и вліятельнаго человѣка наивѣрнѣйшія свѣдѣнія, что такой-то N. N., проживающій проѣздомъ въ нашемъ Сольгородѣ—«инкогнито проклятое», тайный правительственный агентъ, присланный къ намъ нарочно, чтобы разузнать вообще настроеніе умовъ (здѣсь Павелъ Васильевичъ, очевидно отдаетъ дань современнымъ требованіямъ) и кое-что поразвѣдать о нашихъ грѣшныхъ дѣлишкахъ; такъ вы, господа, смотрите, тово... будьте съ нимъ поосторожнѣе... Лучше держаться подальше — цѣлѣе будете, да и онъ-то какъ увидитъ, что мы себѣ на умѣ, ничего не добьется и поскорѣе отъ насъ уѣдетъ. Это сообщеніе отца и благодѣтеля принимается съ почтительной благодарностью, причемъ Павелъ Васильевичъ не преминетъ намекнуть и на то, чтобы благопріятели не больно-то на его счетъ чесали свои язычки передъ новопріѣзжимъ, потому что и онъ, въ свой чередъ, можетъ поточить язычекъ и на ихъ счетъ, и всѣмъ въ результатѣ будетъ солоно, а лучше, молъ, жить по-тиху, по-сладку, по христіанской заповѣди, да по пословицѣ «рука руку моетъ и обѣ чисты бываютъ».

И Павелъ Васильевичъ, послѣ такого сообщенія, имѣетъ основанія питать надежду, что онъ, посредствомъ внушительнаго страха взаимной отместки, нѣсколько загаранти-

ровалъ себя отъ дружескихъ тайныхъ извѣтовъ. Вы себѣ ничего еще и не подозрѣваете, а ужь безобразная сплетня пошла гулять на вашъ счетъ по всему городу и задала работу всѣмъ досужимъ язычкамъ. И этой сплетнѣ является совершенно безкорыстная поддержка со стороны разныхъ сердобоодовъ въ чепцахъ и во фракахъ и особенно со стороны какой-нибудь перезрѣлой и потому злющей дѣвы-бобелины въ образѣ кирасирской браковки, каторая занимается этимъ дѣломъ безкорыстно, уже изъ любви къ чистому искуству и изъ поклоненія современному сольгородскому погрессу.

Но... хотя Павелъ Васильевичъ и думаетъ, что онъ загарантировалъ себя, тѣмъ не менѣе, многіе изъ его пріятелей-искаріотовъ найдутъ случай познакомиться съ проѣзжимъ и по секрету начнутъ шептать тому въ уши всякія мерзости. И Павелъ Васильевичъ тоже. Самъ про-себя думаетъ: хоть вы, голубчики, и не посмѣете трубить про меня, послѣ моего внушительнаго предостереженія, да я-то не дуракъ, и про васъ, мои миленькіе, въ добрый часокъ все-таки шепну кое-что; потому этакъ-то будетъ поспокойнѣе.

Ну, и шепчутъ, шепчутъ, шепчутъ...

И, Боже мой! еслибы вы только знали, что́ за мелкоподленькія, что́ за паршивенькія гнусности шепчутъ всѣ эти братья-разбойники, надѣляющіе другъ друга при своихъ

встрѣчахъ, попойкахъ и обжираньяхъ такими сладко-іудиными лобзаньями! Обращаюсь попреимуществу къ вамъ, мои собратья-писатели: если кто изъ васъ вздумаетъ посѣтить наши захолустья, то позвольте предупредить заранѣе: на вашу злосчастную долю, болѣе даже чѣмъ на долю всякаго другого туриста, доведется выслушать всяческихъ шептаній. Вы отъ нихъ не отвертитесь, не отплюетесь, не отчураетесь. Всѣ эти господа непремѣнно воображаютъ, что ихъ-то помойная яма и есть главный центръ, вокругъ котораго вращается если и не вся вселенная, то ужъ по крайней-мѣрѣ вся Россійская Имперія, что взоры всего государства на нихъ однихъ устремляются; и потому всѣмъ своимъ личнымъ дѣлишкамъ и интересишкамъ придаютъ они необыкновенно важное, чуть не государственное значеніе. Васъ, напримѣръ, интересуетъ ходъ серьёзныхъ вопросовъ общественной жизни такого-то города; вы хотите знать, въ какомъ положеніи находится ну, хоть земское дѣло, судебная реформа, школы, хозяйство городское, вы хотите поближе ознакомиться съ интересами торговыми, промышленными—куда тебѣ! До всѣхъ этихъ вопросовъ никому никакого дѣла нѣтъ; они къ большинству и не прививаются; большинство надъ ними и не задумывается, считая ихъ за что-то внѣшнее, постороннее и насильственно-напускное, втиснутое въ обыденный кругъ провинціальной жизни, хотя въ то же

время ни один из этих господ не прочь полиберальничать перед вами самым наипошлѣйшим образом. Вмѣсто того, о чем вы главнѣйше хотѣли бы знать, вам с самым іезуитским видом начинают нашептывать, что вот, мол, Иван Иванович за такое-то дѣльце содрал тогда-то с Сидора Карповича такую-то взятку, а сам про себя, поди-ка, в тоже самое время, навѣрное с досадливым сокрушеніем думает: эх, чорт возьми, зачѣм ему, а не мнѣ довелось сорвать! Или начинают разсказывать, что Филат Іоныч тогда-то такую-то пакость сотворил, а тогда-то вот этакую; а вот еще Марья Ивановна с таким-то в любовной интригѣ состоит, а Ольга Петровна через непозволительную связь муженька в люди выводит, а намедни еще видѣли, как Андрей Николаевич, от Елены Михайловны в седьмом часу утра через забор перелѣз — значит, дѣло тово... неладное! Вам становится скверно, противно, вас тошнит от всѣх этих милых сообщеній, вы не хотите больше слушать грязнаго сплетника — не безпокойтесь: на его мѣсто подсядѣт другой, другого замѣнит третій и т. д, и каждый из них постарается разсказать вам друг про друга, и про супруг, и про домочадцев кучу невообразимых мерзостей, да еще увѣрен при этом, что он благородное, благое дѣло творит: «вот гдѣ вам, батенька, говорит, мате-

ріалъ-то настоящій! вотъ гдѣ непочатой уголъ! вы, говоритъ, это все у себя въ книжку запишите, въ книжку-съ; а если прикажите, такъ я вамъ лучше самъ все это письменно изложу, письменно этакъ, знаете, въ видѣ промеморіи». Разсказалъ цѣлую кучу и торжествуетъ — торжествуетъ потому, вопервыхъ, что увѣренъ, будто вы такъ сразу и поспѣшите воспользоваться всѣми его сообщеніями и пропечатаете сполна, цѣликомъ и про Ивана Ивановича, и про Марью Ивановну, и про Филата Іоныча, и про Елену Михайловну съ Андрей Николаевичемъ; а вовторыхъ, потому что соображаетъ, будто успѣлъ насолить и напакостить всѣмъ имъ вкупѣ, и наконецъ, въ-третьихъ, еще потому, что убѣжденъ, будто во всѣхъ этихъ гнусностяхъ именно и заключается высшій интересъ чуть ли не всего государства и благо цѣлой Россіи.

Итакъ, мои собратья, если вздумаете прокатиться по нашему вселюбезному отечеству и пожить въ его захолустьяхъ, то я рекомендую вамъ заранѣе приготовиться къ вольному или невольному выслушиванію цѣлыхъ коробовъ мерзостей и дрязгъ подобнаго сорта. Вы ихъ никоимъ образомъ и ни въ какомъ случаѣ не избѣгнете, несмотря на все ваше стараніе: онѣ будутъ преслѣдовать васъ вездѣ и повсюду, ибо онѣ-то и составляютъ главнѣйшую суть, главнѣйшій интересъ и весь эрфиксъ провинціальной городской жизни. Слава тебѣ Господи,

еще хоть за то, что встрѣтишь иногда человѣка, въ человѣческомъ смыслѣ этого слова, съ которымъ отдохнешь и поговоришь о вещахъ болѣе серьёзныхъ и болѣе для васъ интересныхъ, но *люди*, повторяю еще разъ, составляютъ пока исключеніе, а въ общемъ итогѣ господствуютъ Павлы Васильевичи, да Васильи Евграфовичи.

Не говорю уже о тѣхъ невозможныхъ рукописяхъ, какія нанесутъ къ вамъ разные авторы, съ просьбами напечатать ихъ, гдѣ угодно «въ одномъ изъ столичныхъ журналовъ». Если вы въ этомъ отношеніи окажете слабость, то заранѣе приготовьте въ чемоданѣ своемъ значительное мѣсто: ихъ наберется очень и очень порядочный грузъ. Все это составляетъ неизбѣжныя неудобства нашихъ путешествій, наравнѣ съ клопами, пылью, трактирной дороговизной и трактирными порціями. Если хотите, то воспользуйтесь моимъ опытомъ, принявъ къ свѣденію нѣсколько высказанныхъ совѣтовъ и предостереженій, и затѣмъ съ Богомъ пускайтеся въ путь, причемъ я отъ души пожелаю вамъ счастливой дороги и пообѣщаю, помимо нѣкоторыхъ неудобствъ, много и много хорошихъ впечатлѣній.

II.

Сольгородъ.

Я приступаю къ изображенію города совершенно фантастическаго. Мало того: на трезвый взглядъ иного человѣка, привыкшаго мѣрять всѣхъ и вся на аршинъ европейской цивилизаціи, мой городъ покажется даже невозможнымъ, немыслимымъ. Тѣмъ не менѣе—„какъ знать, чего не знаешь“, отвѣчу я на это и все-таки стану изображать Сольгородъ.

Напрасно бы стали искать его, подъ этимъ именемъ, на генеральной картѣ Россійской Имперіи: тамъ такого не отыщется. Названіе это, какъ и самый городъ, тоже фантастическое. Нѣкоторыя лица, которыя будутъ намъ попадаться здѣсь, постараемся также отнести къ міру фантазіи, потому что для честнаго человѣческаго сознанія было бы гораздо утѣшительнѣе думать, что подобные герои только и могутъ принадлежать области вымыс-

ла, сновъ и кошмаровъ, чѣмъ знать, что таковые существуютъ въ дѣйствительности.

Представьте себѣ, напримѣръ, городъ занимающій одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду городовъ нашего отечества; городъ, который по географическому положенію своему служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ отношеніи торговомъ и промышленномъ; который соединенъ съ сердцемъ государства живою артеріей желѣзнаго пути; мимо котораго шныряетъ множество пароходовъ; который наружностью своей стремится приблизиться къ европейски-цивилизованному типу, хотя въ то же время всецѣло хранитъ въ нѣдрахъ своихъ и другой почтенный типъ города древне-русскаго; словомъ сказать, городъ хорошій, на всю стать городъ, которому «много дано», и съ котораго поэтому должно бы много и взыскаться. Таковъ, въ общихъ чертахъ, мой фантастическій Сольгородъ.

Чтó же такое въ сущности этотъ Сольгородъ?

Прежде всего, это въ нѣкоторомъ смыслѣ великороссійская Колхида, такъ-что получить тамъ теплое мѣстечко, значитъ, ни болѣе ни менѣе, какъ обрести Язоново золотое руно. Вовторыхъ, это городъ патріархальный, и патріархальность его попреимуществу выражается въ патріархально-безцеремонномъ пользованіи Язоновымъ руномъ, причемъ это пользованіе достигаетъ патріархально громадныхъ размѣровъ. Пріѣдетъ, напримѣръ, туда на кор-

мленіе голенькій чиновничекъ, а черезъ два три годика—гляди—у него пароходы по рѣкѣ гуляютъ, а еще черезъ два-три годика—два-три домика воздвигаются, ради вящаго преукрашенія города.

Власти здѣсь тоже патріархальныя. Одна изъ нихъ, находясь въ рукахъ человѣка безспорно и безукоризненно честнаго, человѣка—если судить его просто какъ личность—очень хорошаго и почтеннаго, проявляетъ себя по преимуществу такимъ образомъ, какъ будто она ввѣрена сонливой, лимфатичной и подслѣповатой маменькѣ, у которой изъ-подъ подушки рѣзвыя дѣтки таскаютъ ключи и лакомятся тайкомъ въ кладовой разными сластями, а она, голубушка добродѣтельная, судя о всѣхъ по себѣ самой, и не чаетъ, что у ней подъ носомъ совершается. Другая же власть сольгородская олицетворяется въ одной великой медвѣжьей загребистой лапѣ. Впередъ, при случаѣ, мы ее такъ и будемъ именовать «Загрѐбистой лапой».

Именитое купечество сольгородское (въ большинствѣ своемъ) и многіе другіе почтенные люди сильно не жалуютъ новаго суда, и всѣми мѣрами стараются оттянуть введеніе его—черта примѣрнаго патріархализма. Городъ богатый, даже очень и очень богатый, который можетъ бросать по восьмидесяти тысячъ на постройку полицейской части, чтобы дать приличную квартиру частному приставу, вдругъ жалуется на крайній недостатокъ суммъ,

необходимыхъ для постройки и даже просто для ремонтировки подходящаго зданія для гласнаго суда. Но это—что называется, одна только «музыка», а сущность въ томъ, чтобы подольше въ мутной водѣ рыбу ловить. Нѣкоторые изъ именитаго купечества высказываются на этотъ счетъ даже съ похвальной откровенностью.

«Наше дѣло комерческое, говорятъ они:—въ комерціи всяко случается! Примѣромъ сказать, сбылъ я товарецъ маленько того... съ изъянцемъ — безъ того нельзя же. Покупатель опослѣ того придетъ ко мнѣ амбицію свою показывать. Я ему сейчасъ на это: а гдѣ, молъ, у тебя глаза-то были, какъ покупалъ? На себя, значитъ, пеняй, коли не смотрѣлъ, что́ берешь! Такъ на эфтомъ у насъ нониче и шабашъ тому дѣлу будетъ. А коли ежели въ ропотъ войдетъ, жалиться станетъ—ну ступай, жалься! У насъ на эфтотъ счетъ завсегда уже дѣло заручоное, подмазанное. А теперича этотъ самый судъ. Станутъ при всей публикѣ шельмовать меня этакимъ непристойнымъ манеромъ да въ газетѣ пропечатывать—что́ жь тутъ хорошаго? Окромѣ убытковъ, можно сказать — ничего! Имъ-то съ пола̀-горя, а я, значитъ, въ имени своемъ опороченъ буду; мнѣ черезъ то самое подрывъ комерціи выходитъ, кредитъ мой падаетъ... Опять же и то: случается теперь, что иной разъ въ куражѣ, значитъ, ндравъ свой желаешь показать—ну, и дебошъ!... въ зубы

этакъ, примѣрно, звизданешь кого нибудь. Кто мнѣ теперь можетъ попрепятствовать? Звизданулъ, а на утречко поклонился кому слѣдуетъ десятницей, алибо лиловенькой—и правъ, и никакого суда не нужно. А съ новыми-то порядками, въ эфтомъ самомъ разѣ, опять-таки одинъ только конфузъ тебѣ же сдѣлаютъ. Вона, слышно, въ Москвѣ, да въ Питерѣ нониче за эфти самые дѣла въ острогъ сажаютъ. Что жь тутъ хорошаго!»

При такой своеобразной логикѣ и аргументаціи съ одной стороны, да при сильномъ желаніи подольше поудить рыбку съ другой, понятное дѣло, станешь всѣми зависящими мѣрами оттягивать введѣніе гласнаго суда. Во всемъ этомъ замѣчательно то, что въ Сольгородѣ большинство думаетъ такъ, хотя и не каждый рѣшится высказать свои завѣтныя думки съ такой откровенностью.

Я уже раньше высказалъ, что въ Сольгородѣ испоконъ-вѣку перебывало и нынѣ еще пребываетъ множество разныхъ комиссій: слѣдственныхъ, ревизіонныхъ, судныхъ и иныхъ, по дѣламъ объ рунѣ Язоновомъ. Поэтому, естественно, сольгородцы заинтересованы вопросомъ о судебной реформѣ, такъ-какъ тутъ дѣло, зачастую гляди—собственной шкуры касается. Въ старыхъ порядкахъ жилось хорошо, припѣваючи—и это уже слишкомъ достаточная причина, чтобы не взлюбить новые и бояться ихъ.

Однако, Сольгородъ отдаетъ дань современности, и

потому имѣетъ свои партіи. Въ прежніе годы были партіи ералаша и преферанса; нынѣ партіи либераловъ и ретроградовъ. Теперь вѣдь, какъ извѣстно, безъ либераловъ и ретроградовъ нѣтъ ни единаго захолустья. Посредникъ, напримѣръ, который на крестьянскомъ сходѣ разрѣшаетъ мужикамъ сѣчься не свыше двадцати-пяти розогъ, есть уже либералъ относительно посредника ретрограда, допускающаго сѣченье свыше пятидесяти ударовъ. И при этомъ первый будетъ взирать на второго свысока и порицать его отсталость.

Если вы пожелаете узнать, что̀ такое эти сольгородскіе либералы и ретрограды, то я вамъ скажу, что они вполнѣ сто̀ятъ другъ друга, такъ что трудно отдать какое либо преимущество однимъ передъ другими. Они, какъ говорится, «оба лучше». И тѣ и другіе «честно держатся своего знамени» и яростно защищаютъ избранные принципы. Но вотъ въ принципахъ-то и все дѣло.

Поговоримъ сначала о либералахъ:

Либералы сольгородскіе дѣлятся на четыре категоріи:

a) Либералы акцизные,

b) Либералы контрольные,

c) Либералы соляные,

d) Либералы пароходскіе.

Послѣдніе, то-есть пароходскіе либералы, составляютъ видъ либерализма партикулярнаго, ибо таковые состоятъ

на службѣ частной, а не государственной, но въ сущности своей не представляютъ никакого отличія отъ трехъ видовъ либерализма оффиціальнаго, то есть пользующагося мѣстами на казенной службѣ. Сольгородская атмосфера всѣхъ ихъ претворяетъ въ эѳирное вещество однородной сущности: они всѣ, какъ говорится, «однимъ мѵромъ мазаны».

Весьма сожалѣю, что въ данную минуту нѣтъ у меня подъ рукою одной достопримѣчательной рукописи изъ цикла тюремной литературы — рукописи, называющейся «Домъ позора». Въ ней весьма рельефно, хотя и совершенно наивно, высказывается все нравственное міровоззрѣніе арестантовъ, то-есть: что́, по ихъ понятіямъ, добро и что́ зло, что́ законно и незаконно, что́ нравственно и безнравственно. Рукопись драгоцѣнная для изученія физіологіи заключенника. Въ ней есть также своего рода либерализмъ, который съ непривычки поразитъ насъ до не́льзя своею своеобразностью. Но начиная вдумываться поглубже въ это дѣло, вы приходите къ убѣжденію, что ничего иного и не могла дать тюрьма, что этотъ своеобразный либерализмъ есть ея прямое и законное порожденіе— порожденіе страданій меншинства честныхъ и неповинныхъ людей съ озлобленіемъ и страданіемъ большинства негодяевъ, мазуриковъ, воровъ и болѣе тяжкихъ преступниковъ. Вдумавшись поглубже, вамъ становится уже

совершенно понятнымъ, что подобное произведеніе, какъ «Домъ позора», только и могла создать одна лишь тюрьма со всѣми ея пріятностями.

Но представьте же себѣ мое недоумѣніе, когда въ либерализмѣ сольгородскихъ либераловъ я совершенно неожиданно открылъ величайшее сродство съ либерализмомъ «Дома позора». Меня такого рода открытіе, такъсказать, ошарашило по лбу. Ну, тамъ, думаю себѣ, тюрьма, воры, мазурики, а здѣсь то что же такое? Здѣсь — Сольгородъ. То-есть, тѣ же личности, только въ иной сферѣ: тамъ отъ голоду да отъ привитого съ рожденія пороку, люди страдаютъ за то, что воровали платки изъ кармановъ; здѣсь отъ потребности къ излишнему комфорту да отъ привитого съ пеленокъ нравственнаго разврата, люди крадутъ сотни тысячъ, и нетолько что не страдаютъ, но наслаждаются покойной жизнію, всеобщимъ почетомъ, сознаніемъ собственной благонамѣренной чесности и своимъ либерализмомъ. И все таки либерализмъ то вотъ, то-есть сущность и характеръ его, составляютъ великое *общее* между тѣми и другими. Говоря по чистой совѣсти, я никакъ иначе не могу охарактеризовать сольгородскій либерализмъ, какъ только назвавъ его *воровскимъ* либерализмомъ. Да, это именно *воровской либерализмъ*, и, вѣрьте мнѣ, я ничуть не преувеличиваю, придавая ему такой неблагозвучный эпитетъ. Въ мозгахъ

сольгородскихъ либераловъ образовался какой-то сумбуръ, вавилонское смѣшеніе, перековеркавшее шиворотъ на выворотъ всѣ ихъ понятія. Ужь не говоря о томъ, что распустить о комъ бы то ни было, и особенно о женщинѣ, какую нибудь пасквильную сплетню, оклеветать ея доброе имя ничего не значитъ; но просто на просто оскорбить любую женщину самымъ наглымъ и подлымъ образомъ здѣсь, напримѣръ, почитается либерализмомъ. Мировой посредникъ, безъ толку и смыслу кричащій вездѣ и повсюду громкія фразы о соціализмѣ и демократизмѣ и въ то же время съ цинической наглостью признающійся, что онъ деретъ взятки по пятидесяти рублей съ крестьянъ и помѣщиковъ: «я, молъ, пользуюсь обстоятельствами и стригу барановъ, потому что коли не я, такъ все равно другой стричь будетъ: они вѣдь на это и созданы»—такой посредникъ почитается либераломъ и самъ онъ себя таковымъ почитаетъ.

Помню, однажды, зашелъ разговоръ объ одномъ мѣстномъ судебномъ слѣдователѣ, человѣкѣ глубоко честномъ и достойномъ всякаго уваженія, благодаря усиліямъ котораго одно грязнѣйшее дѣло, по поводу чуть не мильоннаго воровства, быть можетъ, не канетъ въ Лету, а выплыветъ на позорище честныхъ людей, во всей прелести своего безобразія. Меня опять-таки словно обухомъ по

лбу хватило, когда я услышалъ изъ устъ нѣкоего либерала, что этотъ человѣкъ хуже всякаго мерзавца.

— Какъ! почему? вопрошаю невольно.

— Помилуйте, какъ же не хуже!.. Ужь чтó же это за человѣкъ, говоритъ, коли онъ рѣшился взять на себя такую подлую, сыщиковскую должность!

— Это должность-то слѣдователя?

— Да-съ, это должность слѣдователя! По моимъ, говоритъ, убѣжденіямъ, ни одинъ честный человѣкъ за такую гнусную должность не возьмется. Помилуйте, слѣдить за людьми, дѣлать на совѣсть ихъ нравственную облаву, способствовать къ тому, чтобы человѣка въ Сибирь ссылали, на каторгу, въ тюрьму—это подло!

— Стало быть, чтó же вы скажете о судьяхъ, о прокурорахъ?

— О такихъ подлецахъ и нравственныхъ уродахъ я ужь и не говорю... У меня вся желчь подымается, расходился мой либералъ:—всѣ лучшія струны сердца моего рвутся на части...

— Да вы не шутите? спрашиваю его.

— Я никогда не шучу... Не то время теперь, чтобы шутками заниматься! Это иные могутъ, а я не могу-съ! Я съ своей стороны не знаю ничего позорнѣе для нашего общества, ничего безнравственнѣе, какъ подобныя должности и обязанности.

— Однако, безъ этихъ должностей, извѣстный намъ господинъ могъ украсть милліонъ и благоденствовать съ нимъ совершенно безнаказанно.

— Его должно бы судить и карать одно только общественное мнѣніе! Я за однимъ только общественнымъ мнѣніемъ признаю легальность судебнаго приговора... А впрочемъ, я вообще за невмѣняемость преступленій.

Послѣ такой сугубой нелѣпости и притомъ столь храбро высказанной, оставалось только пожалѣть о себѣ самомъ, за тѣ слова, которыя рѣшился потратить на разговоръ съ этимъ юродивымъ. Милый либералъ, очевидно и самъ-то не совсѣмъ хорошо понималъ, о чемъ говорить, и не сознавалъ, чего именно ему хочется, толкуя о какой-то легальности судебнаго приговора за общественнымъ мнѣніемъ. Словомъ сказать, не мысль, а чортъ-знаетъ что́ такое! какая-то безшабашная пляска словъ и фразишекъ! Но все-таки, какъ хотите, а вѣдь надо же было умудриться, чтобы достичь до сознанія о гнусности обязанностей судебнаго слѣдователя, судьи и прокурора; вѣдь все же дошелъ-то онъ до этихъ выводовъ кое-какой работишкой своей скудной мыслишки. Я невольно вспомнилъ при этомъ мою арестанскую рукопись «Домъ позора»: тамъ тоже всѣ громы воровскаго негодованія и проклятій обрушиваются на головы судей, на полицію и слѣдователей. Но въ мазурикѣ это, понятно. Мазурикъ,

по самому роду своей дѣятельности и по отсутствію какихъ бы то ни было нравственно-очищенныхъ взглядовъ, естественно, видитъ въ тѣхъ, и другихъ, и третьихъ своихъ прямыхъ и исконныхъ враговъ, которые мѣшаютъ ему заниматься профессіей и неблагопріятно вліяютъ на его дальнѣйшую судьбу. И такъ, повторяю, въ данномъ случаѣ, отношеніе къ извѣстнымъ должностямъ и лицамъ становится совершенно понятно. Но чѣмъ и какъ объяснить такое совпаденіе понятій съ этимъ разрядомъ людей въ какомъ-нибудь сольгородскомъ либералѣ? Это уже, въ нѣкоторомъ родѣ, психическая задача, которую я хоть на сколько-нибудь старался уяснить себѣ слѣдующимъ образомъ.

Живетъ себѣ баринъ въ средѣ, гдѣ господствуетъ сплетня да каверза, да темная продѣлка, при полнѣйшемъ отсутствіи какихъ бы то ни было высшихъ и серьёзныхъ требованій. Серьёзнаго отношенія къ жизни и ея задачамъ у него, ужь конечно, нѣтъ ни малѣйшаго. Удалось ему пробѣжать нѣсколько книжицъ, которыхъ онъ не понялъ, а читалъ потому только, что мода на это была у насъ такая,—налету почерпнулъ, или лучше сказать, запомнилъ изъ нихъ нѣсколько фразъ и громкихъ, красивыхъ словечекъ, которыми щеголяетъ кстати и некстати и затѣмъ сталъ либераломъ;—это такъ красиво, такъ заманчиво: человѣкъ, неимѣющій никакого положенія, на-

чинаетъ чувствовать, что либерализмъ все таки даетъ ему въ окружающей средѣ это положеніе—и вотъ, готовъ либералъ сольгородскій! А разъ уже онъ сталъ сольгородскимъ либераломъ, то до всѣхъ остальныхъ нелѣпостей дошелъ уже собственнымъ умомъ, какъ Гоголевскій Амосъ Ѳедоровичъ. Тутъ уже, во имя либерализма, всякія измышленія и всякую нелѣпицу можно врать невозбранно и торжественно. Дѣлается это по преимуществу отъ скуки. И подобные-то вотъ господа, зачастую, въ своемъ гнѣздѣ берутся за отправленіе разныхъ общественныхъ и служебныхъ должностей, причемъ у нихъ должности и службы дѣлятся на подлыя и на благородныя. Должности, напримѣръ, полицейскія, судебныя, прокурорскія, слѣдственныя, почитаются подлыми, а должности по управленіямъ питейно-акцизному, соляному, контрольному и пароходному—благородными И уже давно, да и не мною первымъ, замѣчено, что большинство нашихъ провинціальныхъ либераловъ служитъ по питейному акцизу. Почему питейный акцизъ выше и благороднѣе занятій слѣдователя и судьи—это уже извѣстно и понятно только ихъ либеральному мозгу.

Одинъ изъ немногихъ, но лучшихъ и свѣтлыхъ дѣятелей общественной, земской жизни въ Сольгородѣ принадлежитъ не нашему поколѣнію, но къ поколѣнію нашихъ отцовъ, если даже не дѣдовъ, къ тому благородному поколѣнію, которое тридцатилѣтними лишеніями и

невзгодами искупило одну свою печальную ошибку. И замѣчательно то, что почти всѣ немногіе, изъ оставшихся въ живыхъ, люди этаго кружка явились лучшими, разумнѣйшими и честнѣйшими дѣятелями нашего земскаго дѣла. Тридцатилѣтнія лишенія и горе не убили въ нихъ ни свѣтлаго разума, ни бодрой энергіи, ни любви къ своей родинѣ, для которой они явились, по возвращеніи, добрыми и честными слугами. Мы можемъ теперь говорить объ этомъ открыто, отдавая имъ все должное уваженіе и всю справедливость, потому что это фактъ, переходящій уже въ исторію и долженствующій не сегодня-завтра, на нашихъ глазахъ сдѣлаться совсѣмъ уже ея достояніемъ... И какъ подумаешь, на сколько эти-то люди были выше и крѣпче нынѣшнихъ сольгородскихъ либераловъ!.. Но нѣтъ, самое сопоставленіе тѣхъ и другихъ для сравненія становится уже оскорбленіемъ для первыхъ и слишкомъ высокой, незаслуженной честью для вторыхъ.

Переходъ изъ либераловъ въ ретрограды и обратно зачастую совершается въ Сольгородѣ весьма коротко и просто. Спихнули, напримѣръ, чиновника съ теплаго мѣста за неумѣренное пользованіе руномъ Язона — онъ становится либераломъ. На губахъ его складывается озлобленно-желчная, саркастически-недовольная растяжка и начинаетъ онъ брюзжать и ругаться: все-то безъ него скверно идетъ на свѣтѣ, вездѣ-то однѣ лишь плутни, вездѣ

подлецы да мошенники засѣдаютъ въ почетѣ, и всѣхъ-то ихъ перепороть да перевѣшать надобно. Но это либералъ благонамѣренный, либералъ-патріотъ, озлобившійся на скверный ходъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ изъ высокой любви къ своему отечеству.

Обойдутъ чиновника наградой или повышеніемъ—онъ временно тоже переходитъ въ либералы. Но обойденный ругается мягче и вообще спускаетъ тономъ ниже, чѣмъ выгнанный, ибо у него есть еще надежда на повышеніе и награду, съ полученіемъ которыхъ онъ можетъ опять безпрепятственно перейдти въ ретрограды. Это тоже либералъ-патріотъ, который озлобленіе свое варіируетъ не о скверномъ ходѣ общихъ государственныхъ дѣлъ, но на болѣе скромную тэму о томъ, что начальство не цѣнитъ у насъ доблестныхъ заслугъ истинныхъ сыновъ отечества.

Онъ вполнѣ помирится съ начальствомъ въ тотъ самый день, когда узнаетъ о своемъ повышеніи и наградѣ.

За симъ остаются уже либералы ярые, необузданные, общій очеркъ которыхъ мы сдѣлали выше, а наравнѣ съ ними стоитъ и еще одинъ типъ. Этотъ типъ принадлежитъ либераламъ, которые придерживаются сивухи, вопервыхъ; вовторыхъ, ругаютъ всѣхъ и все—направо, налѣво, внизъ и вверхъ, въ настоянщемъ, прошедшемъ и будущемъ, ругаютъ самыми зазорными словами, вповалку и безъ разбору, ради того только, чтобы ругаться. Они никогда не

прочь пустить въ ходъ кулаки и позорно струсить передъ первымъ твердымъ взглядомъ, не прочь сочинить какой бы то ни было скандалъ, или вопіющую мерзость, сдѣлать въ обществѣ какое-нибудь неприличіе, непристойность, разбить стекла въ чьемъ-нибудь домѣ, напиться въ трактирѣ и тайкомъ удрать, не заплативъ денегъ, сочинить пасквиль, подметное письмо или публично нанести оскорбленіе женщинѣ. Всѣми подобными дѣлами и забавами они весьма похваляются, даже съ большимъ тщеславіемъ, съ чувствомъ самодовольства, и съ гордостію почитаютъ себя молодцами и либералами. «Мнѣ, дескать, плевать на всѣхъ и на все: я либералъ!» И совершая всѣ свои мерзости, эти молодцы искренно убѣждены, что въ нихъ-то и заключается самая суть либерализма, и чѣмъ мерзѣе, тѣмъ либеральнѣе.

Ретрограды сольгородскіе, какъ уже сказано, вполнѣ стóютъ своихъ антагонистовъ. Они хотя и не дѣлятся на ретроградовъ соляныхъ и акцизныхъ... то-бишь, виноватъ!—обмолвился: въ акцизномъ вѣдомствѣ, какъ извѣстно, ретроградовъ не полагается; однако, мы видѣли, что и между либералами четырехъ категорій нѣтъ никакихъ существенныхъ различій. Ретрограды сольгородскіе тоже всѣ однимъ мvромъ мазаны. Мнѣ довелось быть посторроннимъ свидѣтелемъ одной сценки, въ которой они обнажили бóльшую часть своихъ прелестей.

Это было вечеромъ, въ столовой комнатѣ одного изъ клубовъ, вскорѣ послѣ того какъ почта принесла въ Сольгородъ листъ одной московской газеты, гдѣ были помѣщены двѣ корреспонденціи изъ Сольгорода же, въ которыхъ разоблачалось крупное воровство нѣкоего сольгородскаго сановника, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ прежнихъ его продѣлокъ. Авторъ одной изъ корреспонденцій не поцеремонился съ этимъ бариномъ и прописалъ полное его имя, отчество и фамилію. Это конечно было сдѣлано немножко преждевременно, потому что судъ не произнесъ еще надъ воромъ своего приговора; но фактъ воровства былъ самъ по себѣ столь вопіюще-очевиденъ и уже успѣлъ получить столь большую огласку вездѣ и повсюду, что неосторожность корреспондента имѣла, относительно, весьма ничтожное значеніе.

Корреспонденціи эти, какъ и быть надлежитъ, подняли великій переполохъ и особенно въ средѣ, такъ-называемыхъ, ретроградовъ. Пошелъ говоръ и всевозможныя догадки: кто и какъ написалъ, и откуда выкопалъ всѣ эти прелести?

Почти рядомъ со мною сидѣлъ одинъ господинъ, хотя и сольгородецъ, но не принадлежащій ни къ циклу либераловъ, ни къ ретроградамъ, а просто-себѣ человѣкъ, въ человѣческомъ смыслѣ этого слова. На него почему-то устремились подозрѣнія присутствовавшихъ ретроградовъ въ авторствѣ непріятной корреспонденціи.

— Вы не знаете, кто сочинилъ эту статьишку? отнесся къ нему одинъ изъ сосѣдей, пытая его подозрительнымъ взглядомъ.

— А откуда жъ мнѣ знать?

— А мы такъ слышали, будто это вы писали, съ онику ляпнулъ другой баринъ.

— Неужели? А я, представьте, съ своей стороны могу столько же думать, что это вы авторъ.

— Ну, нѣтъ! я подобными подлостями не занимаюсь... Публично оскорбить человѣка—это чортъ-знаетъ что!

— Совершенно согласенъ: но кто же оскорбленъ?

— Какъ кто! Василій Евграфовичъ оскорбленъ!.. Мало того: въ лицѣ его каждый изъ насъ можетъ считать оскорбленнымъ себя: онъ членъ нашего общества... Назвать полнымъ именемъ человѣка, всѣми уважаемаго... Эти газеты, эти редакторы наконецъ чортъ-знаетъ до чего доходятъ! Послѣ этого остается только одно: по мордѣ бить!

— По мордѣ, по мордѣ! поддакнуло большинство.

— А редакторы-то тутъ при чемъ же? вопросилъ подозрѣваемый.

— Да какъ они осмѣлились печатать подобную гнусность! Марать имя честнаго человѣка, котораго *мы* уважаемъ и любимъ, набрасывать тѣнь!...

— Ну, нѣтъ, позвольте: если кто и набросилъ тѣнь, то это, вопервыхъ, само правительство, которое по пово-

ду воровства назначило слѣдствіе и тотчасъ же отрѣшило барина отъ должности.

— Правительство!... чтó вы намъ толкуете о правительствѣ!... Правительство можетъ, а газеты не смѣютъ, не должны позволять себѣ забываться... Ты знай, чортъ возьми, о комъ пишешь! Не о подъячемъ пишешь, а объ сановникѣ!

— Пишутъ не о сановникѣ, а объ ворѣ.

Но едва успѣлъ сосѣдъ мой произнести эти слова, какъ антагонисты его повскакивали съ мѣстъ, словно кипяткомъ ихъ ошпарили, и накинулись всѣ разомъ:

— Какъ объ ворѣ!... Такъ по вашему, Василій Евграфовичъ—воръ?.. Господа, слышали новость? Василій-то Евграфовичъ воромъ вдругъ сдѣланъ!... Ха, ха, ха, ха!... Да нѣтъ, это просто умора, наконецъ!... Воръ!... Василій Евграфовичъ—воръ!... Ха, ха, ха!...

— А позвольте васъ спросить, круто обратился вдругъ къ подозрѣваемому господину одинъ изъ спорщиковъ:—позвольте спросить, милостивый государь... Вы говорите: воръ; очень хорошо-съ!... Мы очень желали бы знать, чтó именно укралъ у васъ Василій Евграфовичъ?

— Да, да!... чтó именно стибрилъ онъ у васъ... у васъ лично? подхватила остальная братія.

— У меня лично, конечно, ничего; но не въ томъ дѣло...

— Нѣтъ-съ, позвольте, въ томъ! именно въ томъ! на-

ставивалъ прежній антагонистъ:—и такъ, сами вы, при всѣхъ вотъ, сознаетесь, что у васъ Василій Евграфовичъ ничего не воровалъ? Прекрасно-съ, такъ и запишемъ. Павелъ Ивановичъ, съ двусмысленной улыбочкой обратился онъ къ одному изъ братіи:—быть можетъ, у васъ что нибудь укралъ онъ?

— Кто это? Василій-то Евграфовичъ? Ха, ха, ха-а... помилуйте!...

— Нѣтъ?. . Никаноръ Александрычъ! можетъ съ вами чтó нибудь подобное случилось?

— Полиотé, чтó это вы!...

— Ну, такъ у васъ, можетъ, украдено, Карлъ Христьяничъ? отвѣчайте, не скрывайтеся!...

— Еще чтó не выдумаете!

— Феликсъ Казимировичъ, у васъ?

— Помилуйте-съ... от-то! какъ же-жь то возможно!.. Такая особа... и я же-жь никогда, а ни-ни...

— У васъ, Илья Карпычъ?!

— Не замѣчалъ-съ!

— Ну, такъ у кого же, наконецъ, господа? У меня тоже не воровалъ; быть можетъ, вы знаете, да сказать не хотите?... Хе, хе, хе... Вотъ тó-то оно и есть! И выходитъ, что газетчиковъ по мордѣ надо дуть.

Осажденный сосѣдъ мой поднялся съ мѣста:

— Господа, началъ онъ: — я вовсе не имѣю ни вре-

мени, ни охоты поддерживать споръ такого рода, тѣмъ болѣе, что мы отлично понимаемъ другъ друга. Онъ воровалъ не у меня, не у васъ, не у Павла Иваныча, не у Карла Христьяныча, а у всѣхъ насъ, у государства, у казны воровалъ!

Компанія разразилась такимъ дружнымъ хохотомъ, какъ будто ей довелось неожиданно услышать первостатейную чепуху и самую невообразимую нелѣпость.

— Пфе!!! Такъ вотъ у кого, значитъ украдено!.. Ха-ха-ха! развелъ руками баринъ, отбиравшій отъ всѣхъ показанія: — у казны украдено!.. ха-ха-ха!.. Да что́ такое „казна", позвольте васъ спросить?.. Ужь коли на то пошло, такъ надо говорить правду!.. „Казна"!.. Да казна-то вѣдь со всѣхъ деретъ! Кому несчастный мужичекъ нашъ отдастъ трудовую, потомъ и кровію облитую копѣйку, послѣднюю? копѣйку. Кому я васъ спрашиваю?—Казнѣ-съ! Послѣднюю корову со двора ведетъ, послѣднюю рубаху сплечь долой скидаетъ, а подати, не бойсь, плачитъ!.. Теперь опять чиновника, бѣднаго труженика взять: всѣ эти вычеты, начеты, да эмеритуры, да процедуры, да чертъ ихъ знаетъ, какіе тамъ еще дуры всего и не перечтешь!.. Десять—пятнадцать рублишекъ жалованья получаетъ—и изъ того-то казна деретъ! Съ мѣщанъ-деретъ; съ купцовъ—деретъ, съ господин-офицера—деретъ... Да съ кого же не деретъ она, я васъ спрашиваю?.. А по мо́ему бы, на

основанія истинной-то вотъ, законной справедливости: ты съ меня дерешь, такъ не взыщи, голубчикъ, коли и я съ тебя драть буду! свое-то вернуть вѣдь всякому хочется!.. Вы думаете, мы и не знаемъ, куда большая часть этихъ поборовъ уходитъ.—Нѣтъ-съ, батенька, знаемъ-съ! Очень хорошо знаемъ, да только помалчиваемъ!

Сценка эта, воспроизведенная мною совершенно безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній, достаточно говоритъ сама за себя, для того чтобы прибавлять къ ней что-либо, или дѣлать какія нибудь поясненія. И безъ того все ясно. Но не могу не замѣтить одного: въ наше время извѣстнаго рода «плюхопросящій» либерализмъ сдѣлался такимъ общимъ мѣстомъ, что безъ него не могутъ обойтись даже и сольгородскіе ретрограды. Василія Евграфовича защищаютъ, какъ друга, какъ брата единоутробнаго, какъ самихъ себя, но не могутъ воздержаться чтобы, для пущей убѣдительности, не пустить въ ходъ плюгаво-либеральной фразы на счетъ «бѣднаго труженика» и «меньшихъ братій», причемъ ихъ плаксиво-сахаристый либерализмъ непремѣнно мужика превратитъ въ ласкательно-уменьшительнаго «мужичка». Извѣстнаго сорта либерализмъ, изживъ свой вѣкъ въ столицахъ, только и существуетъ теперь что кое-гдѣ по провинціи, и преимущественно въ такихъ мѣстахъ, какъ Сольгородъ.

III.

Соляные.

Недаромъ же Сольгородъ Сольгородомъ и прозывается: въ немъ обрѣтается казенная соль, а при ней—специальное управленіе. Соль, конечно, требуетъ мѣстъ для склада, а управленіе—мѣстъ для чиновниковъ. Первыя должны отличаться прочностью и сухостью; вторыя—теплотою, и потому въ послѣднее время становятся менѣе прочны. Что̀ будетъ впредь изъ нихъ—поживемъ и увидимъ, а чѣмъ они были до сихъ поръ—о томъ поразскажемъ.

Спеціальное управленіе при соли — это-то и есть настоящая соляная Колхида, гдѣ пользованіе златоноснымъ руномъ превосходитъ размѣры всякаго вѣроятія, и это пользованіе богъ-вѣсть съ коихъ поръ получило неизлечимый, хроническій характеръ. Начать съ того, что зодчій, воздвигавшій складочные амбары для соли (а это было уже давно), былъ человѣкъ положительно ге-

ніальный и притомъ великій филантропъ: онъ прозиралъ въ будущее и заботился о благѣ нетолько своихъ современниковъ, но и дальнѣйшихъ поколѣній соляного управленія. Эта геніальность высказывается въ выборѣ мѣста для постройки складочныхъ амбаровъ. Впрочемъ, такъ-какъ дѣло объ этой постройкѣ успѣло уже сокрыться подъ мракомъ исторіи и уйти въ глубь архивовъ, то между изслѣдователями отечественной старины и ея достопримѣчательностей можетъ когда нибудь возникнуть сомнѣніе и споръ о томъ, принадлежитъ ли великая честь геніальнаго прозиранія въ будущее, честь филантропической заботливости о грядущихъ соляныхъ поколѣніяхъ самому зодчему, воздвигнувшему амбары на извѣстномъ мѣстѣ, или другому какому рачительному начальству, которое, независимо отъ зодчаго, избрало и отвело мѣсто для постройки амбаровъ. Вѣроятно, въ семейныхъ преданіяхъ соляныхъ рачителей имѣются на сей конецъ какія нибудь драгоцѣнныя свѣденія. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать особой геніальности въ мысли—воздвигнуть солехранилища именно тамъ, гдѣ они воздвигнуты, а не въ иномъ какомъ мѣстѣ. Воздвигнуты же они на самомъ берегу «величественной рѣки», при сліяніи оной съ другой, еще болѣе «величественною рѣкою». (Называть свою мѣстность «величественною» необыкновенно любятъ всякіе провинціальные корреспонденты газетъ и

литераторы-обыватели). Въ этихъ двухъ величественныхъ рѣкахъ есть неоцѣненное качество, самимъ Господомъ Богомъ имъ данное: онѣ разливаются необыкновенно могуче, широко и высоко, и подмываютъ своимъ разливомъ бренныя солехранилища. Какой неистощимый, богатѣйшій предлогъ для ежегодныхъ рапортовъ объ утечкахъ, усышкахъ, усыпкахъ, подсоскахъ, подмывкахъ и т. п.

Обо всѣхъ вскормленникахъ и паціентахъ соляного Язонова руна я съ чувствомъ могу сказать, что они отличаются благодарной памятью къ той смоковницѣ, которая давала имъ живительную тѣнь, къ тому мѣсту злачну и прохладну, которое питало и грѣло ихъ. Они, всѣ до единаго, суть добрые сольгородскіе патріоты; они душевно и почвенно облюбили свой Сольгородъ. Эта любовь и благодарность къ своей смоковницѣ выражаются въ томъ, что, покидая свои теплыя мѣста, они не бѣгутъ въ иные грады и вѣси, но остаются гражданами сольгородскими, поселяются въ немъ на покой, плодятся и размножаются во второе и третье колѣно, и населяютъ землю сольгородскую. Они выстроиваютъ себѣ солидные дома, и тѣмъ конечно, способствуютъ преукрашенію Сольгорода. Они накупаютъ себѣ земли и имѣнія со всѣми угодьями, и становятся крупными землевладѣльцами Сольгородской губерніи. Они устроиваютъ себѣ пароходы, фабрики, заводы, винокурни, лѣсопильни, мукомольныя мельницы и

иныя промышленныя, и чуть ли даже не питейныя заведенія, и через то споспѣшествуютъ экономическому развитію и процвѣтанію сольгородскаго края. Словомъ сказать, они истинные патріоты. Всѣ эти Крутченки, Пессинги, Чернокрыльцевы, Передеревскіе et tutti quanti, которые съ такимъ апломбомъ и почетомъ красуются въ Сольгородѣ, служатъ живымъ подтвержденіемъ словъ нашихъ. Они—сливки сольгородскаго общества, первыя лица въ городѣ; они рисуются своимъ изяществомъ, открытой жизнью своихъ домовъ на барскую ногу, своими рысаками и экипажами, своими щегольскими фраками и блистательными регаліями; они стремятся руководить общественнымъ мнѣніемъ; непремѣнно требуютъ высокаго почтенія и поклоненія своимъ особамъ; они и дѣти ихъ суть первые денди, львы и львицы города, признающіе за собою право презирать все, что́ не они, относиться съ величественнымъ снисхожденіемъ къ остальному Сольгороду; каждый изъ нихъ, наконецъ, либералъ, не просто либералъ, но воръ-либералъ, а это уже нѣсколькими степенями выше; это даетъ имъ право ругать всѣхъ и вся, и говорить о долгѣ гражданскомъ, «о честности высокой» громкіе и красноречивые спичи, въ родѣ того знаменитаго «Американца», который, какъ извѣстно, былъ «крѣпко на руку не чистъ», но предъ которымъ благоговѣлъ Грибоѣдовскій Репетиловъ.

Остальной добрый и честный, но мелкій людъ сольгородскій, а особенно мѣщане и мужики, очень вѣрно и прямо понимаютъ этихъ высокихъ господъ, и окрестили ихъ характернымъ прозвищемъ.

Ѣдете вы, напримѣръ, на извощикѣ, и останавливаетъ на себѣ ваше вниманіе какой нибудь прекрасный, богатый домъ.

— Чей это домъ? вопрошаете вы.

— Этотъ-то? съ многозначительной усмѣшкой кивнетъ на него извозчикъ:—это — *соляной* домъ.

— Какъ соляной? недоумѣваете вы, получивъ столь своеобразный отвѣтъ.

— Извѣстно, соляной... тутъ одного *соляного*, значитъ. Попадается на встрѣчу блистательный экипажъ, который мчитъ пара драгоцѣнныхъ рысаковъ.

— Чья это коляска?

— Это-то? — соляная.

Гарцуетъ блистательный денди, съ лорнеткой въ глазу и съ либерально-красивой бородкой. Денди рисуется и плѣняетъ сердца, на статномъ, породистомъ конѣ.

— Кто это такой, верхомъ-то?

— Соляной! махнетъ рукой извозчикъ, съ тою же многозначительной усмѣшкой.

— А лошадь подъ нимъ откуда? своя, чай?

— Извѣстно, тоже и лошадь соляная... Все соляное, какъ есть.

И домъ соляной, и коляска соляная, и кони соляные, и сами они соляные—такъ ужь и извѣстны по всему Сольгороду подъ именемъ «соляныхъ столповъ».—Почтенное и достойное прозвище!

Одинъ изъ нихъ недавно попался на своемъ пользованіи, и попался не ради того, чтобы долженъ былъ попасться по неизбѣжному закону судебъ (такого закона у насъ пока еще не водится), а такъ-себѣ, такой случай глупый вышелъ: одинъ обиженный купецъ вывелъ на свѣжую воду; а повремени онъ вывести только два мѣсяца—концы воровства были бы потоплены въ разливѣ двухъ величественныхъ рѣкъ. Русскіе люди ахнули, когда узнали о крупной цифрѣ кражи. Но ахнули они оттого, что совсѣмъ незнакомы съ этимъ дѣломъ; а дѣло самое обыкновенное, простое, обыденное въ Сольгородѣ, изъ-за котораго вовсе нечего ахать и изумляться, да и сумма, кажущаяся русскимъ людямъ столь грандіозной, въ сущности, нисколько не превышаетъ тѣхъ суммъ, какими искони, чуть не ежегодно пользовались всѣ соляные столпы Сольгорода. И попавшійся соляной столпъ виноватъ не тѣмъ, что кралъ, а тѣмъ, что попался; да даже и этимъ-то не виноватъ—онъ просто невинный человѣкъ — а всему причина, сказано уже—одинъ случай. Отъ несчастнаго слу-

чая не убережешься, и не выпади этотъ случай, повремени онъ собою только до весенняго разлива—столпъ еще многіе годы продолжалъ-бы честно, мирно и безмятежно пользоваться Язоновымъ руномъ, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, къ которымъ судьба была благосклоннѣе: на ихъ долю случая не выпадало.

И что же! Тѣ, отъ кого падающій столпъ могъ бы ждать наибольшаго къ себѣ сочувствія—его сотоварищи и предшественники, по стопамъ коихъ онъ шелъ столь усерднѣйше—увы!—эти люди первые бросаютъ теперь въ него камень, первые преисполняются благороднымъ жаромъ гражданскаго негодованія, первые презрительно обзываютъ его воромъ, обзываютъ и на улицахъ, и въ клубахъ, и въ своихъ честныхъ соляныхъ гостиныхъ, камфортабельно благодушествуя на своей благородной соляной мебели, и куря свои добрыя соляныя сигары!.. Увы! Tu, quoque Brute!.. Но—вѣдь на то они и соляные либералы!

Знакома ли вамъ, мой читатель, зимняя охота на волковъ—охота съ поросенкомъ? Въ декабрѣ и январѣ волки страшно голодны и бродятъ стаями. Заслыша визгъ и почуя духъ соблазнительнаго лакомства, они стаей кидаются въ ту сторону, куда ихъ манитъ инстинктъ голода, и бѣгутъ за кулькомъ сѣна, который, изображая собою, въ ночныхъ сумеркахъ, поросенка, волочится шагахъ въ двадцати позади розвальней. Вдругъ—пафъ! пафъ!—Пада-

етъ съ воплемъ одинъ или два волка, убитые, либо раненые. Въ сущности, вѣдь они ничѣмъ не виноваты, что въ нихъ дробанули шальныя картечи. Но чуть упали они — вся остальная голодная стая, бросивъ преслѣдованіе кулька, разомъ накидывается на палыхъ и начинаетъ рвать на части и жрать дымящееся кровавымъ паромъ мясо своихъ полуживыхъ собратовъ, съ которыми вмѣстѣ, заодно, столь дружно преслѣдовала сію минуту одну и ту же добычу. Таковы и либеральные Бруты Сольгорода!

Проворовавшійся столпъ тоже принадлежалъ къ числу самыхъ ярыхъ соляныхъ либераловъ. Это особа весьма и весьма-таки не дюжинная. Въ былое время, когда-то, поэтъ и писатель, философъ и чиновникъ, онъ остался чиновникомъ всю свою жизнь и достигъ степеней извѣстныхъ, крупнаго чина, крупныхъ отличій, крупнаго мѣста и крупнѣйшихъ негласныхъ доходовъ. На его прошломъ есть много и много крупныхъ дѣлъ, за которыя законъ присуждаетъ къ лишенію всѣхъ правъ и къ сибирской каторгѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ остаются подъ спудомъ, нѣкоторыя всплывали наружу, какъ, напримѣръ, полученіе въ свой карманъ пенсій на умершихъ чиновниковъ и на несуществующія ихъ семейства, или какъ обыгрываніе навѣрняка, шуллерскимъ образомъ нѣкоего интендантскаго офицера, у котораго этотъ столпъ, вмѣстѣ съ другимъ столпомъ

сольгородскимъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Загребистой лапы», въ одну ночь выудили сорокъ тысячъ казенныхъ денегъ. Офицеръ и по сію пору, то-есть, болѣе девяти лѣтъ, томится подъ судомъ, на гнилой сольгородской гауптвахтѣ, а облеченные властью и почетомъ шуллера, девять лѣтъ благодѣнствуютъ и изображаютъ изъ себя праведниковъ чести и безкорыстія.

Умный, ловкій, замѣчательно - хорошо образованный, этотъ соляной столпъ является наилучшимъ образцомъ изящества прошлаго времени. Представьте себѣ воплощенную солидность, убѣленную почтенными сѣдинами, громаднѣйшее сознаніе чувства собственнаго достоинства, непоколебимое убѣжденіе въ своей силѣ, вѣскости, умѣ и житейской ловкости, благодушно снисходительный и въ то же время надменный взглядъ губернскаго сановника, умѣнье казаться глубокимъ политикомъ и непроницаемымъ дипломатомъ, который показываетъ видъ, что умѣетъ хранить государственныя тайны первѣйшей важности и нарочно, для пущаго сходства съ типами дипломатіи, притворяется глухимъ, хотя слышитъ отлично; прибавьте къ этому мастерское умѣнье владѣть рѣчью, изящнѣйшія манеры и неодолимое желаніе ловласовски нравиться и плѣнять собою — представьте себѣ все это, и вы получите приблизительное понятіе о томъ, что̀ такое проворовавшійся соляной столпъ. Это совсѣмъ гладѣнькій, разду-

шенный и напудренный петиметръ-пѣтушекъ прошлаго вѣка. Онъ отличается необыкновенно изящными, почти женственными привычками, и всѣ потребности, всѣ вкусы его изящны до нѐльзя. Домъ его преисполненъ предметами роскоши, изящнаго мастерства и искуства. Его поваръ истинный артистъ. Его погребъ полонъ тонкихъ, рѣдкихъ винъ и напитковъ. Его гостепріимство, посвященное однимъ только избраннымъ, носитъ на себѣ яркую печать привѣтливаго барства. Каждый день, утромъ и вечеромъ онъ беретъ ароматическую ванну, для укрѣпленія своего старческаго, но изящнаго тѣла. Каждый день, по четыре раза мѣняетъ свое раздушенное бѣлье и костюмы. Любитъ поэзію жизни и литературы, пріятное общество и прекрасныхъ женщинъ. Не смотря на свои далеко-преклонные годы, соляной столпъ остается присяжнымъ, ярымъ и вѣчно-изящнымъ поклонникомъ прекраснаго пола, и для избранныхъ дамъ своего сердца, которыхъ въ Сольгородѣ насчитываютъ цѣлый гаремъ въ пять красавицъ, строитъ и покупаетъ дома и „благодѣтельствуетъ“ солянымъ капиталомъ. Онъ мастерски умѣетъ жить, умѣетъ мастерски пользоваться жизнью и всѣми ея благами, и хорошо знаетъ себѣ цѣну. Въ цѣлой губерніи было только три-четыре лица, которыхъ онъ почиталъ *почти* равными себѣ, удостоивалъ званія своихъ пріятелей и протягивалъ полную кисть правой руки. За-

тѣмъ, было около десятка лицъ, удостоенныхъ протягиванья руки лѣвой; десяткамъ тремъ подавались только три или два пальца, а остальные смертные должны были почитать себя счастливыми, если сольгородская особа благоволила замѣчать ихъ усерднѣйшіе поклоны, на которые отвѣтствовала одними лишь величественно-благосклонными кивками. И представьте же себѣ теперь, что баринъ такого закала былъ на словахъ одинъ изъ самыхъ яростныхъ, передовыхъ современныхъ либераловъ, громко проповѣдывая (въ своемъ, конечно, кругѣ) идеи соціализма, объявлялъ себя истымъ поклонникомъ Фурье, Сен-Симона, Блана, Прудона, и по старинѣ чтилъ память «великаго старика» Вольтера, даже изящно излагалъ свое сочувствіе коммунистическимъ принципамъ, что́, впрочемъ, успѣлъ доказать и на дѣлѣ, по крайней-мѣрѣ, въ отношеніи казенной собственности; любилъ также съ большимъ чувствомъ поговорить объ угнетенныхъ націяхъ — и все это такъ тонко, дипломатически, такъ умно, такъ изящно, солидно и въ то же время такъ яростно-современно, что, поневолѣ, всѣхъ и каждаго заставлялъ уважать въ себѣ большую, высокопревосходительную особу, регаліями изукрашенную и передового современнаго прогресиста. Говорятъ, будто даже состоялъ онъ въ дружеской перепискѣ съ различными всероссійскими и всеевропейскими знаменитостями, и будто при случаѣ, за стаканомъ добраго вина

съ доброй регаліей въ зубахъ, любилъ коварно намекнуть объ этомъ тѣсному и немногочисленному кружку своихъ избранныхъ пріятелей. И вдругъ — Боже мой, Боже!—Этакой-то человѣкъ, эта звѣзда, и краса, и гордость, казалось бы, каждой цивилизованной націи—вдругъ проворовался!..

Но провороваться—у насъ, слава тебѣ Господи, пока еще не вездѣ и не всегда значитъ обезчеститься и потерпѣть достодолжную участь. Въ Сольгородѣ, во время производства слѣдствія, жило прочное убѣжденіе, что этотъ столпъ выкрутится здравъ, невредимъ и честенъ изъ своего скандальнаго дѣла, и возсядетъ, пожалуй, на старое мѣсто еще съ большимъ почетомъ, какъ пострадавшая за правду невинность, и еще глубже, съ безконечной уже самоувѣренностью, пуститъ сосущіе корни свои въ казенную соль. Составилось даже нѣсколько пари по этому поводу.

Весь ходъ и подробности этого слѣдствія передавать теперь нѐ къ чему—это повлекло бы слишкомъ далеко мои фантастическіе очерки о фантастическихъ герояхъ. Извѣстно только, что нашли нужнымъ смѣнить нѣсколько комисій: всѣ онѣ, будто бы, по нѣкоторымъ причинамъ, оказывались несостоятельными. Извѣстно также и то, что ближайшій подчиненный столпа, воръ мелкій, такъ-сказать, административный карманникъ, который пользовался

въ нѣкоторомъ родѣ крупицами, перепадавшими на его долю отъ роскошной трапезы патрона, сидѣлъ въ острогѣ, тогда какъ патронъ подвергнутъ былъ только легкому домашнему аресту, въ уваженіе къ его почтенному сану, а болѣе, кажется, къ почтенной цифрѣ украденной суммы. Да и то еще въ первое время сольгородскія власти были повергнуты въ затруднительное смущеніе и недоумѣвали, имѣютъ ли они право и дерзнутъ ли на «подвергнутіе» даже и домашнему аресту особу, столь важно проворовавшуюся!

И наконецъ, когда рѣшеніе это было прислано имъ изъ подлежащаго мѣста, то власти распорядились поставить къ крыльцу соляной особы полицейскаго солдата, якобы для пущаго почета, а въ переднюю, гдѣ пребываетъ сонмище лакеевъ, нашли нужнымъ посадить, вѣроятно, тоже въ видахъ почета, полицейскаго офицера и въ заключеніе обязали повара соляной особы подпискою, что на все время домашняго ареста, онъ будетъ питать особу «удобоваримою пищей».

Но особа, кажется, не признаетъ надъ собою никакого контроля полицейскихъ приставниковъ. По крайней-мѣрѣ, однажды, въ передвесеннее утро, сольгородскіе обыватели, находившіеся въ данный моментъ на улицѣ по близости соляного дома, были очевидцами такого рода оригинальной сцены:

У соляного подъѣзда ожидалъ соляной экипажъ, въ которомъ соляной столпъ долженъ былъ отправиться въ засѣданіе слѣдственной комиссіи. Выходитъ столпъ, поддерживаемый подъ руку гайдукомъ-лакеемъ, въ сопровожденіи приставленнаго квартальнаго надзирателя, и садится въ свой экипажъ. Квартальный занесъ-было ногу туда же, но соляной столпъ строго и выразительно говоритъ ему:

— Пошелъ вонъ, братецъ! Ты забываешься... Куда ты лѣзешь!

— Помилуйте, ваше высокопрв-ство, нельзя-съ!... Законъ... обязанность моя...

И вмѣстѣ съ этими словами, снова ставитъ ступню на подножку, но не успѣлъ исполнить даже и этого маневра, какъ соляная особа самолично удостоила его пихнуть кулакомъ въ грудь и гаркнула кучеру: «пошелъ!»

Лошади рванулись, а полицейскій приставникъ полетѣлъ въ грязь.

Говорятъ, будто было очень смѣшно видѣть, какъ несчастный, ушибленный и весь перепачканный уличной слякотью, подобравъ полы шинелишки, пустился крупною рысью въ догонку за своимъ превосходительнымъ арестантомъ, пока-то, наконецъ, не выручилъ его первый попавшійся извощикъ. Но клячонкѣ не угнаться за породистыми рысаками, и потому приставленный стражъ прибылъ въ комиссію гораздо позднѣе почетнаго арестанта. Принесъ,

конечно, жалобу; но... будь это не соляной столпъ, а простой смертный,—подобный поступокъ, на основаніи закона, былъ бы сочтенъ за покушеніе къ побѣгу изъ-подъ ареста, сопряженное съ явно-насильственнымъ образомъ дѣйствія, и судился бы, какъ отдѣльное и весьма нешуточное уголовное преступленіе, а въ данномъ случаѣ, какъ гласитъ молва, попросили только его превосходительство впередъ по возможности избѣгать такихъ рѣзкихъ и притомъ публичныхъ демонстрацій, а полицейскому офицеру подлежащее начальство даже задало порядочную гонку, за то, что позволилъ себѣ дерзкое, оскорбительное обращеніе съ высокимъ плѣнникомъ: «какъ будто не могъ, невѣжа, съ разу сѣсть на извощика!» и посовѣтывало даже попросить, нижайше и немедленно же, прощенія у его превосходительства. Его превосходительство, кажется, всемилостиво снизошелъ на просьбу и удостоилъ простить.

Одинъ изъ державшихъ пари доказывалъ, что соляной столпъ непремѣнно выйдетъ чистъ и невиненъ.—Оно и по законамъ высшихъ судебъ должно бы быть такъ, говорилъ онъ:—ибо вопервыхъ, вспомните, что это особа; вовторыхъ, примите въ соображеніе почтенную цифру; втретьихъ, отъ покаранія такого лица падаетъ авторитетъ власти, которая по принципу долженствуетъ быть облечена во всѣ атрибуты папской непогрѣшимости; вчетвертыхъ, ослабляется уваженіе, субординація, ну, и проч.; впятыхъ,

сильныя связи въ высотѣ и самое положеніе въ обществѣ; вшестыхъ, дальнѣйшее теченіе дѣла можетъ, пожалуй, повлечь если и не къ положительному открытію непосредственнаго участія, то по крайней-мѣрѣ къ сильному подозрѣнію въ участіи такихъ лицъ, о которыхъ лучше почтительно помалчивать; наконецъ, вседьмыхъ, умъ—и это главнѣе всего!—умъ проворовавшагося столпа, который не допуститъ его влопаться, подобно куру во-щи. Умъ его выручитъ. Видите ли, сколько шансовъ *за* него! А *противъ* него? Ну, что̀ такое, и въ самомъ дѣлѣ, стоитъ противъ него? Все предметы такого эфемернаго, фиктивнаго свойства, о которыхъ и говорить-то серьёзно, по настоящему, не сто̀итъ—сущее ничтожество. Какой-нибудь государственный интересъ—да чортъ ли въ немъ, если намъ-то самимъ хорошо жрётся и спится! Какое нибудь временное возвышеніе цѣнъ на соль, котораго кромѣ нищаго, да мужика, пожалуй, ни чей карманъ и не замѣтитъ особенно; какой-нибудь, наконецъ, высшій интересъ правды, справедливости, законнаго возмездія; но... всѣ эти такъ называемыя, правды, справедливости и законныя возмездія, конечно, будутъ вполнѣ удовлетворены и тѣмъ, если прогуляется на каторгу какой-нибудь мелкій административный карманникъ, какой-нибудь подчиненный чиновникъ, а сама особа... нѣтъ, это уже будетъ слишкомъ много чести для каторжниковъ, если въ ихъ сообществѣ

окажется такой обелискъ соляного міра: этимъ всѣмъ черезчуръ уже много поддержится вредный элементъ комунистической равноправности. Надо же вѣдь сколько-нибудь соблюдать и чувство политической мѣры. Не все же и не во всемъ брать примѣръ съ нашихъ «заатлантическихъ друзей» американцевъ—c'est du trop, messieurs, c'est du trop! Надо и честь знать, не забываться и помнить, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

Я сказалъ—умъ. Да, умъ его непремѣнно долженъ бы выручить! Къ примѣру можно привести одинъ фактъ изъ слѣдствія, который люди въ нѣкоторой степени компетентные выдаютъ за фактъ непреложный.

Административный карманникъ, сидѣвшій въ острогѣ, даетъ однажды въ присутствіи слѣдственной комисіи чистосердечное показаніе, что такого-то, молъ, числа, такого-то мѣсяца, я, административный карманникъ, передалъ моему непосредственному патрону и благодѣтелю, въ собственномъ его кабинетѣ, безъ постороннихъ свидѣтелей, двѣсти тысячъ серебромъ соляныхъ денегъ, въ чемъ и сознаюсь, молъ, по совѣсти; а какое употребленіе сдѣлалъ изъ оныхъ патронъ мой, о томъ остаюсь неизвѣстенъ.

Приглашаютъ патрона и, неловко заминаясь, почтительнѣйше докладываютъ ему, что такъ и такъ, ваше превосхо-

дительство, но... вотъ какого рода показаніе... Что вы на это скажете?

Соляной обелискъ выслушалъ весьма внимательно все, что ему говорилось, и вдругъ изрекаетъ имъ съ твердостью духа, достойною римскаго Катона:

— Да; это точно... Все это безусловная правда. Дѣйствительно, такого-то числа, я взялъ отъ него двѣсти тысячъ казенныхъ денегъ.

— И при совершенно такихъ обстоятельствахъ?

— Да, милостивые государи, совершенно при такихъ обстоятельствахъ. Говорю вамъ это откровенно!

— Но... позвольте, ваше превосходительство... извините... при описи имущества, таковой суммы въ наличности не оказалось. Извините, но мы вынуждены знать, какое употребленіе сдѣлали ваше превосходительство изъ этихъ денегъ.

— О, это я охотно могу сообщить вамъ! Такого-то числа, такого-то мѣсяца, находясь въ Петербургѣ, по дѣламъ службы и будучи въ кабинетѣ N. N., моего высшаго начальника (при этомъ было названо имя весьма значительнаго сановника) я передалъ эти двѣсти тысячъ ему, съ рукъ на руки: но какое употребленіе онъ изъ нихъ сдѣлалъ, о томъ мнѣ неизвѣстно.

Члены комиссіи пришли въ соотвѣтственный и вполнѣ достодолжный ужасъ.

— Какъ!.. помилуйте, ваше превосходительство! О комъ вы говорите! Вѣдь вы обвиняете г-на N. N. въ лихоимствѣ!

— Да, съ твердостью отвѣчаетъ обелискъ:—обвиняю въ лихоимствѣ. Я сказалъ и подтверждаю еще разъ мои слова.

— Но... воля ваша—хотя мы, конечно, и не осмѣливаемся не вѣрить вамъ: однако, г. N. N. такое лицо!... и вдругъ лихоимство... двѣсти тысячъ... извините, ваше превосходительство; но... это невѣроятно.

Его превосходительство только и ждалъ этого слова.

— Позвольте, твердо и многозначительно остановилъ онъ сомнѣвавшихся: — я протестую и объявляю, что вы, господа, дѣлаете мнѣ очевидно пристрастные допросы. Вы говорите: невозможно, невѣроятно! Согласенъ: фактъ, дѣйствительно, невѣроятенъ по своей ясной нелѣпости. Но осмѣлюсь спросить васъ: почему вы принимаете совершенно тождественное показаніе отъ моего подчиненнаго противъ меня, и сомнѣваетесь въ истинѣ точно такого же моего показанія противъ г-на N. N.? На чемъ основаны ваши сомнѣнія, если не на пристрастномъ желаніи обвинить меня во чтобы то ни стало? Этотъ чиновникъ — лицо непосредственно *мнѣ* подчиненное; я же непосредственно подчиненъ г-ну N. N. Градація подчиненности, въ этомъ случаѣ, совершенно правильная. Поло-

жимъ, я — воръ, и мой подчиненный — тоже воръ; допустимъ даже, что мы воры въ совершенно равной степени, ибо и онъ, и я обвиняемся въ одной и той же кражѣ. Но почему же вы отдаете преимущество истины показанію одного вора противъ другого, и лишаете того же преимущества другого вора противъ третьяго. Гдѣ же справедливость? Гдѣ же безпристрастіе и законъ, послѣ этого? Вы вѣрите одной нелѣпости и не вѣрите другой, подобной же! Я покорнѣйше прошу записать мое показаніе и внести въ протоколъ справедливый протестъ мой.

Члены комисіи съѣли грибъ и только руками развели отъ столь ловкаго парированія удара.

III.

Лапчатые.

Если о комъ можно и даже должно говорить непосредственно послѣ „соляныхъ“, то это именно о „лапчатыхъ“. Безпристрастная справедливость даже требуетъ, чтобы мы поставили ихъ на ряду съ «соляными», такъ-какъ это— рекомендую: еще одинъ грандіозный типъ чудотворно-теплой сольгородской администраціи. Представитель его именно и есть тотъ самый администраторъ-распорядитель, извѣстный подъ именемъ медвѣжьей «Загребистой лапы», о которомъ мы уже упоминали.

Представьте вы себѣ браваго мужчину, изъ породы тѣхъ, которыхъ называютъ „жеребцами“, или «бель-омами», и которыхъ почему-то особенно жалуютъ „преклонныхъ лѣтъ молодыя купчихи“. Саженный ростъ и полутора-аршинныя плечи; длинные русые усы, обличающіе своимъ характернымъ видомъ родовитое шляхетское происхожденіе; наглый и самоувѣренно дерзкій взглядъ, который смотритъ — чуть не говоритъ: «р-р-расшибу!!» и при этомъ

внушительный кулакъ, сразу могущій на смерть свалить извощика; словомъ сказать: мордобійца, мздовоздатель и стекловышибатель—судья и вершитель всѣхъ дѣлъ, гдѣ только есть возможность «облапить» что бы то ни было.

Взглянули бы вы на него, когда онъ, бывало, мчится съ рапортомъ къ сольгородской „маменькѣ", мчится въ пролеткѣ на разлетистой парѣ, въ пристяжку — картина, да и только! Замѣчательно, что извѣстнаго сорта администраторы ѣздятъ не иначе, какъ на разлетистой парѣ въ пристяжку, и даже не ѣздятъ, а непремѣнно мчатся сломя голову, причемъ ихъ кучера орутъ во всю глотку, „па-ади!" и „бер-гись!" — Это ихъ общая, неизмѣнно-типическая черта. Прохожіе почтительно кланяются, городовые тянутся въ струнку, и такъ проворно берутъ подъ козырекъ, что воочію видишь, какъ у нихъ въ это мгновеніе душа переселяется въ пятки. А онъ себѣ мчится бубновымъ козыремъ и только знай, глазами да усами поводитъ направо и налѣво, и поводитъ такъ строго, такъ внушительно, что каждый мимоидущій невольно мыслитъ про себя: „да, это вотъ начальство! совсѣмъ начальство!" И вотъ когда его бубновный взглядъ и вся его козырная физіономія особенно рельефно изображаютъ собою: „ррасшибу и проглочу, такіе вы, сякіе, раз-эдакіе!" А лошади у него дивныя, да и какъ имъ не быть дивными, если даромъ достаются и при этомъ. Загребистая-лапа даро·

вому коню еще въ зубы смотритъ — значитъ, пословицы не придерживается.

А взглянули-бы вы еще на него, когда на балу, въ дворянскомъ — значитъ, «благородномъ» клубѣ, онъ въ мазуркѣ выступаетъ—опять-таки картина великолѣпная! Загребистая-лапа считается первымъ мазуристомъ въ городѣ и всегда, въ первой парѣ, открываетъ этотъ танецъ, къ которому его тянутъ прирожденныя, національныя симпатіи. Онъ танцуетъ мазурку лихо, ловко, разлетисто, съ душою, съ родовитымъ шляхетскимъ гóноромъ, какъ умѣютъ танцовать одни только варшавскіе балетники въ знаменитомъ «Весельи въ Ойцовѣ». Знаменитый сольгородскій денди и левъ Пессингъ-сынъ, родичъ и другъ Загребистой-лапы, стремится подражать ему—но увы!—несмотря на все свое стараніе, походитъ болѣе на прыгающаго козла, чѣмъ на гонорóваго мазуриста. Нѣмецъ не можетъ быть мазуристомъ, ибо онъ по природѣ своей—олицетворенный гросфатеръ и «либеръ Августинъ». У Загребистой-же лапы—талантъ, истинный талантъ на мазурку. Какъ щегольски топаютъ его каблуки! Какъ задорно поводитъ онъ богатырскими плечами! — заглядѣнье! Заглядѣнье, да и только! А улыбка? а осанка? а взглядъ? О, этотъ бубново-козырный взглядъ... кто его забудетъ! Кто изъ васъ, сольгородскія щеголихи, модницы и львицы, не испытывалъ на себѣ его фельдфебельски-

маслянаго дѣйствія! Когда Загребистая-лапа, въ мазуркѣ, поворачиваетъ голову къ дамѣ и стремится взглядомъ проникнуть въ ея декольтè—этотъ взглядъ, и улыбка, и физіономія и вся фигура Загребистой-лапы выражаютъ собою характеръ козырного валета. Когда-же, съ лихимъ порывомъ передёрнетъ онъ плечами да подщелкнетъ каблуками, и вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ откинетъ въ другую сторону свою голову, да поведетъ глазами на всю почтеннѣйшую и «благородную» публику—тогда въ этомъ взглядѣ, въ этой лихой строгости всей фигуры мазуриста ярко сверкнетъ вамъ въ очи козырной бубновый тузъ—такъ тузомъ и смотритъ.

Но онъ лихъ не на одну мазурку. Онъ знаетъ и другіе танцы—казачокъ въ присядку, напримѣръ; и даже по образцу комедіянтскихъ собачекъ, отмѣнно умѣетъ, когда потребуется, на заднихъ лапкахъ ходить. Обученъ и этому. И, могу сказать, съ особеннымъ искуствомъ обученъ, чему, конечно, не мало способствовалъ и врожденный талантъ, ибо Загребистая-лапа, по происхожденію своему, принадлежитъ къ родовито-шляхетской расѣ, которая, по преимуществу, выработала себѣ историческое умѣнье — передъ высшимъ и нужнымъ человѣчкомъ «стелиться подъ стопки паньски и цалóвать рèньчки паньски».

Я упомянулъ про казачокъ съ присядкой. Очевидцы

разсказываютъ, что когда сольгородское «обчество» выстроило на высокой горѣ отмѣнный домъ и преподнесло его въ интимный и секретный даръ *другой* загребистой лапѣ, то наша домашняя сольгородская лапа танцовала передъ этой генерал-лапой трепака и казачка въ присядку. Такъ таки и отколола трепака, а генерал-лапа взиралъ на этотъ танецъ съ высоты мягкаго дивана, пуская клубы благовоннаго дыма. Это событіе произошло тогда, когда Сольгородъ справлялъ новоселье генерал-лапы въ новомъ, благопріобрѣтенномъ домѣ. При этомъ все сольгородское общество, изо всѣхъ силъ, наперерывъ стремилось отличиться передъ генерал-лапой. Отличалось купечество, отличалось чиновничество, не ударило лицомъ въ грязь и соляное сольгородское дворянство. Всѣ явились съ подарками. Одинъ поставилъ даровую мебель, другой даровую посуду, третій свою супругу, четвертый спальную принадлежность, пятый ковры драгоцѣнные, а сольгородская Загребистая-лапа преподнесла огромный телескопъ, въ который можно далеко озирать окрестности. Этимъ подаркомъ она, видите-ли, желала угодить начальственно-наблюдательной прозорливости и бдительности генерал-лапы. Въ этомъ подаркѣ скрывалась, такъ-сказать, своя аллегорія — дескать, ты наблюдай теченіе свѣтилъ небесныхъ, обозрѣвай картинныя окрестности сольгород-

скія, но старайся не замѣчать, что творю у тебя подъ носомъ я, сольгородская лапа.

Говорятъ, будто генерал-лапа понялъ смыслъ этого подарка и поступалъ сообразно съ желаніемъ усерднаго подносителя, который тутъ-же, для пущаго умасленія своего патрона, и разразился, при всей компаніи, казачкомъ и трепакомъ съ присядкой.

Въ обществѣ—это любезнѣйшій человѣкъ, что-называется, душа-человѣкъ, такъ что его называютъ даже «очаровательной лапой». Сколько предупредительной любезности, сколько милой развязности, истинно-чистосердечнаго веселья, соединеннаго съ солиднымъ достоинствомъ, и сколько, наконецъ, галантерейнаго шику въ обращеніи!

Онъ предупредительно любезенъ и услужливъ до послѣдней степени: любите вы, напримѣръ, поѣсть и выпить—онъ вмѣстѣ съ вами и поѣстъ, и выпьетъ, и даже несравненно лучше васъ выпьетъ, ибо на этотъ счетъ далеко не дуракъ. Любите вы женщинъ — онъ вамъ покажетъ такихъ, что только пальчики облизнете. Любите вы въ карты кого нибудь обыграть—онъ и въ томъ вамъ поможетъ, и даже лучше васъ обыграетъ, даже можетъ, при случаѣ, на вѣрняка не то что обыграть, но чисто ужь объегорить ближняго. Любите вы разговоры вести въ современно-либеральномъ вкусѣ — Загребистая-лапа

изумитъ васъ прогрессивною дерзостью своихъ взглядовъ и убѣжденій; если же замѣтитъ въ васъ консервативныя наклонности, то вѣрьте, вамъ покажется, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ человѣка консервативнѣе Загребистой-лапы. Словомъ, это, говорю, вполнѣ душа-человѣкъ, теплый и покладистый малый на всѣ руки—чистыя и нечистыя.

Онъ тоже любитель изящнаго. Благопріобрѣтенный домъ его на одной изъ лучшихъ улицъ щеголяетъ предметами роскоши и вкуса. Тутъ и бронзы, и мраморы, и ковры, и картины, и коллекція прекрасныхъ, рѣдкостныхъ оружій въ кабинетѣ, и, что лучше всего, эти всѣ прелести достаются ему даромъ: купцы приносятъ изъ благодарности, а иное и самъ онъ уноситъ у купцовъ изъ лавокъ, и за это требуетъ тоже благодарности. Вообще любитъ признательность къ своей особѣ.

Онъ великій практикъ, и поэтому все, что только можетъ быть обложено въ городѣ данью и пошлиной—все это обложено: и извощики, и разнощики, и торговыя заведенія.

Но кромѣ того, что Загребистая-лапа человѣкъ практическій, онъ еще человѣкъ остроумный и изобрѣтательный. Это вы увидите тотчасъ-же изъ нѣсколькихъ очерковъ, которые вполнѣ обрисуютъ въ немъ данныя качества.

Начать съ того, какимъ образомъ добылъ онъ себѣ свое настоящее теплое мѣсто въ Сольгородѣ?

Десять лѣтъ тому назадъ, онъ сидѣлъ здѣсь-же, на этомъ самомъ мѣстѣ, и безмятежно воспѣвалъ старинный романсъ:

Бери! большой тутъ нѣтъ науки!
Бери, чтò только можешь взять!
На что-жь придѣланы къ намъ руки,
Какъ не затѣмъ, чтобъ брать, брать, брать! (*)

Но вдругъ случился нѣкоторый казусъ. Дернула его нелёгкая, вмѣстѣ съ проворовавшимся нынѣ солянымъ столпомъ (который тогда еще былъ столпъ незаподозрѣнный), обыграть на вѣрняка одного интендантскаго офицера. Я уже немножко упоминалъ объ этомъ казусѣ. Въ одну ночь болѣе сорока тысячъ серебромъ казенныхъ денегъ перешло въ карманы двухъ благопріятелей. Офицера отдали подъ судъ, засадили на гауптвахту, гдѣ онъ и по сей день обрѣтается. Нѣкоторые изъ свидѣтелей, которые могли доказать настоящую суть дѣла, вдругъ невѣдомо отчего скоропостижно скончались, другіе невѣдомо куда пропали, исчезли, затерялись по лицу земли — и дѣло застряло. Загребистой-лапѣ предложили выйти въ отставку. Она и вышла, и переселилась въ одинъ изъ поволжскихъ городовъ, гдѣ попреимуществу практикова-

(*) Впрочемъ, въ Сольгородѣ и нынѣ рѣдко кто не любитъ этого романса.

лась насчетъ картишекъ. Такъ продолжалось это дѣло до тѣхъ поръ, пока въ Сольгородъ не назначили для высшихъ наблюденій генерал-лапу. Лапа учуяла лапу и поспѣшила переселиться въ Сольгородъ. Подлизалась и подмазалась она подъ патрона, и состояла при немъ, хотя и неофиціально, но гласно, въ качествѣ генеральнаго поставщика прекраснаго пола и сыщика денегъ взаймы безъ отдачи.

Генерал-лапа былъ особа страшная — диктаторъ въ нѣкоторомъ родѣ, который однимъ почеркомъ пера и въ Сибирь могъ упрятать, и въ землю закопать; поэтому, для его надобностей всегда находились безпрекословно и особы прекраснаго пола, и деньги взаймы безъ отдачи. Однажды, когда Загребистая-лапа успѣлъ чѣмъ-то особенно угодить генерал-лапѣ, обратился онъ къ патрону съ слезною просьбой, что такъ и такъ, молъ, полонъ энергіи и силы, душа алкаетъ живительной дѣятельности, жажду положить животъ свой на алтарь отечества и лапу свою на гражданъ сольгородскихъ, но, увы! мѣста злачна и прохладна не иму, смоковницы своей сѣнедательной лишенъ, а хотѣлось-бы поступить на прежнюю должность; и ужъ мы бы съ вами, говоритъ, зажили тогда, ваше—ство! ужъ такъ-то бы зажили—во вся широты! Генерал-лапа и самъ разумѣетъ, что это, дѣйствительно, было-бы недурно, и говоритъ: «согласенъ, братецъ! работай это

дѣло, а я подѣйствую своимъ вліяніемъ». Загребистая-лапа принялся за работу. Первымъ дѣломъ устроилъ у себя интимный, дружескій банкетъ, на который пригласилъ генерал-лапу да градского главу и выжигу купца Живодёрина. Купецъ Живодёринъ—особа вѣская, капитальная и медалями украшенная, держитъ въ своихъ рукахъ весь мелкій торговый людъ. Иные вручили ему свои капиталы для торговыхъ операцій, инымъ и самъ ссужаетъ нѣкоторыя суммы, на третьихъ скупаетъ векселя и прочее; словомъ, дѣйствуетъ какъ жирный паукъ, опутывающій всякую мелкую мошку. Купеческая мелкота, составляющая большинство каждаго градскаго «обчества», находится положительно въ рукахъ Живодёрина: что онъ захочетъ, то съ нею и дѣлаетъ, потому—сила, а съ произволомъ этой силы для мелкоты связанъ вопросъ насущнаго хлѣба.

Загребистая-лапа прямо и билъ на эту чувствительную точку. За банкетомъ, послѣ обильныхъ возліяній, сталъ онъ разводить сладостные разговоры о томъ, какой онъ былъ во время óно отецъ и благодѣтель города, какъ пекся и заботился о гражданахъ, какой былъ мягкій и сговорчивый начальникъ. Живодёринъ поддакивалъ: ему и самому-то вполнѣ былъ на руку начальникъ именно подобнаго сорта. Вдругъ генерал-лапа торжественно заявляетъ, что онъ—*онъ самъ* желаетъ, дабы Загребистая-

лапа снова усѣлся на прежнемъ своемъ мѣстѣ; но усѣлся бы не иначе, какъ по добровольному приговору градскаго общества. Живодёринъ далъ свое согласіе, и тутъ-же они это дѣло и порѣшили. На другое утро градской глава сбираетъ «обчество», то есть всю свою мелкоту и говоритъ: «извольте подписывать приговоръ, яко бы, то-есть, всѣ мы единодушно желаемъ видѣть Загребистую-лапу вновь отцомъ и благодѣтелемъ нашего города, съ производствомъ ему, помимо штатнаго жалованья, четырехъ тысячъ годоваго содержанія изъ градскихъ суммъ». Мелкота, скрѣпя сердце, подписала, и Загребистая-лапа былъ избранъ въ отцы и благодѣтели приговоромъ большинства.

Ахнулъ и воемъ взвылъ весь Сольгородъ, когда узналъ, что снова къ нему накачалось этакое благополучіе — да ужь плачь не плачь, а ничего не подѣлаешь! За то всѣ воры и мазурики, крупные и мелкіе, чиновные и безчинные, возопили гласомъ радованія; а корпорація сольгородскихъ мошенниковъ (въ прямомъ смыслѣ), карманниковъ и базарныхъ плутовъ, какъ говорятъ, даже торжественный молебенъ въ соборѣ отслужила, по поводу столь радостнаго для нея событія.

Но вторичное занятіе стараго мѣста — штука болѣе практическая, чѣмъ остроумная, хотя безъ извѣстнаго остроумія и ее не продѣлаешь. Но вотъ гдѣ, напримѣръ, идетъ уже чистое остроуміе.

Въ Сольгородѣ, какъ и во многихъ городахъ россійскихъ, бываетъ большая ярмарка, на которую съѣзжаются купцы съ разныхъ концовъ нашего отечества и ведутъ здѣсь крупнѣйшіе дѣла и обороты. Ярмарка эта приноситъ Загребистой-лапѣ ежегодно чистаго, негласнаго дохода отъ двадцати до тридцати-пяти тысячъ, и даже болѣе. Каждый пріѣзжій къ ярмаркѣ купецъ обязанъ явиться къ Загребистой-лапѣ — засвидѣтельствовать свое почтеніе и предъявить свой паспортъ. Въ свернутомъ паспортѣ необходимо лежитъ благоприличное „поздравленіе съ пріѣздомъ“. Если поздравленіе удовлетворяетъ лакомому вкусу Загребистой-лапы, онъ съ величайшей любезностью возвратитъ паспортъ предъявителю на другой-же день, а если не удовлетворяетъ, то, въ такомъ случаѣ, пойдутъ разныя задержки, замедленія, да недоразумѣнія, пока самъ купецъ не догадается поклониться Загребистой-лапѣ добавочнымъ поздравленіемъ. Съ рабочихъ и съ извощиковъ, появляющихся на ярмарку, точно также взимается „поздравленіе“ и „поклонныя“, и взимаются они то порознь, отдѣльно съ души, то гуртомъ, поартѣльно.

Вмѣстѣ съ купцами наѣзжаютъ въ Сольгородъ разные предприниматели и предпринимательницы по части увеселеній и услажденій рода человѣческаго. Всѣ они вмѣстѣ со своимъ товаромъ селятся на это время въ особой части

города, сплошь и рядомъ, одни подлѣ другихъ. Такимъ образомъ, часть увеселеній остается вполнѣ сконцентрированной, и это обстоятельство представляетъ большія удобства для Загребистой-лапы. Нечего и говорить о томъ, что каждый изъ изъ предпринимателей поступаетъ въ число временно-обязанныхъ Загребистой-лапы и обложенъ извѣстнымъ оброкомъ, который достигаетъ въ иныхъ случаяхъ даже до нѣсколькихъ тысячъ съ одного лица. Оброкъ, большею частью, вносится въ опредѣленные сроки, еженедѣльно. Но вдругъ кто нибудь изъ этихъ господъ забудетъ достодолжную субординацію и промедлитъ какой нибудь день. Загребистая-лапа, свѣрившись по своей записной книжкѣ и убѣдившись, что просрочка дѣйствительно существуетъ, призываетъ къ себѣ тотчасъ-же мѣстную власть, которую олицетворяетъ собою приставъ Шпицбалъ, и приказываетъ ему „распорядиться". Приставъ Шпицбалъ такъ ужь и знаетъ, что такое значитъ это „распоряженіе". Какъ только стихнетъ къ вечеру ярморочная дѣятельность, и всѣ торговые люди предадутся кутежу и безобразію, у дверей провинившагося предпринимателя вдругъ появляется, словно изъ земли выросши, полицейскій стражъ. Стоитъ себѣ у подъѣзда на панели и, что̀ называется, позицію наблюдаетъ. Оно вѣдь, въ сущности, словно-бы и ничего: ну, что̀ въ томъ что полицейскаго стража взяли да поставили? А между

тѣмъ, послѣдствія такого невиннаго стоянья не замедлятъ обнаружиться тотчасъ-же.

Подъѣзжаетъ, напримѣръ, къ этому самому подъѣзду какая нибудь веселая компанія и, конечно, усматриваетъ стража.

— Вы куда это, господа почтенные? Наверхъ? дружелюбно обращается къ нимъ стражъ.

— Наверхъ. А что такое?

— Да такъ... Лучше-бы вамъ ѣхать къ кому нибудь по сосѣдству.

— Зачѣмъ по сосѣдству? Мы сюда хотимъ!

— Какъ угодно; это, конечно, воля ваша, а только чтобъ потомъ чего-бы... Я вѣдь изъ благорасположенья, значитъ, а не то чтобы... А впродчимъ, какъ угодно.

— Да что такое? въ чемъ дѣло?

— Такъ-съ, ничего... Обыскъ, значитъ, будетъ... Обыскъ полицейскій... затѣмъ и приставлены.

— Какъ обыскъ? Когда?..

— Да вотъ ждемъ, почитай, что сею минутою нагрянутъ; такъ, можетъ, чтобы какъ нибудь и васъ, значитъ, тово... тоже маленько къ дѣлу не пристегнули-бы... Ужь вы—душевно говорю—лучше-бы къ кому нибудь по сосѣдству.

— А!.. Ну, спасибо, голубчикъ служивый, что предупредилъ! Это точно что не дай-Богъ!... Спасибо! На тебѣ

на чай за это! кланяется благодарная компанія: — эй, извощики! подавай! Кати, значить дальше!

И поворачивають оглобли „по сосѣдству“.

Въ ту жь минуту, вслѣдъ за первой, наѣзжаетъ другая компанія. Полицейскій стражъ повторяетъ свое дружелюбное предостереженіе. За другою является третья, за третьей четвертая—и со всѣми то же самое. Провинившійся предприниматель ждетъ-поджидаетъ, смотритъ-высматриваетъ гостей, и на первый часъ ума приложить не можетъ, что бы это такое значило? У всѣхъ гости, у всѣхъ народъ, вездѣ и далеко вокругъ слышенъ шумъ, гамъ, суетня, крики, содомъ и гоморра, музыка заливается, топотъ и танцы, и дымъ коромысломъ, шампанское льется, и оконныя стекла въ дредезгахъ летятъ на улицу, а у него великопостная пятница; одинъ онъ лишенъ всей этой благодати, у него одного лишь въ освѣщенныхъ залахъ ни души, и только, словно осеннія мухи, зѣвая, бродятъ лѣниво изъ угла въ уголъ разряженныя и декольтированныя феи. За что же такая печать отверженія? Чѣмъ прегрѣшилъ онъ сугубо?

Но печальное заблужденіе длится недолго.

Предприниматель усматриваетъ, наконецъ, подъ сѣнью своего крыльца сольгородскаго альгвазила, и сразу же домекается, что̀ знаменуетъ сіе знаменіе: альгвазилъ будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока виновный не загладитъ

свой проступокъ, пока онъ не озаботится самъ возстановить законы нарушенной имъ субординаціи и почтенія. Отпираетъ онъ, злосчастный, свою завѣтную шкатулку, отсчитываетъ изъ нея хорошенькую, вкусную пачку, и съ прискорбнымъ вздохомъ опустивъ ее въ свой боковой карманъ, и посыпавъ главу пепломъ раскаянія, смиренно отправляется къ приставу Шпицбалу.

Приставъ Шпицбалъ, какъ добрый отецъ, духовне побесѣдуетъ, въ тиши своего кабинета, съ кающимся грѣшникомъ (или съ грѣшницей), прочтетъ ему приличное назиданіе о повиновеніи властямъ предержащимъ и о сладости почтенія къ онымъ, и келейно взыщетъ съ него лапови лапово и шпицбалови шпицбалово. Но взыщетъ не обычно-положонное, а сугубое.—„Ты, дескать, другъ любезный, какъ думаешь отдѣлаться? обычнымъ жертвоприношеніемъ? Нѣтъ, ангелъ мой, нельзя! невозможно! Грѣхъ твой требуетъ эпитиміи. На капиталъ, извѣстно, съ каждымъ днемъ свой процентъ наростаетъ, а нынче время-то торговое; значитъ, деньги дороги. Ты сутки (цѣлыя сутки!) просрочилъ, а за просрочку платежей и по закону неустойка полагается!

— Батюшка! ваше благородіе! господинъ Шпицбалъ! Помилосердствуйте! молитъ провинившійся предприниматель:—послѣднее отъ сердца отрываю! съ кровію и плотію отрываю! Помилосердствуйте!

— Нельзя, мой другъ, при всей моей высокой любви къ тебѣ, невозможно! Потому—законъ! Ты знаешь — мы живемъ въ такое время... въ настоящее время, когда законъ равенъ для всѣхъ... Я и то ужь разсудилъ тебя по совѣсти, милостиво, и далъ тебѣ судъ скорый, потому сказано: „правда и милость да царствуютъ въ судѣ"... Ну, вѣдь прегрѣшилъ? и самъ знаешь, что прегрѣшилъ, самъ же и съ покаяніемъ пришелъ, не я вѣдь тянулъ тебя — самъ шелъ; а за грѣхъ и эпитимія налагается! Плати неустойку! Съ тебя понедѣльнаго сбору сколько установлено?

— Охъ, сотенная, батюшка, сотенная!

— Ну, стало быть, вноси полторы сотенки, и ступай себѣ съ Богомъ. Ссориться намъ съ тобой не приходится, потому, какъ знать! у тебя невзначай, гдѣ-нибудь въ чуланѣ, можетъ, и мертвое тѣло окажется, съ убойными знаками; вѣдь ты этого знать не можешь?

Предприниматель вдругъ становится бѣлѣе полотна, и дрожащими руками спѣшитъ поскорѣе расквитаться съ Шпицбаломъ, да давай Богъ ноги!

Сіяющій Шпицбалъ несется къ Загребистой-лапѣ.

— Ну, что? Привелъ къ покаянію?

— Привелъ, Павелъ Васильевичъ! И на путь истины направилъ!

— По закону?

— По закону-съ! То-есть, обычное понедѣльное, съ надбавкой пятидесяти процентовъ эпитимейныхъ.

— Молодецъ Шпицбалъ! Можешь получить съ него и свою долю.

— Слушаю-съ, Павелъ Васильевичъ! А съ часовымъ какъ прикажете распорядиться?

— Убрать, впредъ до распоряженія.

И Шпицбалъ откланивается Загребистой-лапѣ. При окончаніи своей аудіенціи, онъ потому освѣдомляется насчетъ часоваго, что Загребистая-лапа иногда и не приказываетъ убирать его, и это послѣднее распоряженіе дѣлается вотъ въ какихъ случаяхъ:

Въ собственномъ его, Загребистой-лапы, департаментѣ податей и сборовъ понадобится, напримѣръ, почему бы то ни было, произвести нѣкоторый косвенный экстраординарный налогъ, по отдѣленію сборовъ неокладныхъ, то-есть не въ счетъ обычнаго понедѣльнаго оброка. Является Шпицбалъ и получаетъ приказаніе немедленно же поставить полицейскій постъ къ дверямъ увеселительнаго заведенія подъ № 1-мъ, то-есть по порядку. Это, видите-ли, выходитъ нѣчто въ родѣ воинско-административной экзекуціи, каковая примѣнялась въ краяхъ повстанскихъ. Ну, конечно, и поставятъ альгвазила. За симъ слѣдуетъ точь въ точь повтореніе только-что разсказанной исторіи.

Сіяющій Шпицбалъ сейчасъ-же примчится къ Загребистой-лапѣ съ первымъ результатомъ неокладнаго сбора. Загребистая-лапа, насчетъ часоваго скажетъ ему одно только лаконическое слово: «къ слѣдующему!» — и альгвазилъ переходитъ нѣсколько шаговъ, къ подъѣзду увеселительнаго заведенія подъ № 2-мъ, и стоитъ тамъ впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Но вотъ, достигнутъ желанный результатъ со вторымъ нумеромъ—Загребистая-лапа командуетъ: «къ слѣдующему!» Альгвазилъ переходитъ къ № 3-му. Добились у третьяго — къ «слѣдующему!» Переходитъ къ четвертому — «къ слѣдующему!» — «къ слѣдующему!»—«къ слѣдующему!..» и такъ далѣе, пока, наконецъ, не будетъ обойдена по порядку вся слобода. Не правда-ли, изобрѣтеніе весьма остроумное?

Но остроумныя изобрѣтенія этимъ не ограничиваются: у Загребистой-лапы есть и другія, за которыя онъ вполнѣ можетъ быть удостоенъ и всероссійскихъ премій, и пожизненныхъ привиллегій, и даже почетнаго монтіона. Еслибы Наполеону III своевременно пришла мысль «создать» всемірную выставку нагдыхъ и остроумныхъ плутней, безцеремоннаго воровства и тонкаго грабительства— я увѣренъ, что Загребистая-лапа былъ-бы однимъ изъ первыхъ экспонентовъ на этой выставкѣ, и получилъ-бы одну изъ первыхъ почотныхъ медалей, такъ-что чиновно-

безчинный Сольгородъ, который, безъ сомнѣнія, тоже удостоился-бы одной изъ первыхъ медалей, могъ-бы, по всей справедливости, гордиться предъ лицомъ Европы такими своими представителями, какъ соляные столпы и Загребистая-лапа.

Загребистая-лапа содержитъ у себя на жалованьи нѣсколько темныхъ джентльменовъ, попросту сказать, воровъ и мазуриковъ, которые въ то же время служатъ ему и вѣрными наушниками. Въ числѣ разнородныхъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ Загребистой-лапой, находится, между прочимъ, обязанность шататься, во время ярмарки, по трактирамъ, увеселительнымъ заведеніямъ и танцклассамъ, затѣмъ, чтобы подымать тамъ ссоры и драки. Казалось-бы, зачѣмъ ему содержать при себѣ штатъ мазуриковъ, и для чего поручать имъ спеціальное производство драки и вчинаніе ссоръ въ мѣстахъ публичныхъ? А между тѣмъ, это тоже продуктъ остроумія Загребистой-лапы, который приносить ему свои вкусные результаты.

Штатные мазурики, состоящіе при Загребистой-лапѣ, преимущественно устремляютъ свою дѣятельность на танцклассы, куда входъ окупается продажей билетовъ. «Почтеннѣйшая публика», которую аршинныя афиши обыкновенно приглашаютъ «почтить своимъ благосклоннымъ вниманіемъ» подобныя заведенія, набирается туда, по

окончаніи ярмарочнаго торговаго дня, въ количествѣ иногда очень почтенномъ. Здѣсь вы зачастую можете видѣть богатыхъ купцовъ-татаръ, которые въ своихъ блистающихъ позументомъ ермолкахъ, «отхватываютъ» канканчикъ, съ примѣсью россійско-татарской удали. Штатные мазурики никогда не начинаютъ ссоры и драки, пока въ танцклассѣ мало народу. Они ждутъ непремѣнно того часу, когда гуляющей публики будетъ, что называется биткомъ набито, когда въ кассѣ увеселительнаго заведенія скопится изрядное количество кредитныхъ билетовъ.

И вотъ, въ эту пору, публика значительно уже подпила, подгуляла, распахнулась, и начинаетъ ощущать органическую потребность въ какомъ-нибудь скандальцѣ. Нѣкоторые даже чувствуютъ зудъ въ кулакахъ и тоску по стекламъ, по мордамъ и по посудѣ, которыя остаются еще не разбиты.

— Другъ! милый человѣкъ! любезный человѣкъ! кричитъ уже въ одномъ углу какой-нибудь пьяненькій купчикъ: — будь ты мнѣ другомъ и благодѣтелемъ! Удоблетвори! Возьми ты съ меня какое хошь безчестіе, только позволь по мордѣ съѣздить!

— Кого это по мордѣ? амбиціозно откликается другъ.

— Ахъ, другъ!.. тебя!.. тебя по мордѣ!.. Ну, что тебѣ стоитъ!—своя, чай, не чужая! Возьми ты, другъ, съ меня штрафъ большущій, говорю тебѣ, только дозволь, пожа-

луйста! Слезно прошу тебя объ этомъ... покорнѣйше прошу!.. Не препятствуй!

— У меня тоже, полагаю, своя амбиція есть, сухо замѣчаетъ другъ.

— Знаю, что есть, знаю, другъ! потому и прошу! А то чорта-ли безъ амбицыи! Я тебя, сударь ты мой милый, такъ-таки прямо въ самую то-есть въ амбицыю твою и съѣзжу! Уважу, голубчикъ!

— Ну, полно! Перестань, Поликарпъ Матвѣичъ! Не блажи! благоразумно урезониваетъ купчика пріятель его, тоже купчикъ, только менѣе подгулявшій.

— Ахъ, милушка ты мой Стёпинька! Не трошь ты меня теперича! Потому—желаю! всѣмъ сердцемъ моимъ, значитъ, влеченье такое чувствую!

И опять начинаетъ приставать къ другу:

— Другъ!.. а, другъ!.. Тебѣ говорю! дозволь по рожѣ!.. вѣдь ты чиновникъ?

— Чиновникъ, съ достоинствомъ подтверждаетъ другъ.

— Ну, вотъ смерть хочется чиновника въ морду ударить... Ну, просто моченьки моей нѣту!.. Честью прошу тебя!... И ты ужь лучше мнѣ самъ дозволь, а то я все равно ударю.

— Ну-ка, попробуй, попробуй! хорохорится и подзадориваетъ чиновникъ, начиная уже выискивать глазами «благородныхъ свидѣтелей».

— И попробую!

— А ну-ко, ну-ко!.. Я погляжу...

— И поглядишь!

— А ну-ко ударь, ударь!..

— И ударю!.. Трижды ударю! И трижды штрафъ заплачу!

И вдругъ трахъ! трахъ!... хлясть! хлясть!.. По комнатѣ звонко раздаются удары по щекамъ и отчаянное: «караулъ!.. рѣжутъ!..»

Начинается суматоха; съ разныхъ концовъ сбѣгаются зрители; слышны крики: «нашихъ бьютъ!.. чиновника бьютъ!.. ребята, напирай! не выдавай!.. Такъ его! такъ его, каналью!.. Лущи!..» А купчикъ, словно ни въ чемъ не бывало, сдѣлалъ свои дѣло — «удоблетворилъ своему ндраву», а затѣмъ, распахиваетъ сюртукъ, достаетъ бумажникъ, и захвативъ изъ него сколько-то ассигнацій, съ благодушнѣйшей и самодовольной улыбкой, кладетъ ихъ передъ побитымъ.

— На, другъ!.. Получай, чтó слѣдствуетъ за безчестіе... Получай, я тебя обидѣть не желаю!

Почтеннѣйшая публика очень любитъ и уважаетъ такія маленькія сценки, и вотъ эти то самыя симпатіи «почтеннѣйшей» и имѣютъ въ виду штатные мазурики, состоящіе при Загребистой-лапѣ; на нихъ-то они и разсчитываютъ. Подсядутъ они, обыкновенно, словно бы добрые знакомые, къ какому-нибудь столику, завяжутъ друже-

любный разговоръ между собою, затѣютъ ссору и — трахъ одинъ другого въ ухо. Подымается драка. Публика, учуя скандалъ, стекается со всѣхъ сторонъ на шумъ, стоитъ сначала (впрочемъ, весьма недолго) въ качествѣ простого зрителя, и только крупными словцами подзадориваетъ да поощряетъ дерущихся. Затѣмъ у публики начинаетъ сердце разгораться. Одна часть принимаетъ участіе въ одномъ изъ бойцовъ, другая въ другомъ; являются заступники, пособники, которые мало-по-малу уже активно примыкаютъ къ той и другой сторонѣ—и вотъ, черезъ нѣсколько минутъ, стѣна ломитъ на стѣну. Подымается общая свалка, летятъ вверхъ клочья одежды, летитъ посуда со стола и пустыя бутылки, мелькаютъ окровавленныя рожи, раздается громкая ругань, гамъ, крикивой, визгъ женщинъ... Хозяинъ танцкласса блѣденъ, растерянъ, дрожитъ (онъ знаетъ, что̀ сію же минуту изъ всего этого воспослѣдуетъ), бѣгаетъ взадъ и впередъ, и старается разнять дерущихся, водворить порядокъ — но тщетно! Самому ему изрядно помяли бока и отдубасили въ общей свалкѣ—и вдругъ...

Въ эту самую минуту, какъ грозная тѣнь Банко, торжественно появляется величественный образъ Загребистой-лапы.

Моментъ разительнаго эфекта.

Но почему всегда въ одинъ и тотъ же данный мо-

ментъ такъ неукоснительно появляется Загребистая-лапа?—Потому онъ такъ появляется, что ждетъ уже заранѣе гдѣ-нибудь за угломъ этого желаннаго мгновенья. Либо въ театрѣ, въ первомъ ряду креселъ рисуется, либо ожидаетъ въ иномъ какомъ, предварительно условленномъ мѣстѣ—обыкновенно, неподалеку отъ центра предстоящихъ дѣйствій. Какъ только разгорится ссора и дойдетъ до всеобщей потасовки, одинъ изъ штатныхъ мазуриковъ, нарочно державшійся все время постороннимъ человѣкомъ—въ видѣ адъютанта, летитъ во весь духъ къ Загребистой-лапѣ, съ докладомъ, что часъ насталъ и жатва приспѣла.

Тогда Загребистая лапа садится въ свои щегольскіе дрожки и на угарной парѣ лихо подкатываетъ къ мѣсту скандала, удалымъ коршуномъ налетаетъ прежде всего на кассу и—цапъ-царапъ всѣ наличныя деньги! да въ карманы, въ карманы поскорѣй ихъ и за тѣмъ—въ видѣ грозной тѣни Банко появляется въ залѣ.

Въ ту жь минуту, словно изъ-подъ земли, выростаетъ услужливый приставъ Шпицбалъ и сонмъ альгвазилловъ. Загребистая-лапа чинитъ судъ и расправу и водворяетъ порядокъ, миръ, тишину и спокойствіе, приказавъ Шпицбалу забрать всѣхъ дерущихся, огуломъ, въ полицейскую кутузку. Оттуда ихъ выпустятъ, собравъ съ каждаго приличное вознагражденіе, въ видѣ «отступного». И именитое купечество, захваченное такимъ образомъ, распла-

чивается очень солидными бумажками, во избѣжаніе дальнѣйшаго ареста, огласки, разбирательствъ и прочаго скандала, падающаго «на честь и имя купеческое».

Когда уже Загребистая-лапа успѣетъ проявить въ себѣ миротворца и водворить спокойствіе, отправивъ бóльшую часть почтеннѣйшей публики въ кутузку, подъ прикрытіемъ шпицбаловскихъ альгвазиловъ, тогда подзываетъ къ себѣ блѣднаго, трепещущаго хозяина танцкласнаго заведенія, и говоритъ ему благодушно:

— Вотъ чтó, любезнѣйшій: эта драка могла очень легко окончиться разбоемъ и грабежомъ, а пожалуй, и пожаромъ, такъ я, во избѣжаніе какой бѣды, прежде всего выручилъ твою кассу. Вотъ она! перечти-ка, все ли сполна, и дай господину Шпицбалу росписку въ полученіи.

И Загребистая-лапа вынимаетъ изъ кармана скудную горсточку мелкихъ асигнацій. Лицо хозяина вытягивается въ величайшій знакъ удивленія.

— Нѣтъ, тутъ, кажись, не все-съ... осмѣливается онъ робко замѣтить.

— Не все-съ? сурово насупливаетъ брови Загребистая-лапа:—а! такъ не все-съ?!... Ну, хорошо! Ну, хорошо: надобно составить актъ, а заведеніе придется закрыть, потому—твой танцклассъ, любезнѣйшій, это есть гнѣздо всякаго безчинства и разбоевъ. Здѣсь уже вѣдь не певая драка!... Это—нарушеніе градскаго спокойствія и

благочинія!... Закрыть сейчасъ же!... а о недочотѣ денегъ, по твоему показанію, составимъ актъ.

Хозяинъ—въ ноги:

— Батюшка! Помилуйте!... всѣмъ довольны! много довольны!.. Касса, какъ есть, вся сполна; а это я такъ... плохъ глазами становлюсь... не доглядѣлъ, по разсѣянности обчелся...

— Ну, то-то же! внушительно заключаетъ Загребистая-лапа, довольный результатами своей облавы.

Одно только танцклассное заведеніе изъ всѣхъ остальныхъ избавлено отъ подобныхъ облавъ Загребистой-лапы, но и то потому, что этотъ притонъ всяческой мерзости, безобразія и разврата содержитъ подъ чужою фирмой самъ же Шпицбалъ. За то же и дѣла тамъ совершаются! Прислуга Христомъ-Богомъ молитъ, чтобы ее задаромъ, безъ всякаго жалованья приняли въ услуженіе въ это мѣсто уготованное, ибо тамъ уже грабь и дери съ «гостя», что́ хочешь, и не будетъ тебѣ ни суда, ни расправы. Шпицбалъ и его супруга все покрываютъ тамъ крыломъ своимъ.

Но еслибы разсказывать всѣ подвиги Загребистой-лапы и приспѣшника его Шпицбала—съ цѣлымъ сонмомъ лапчатыхъ, то повѣствованіе приняло бы слишкомъ большіе размѣры. Довольно будетъ еще сказать, что весь Сольгородъ знаетъ и разсказываетъ, какъ Загребистая-

лапа, въ теченіе однаго года убилъ (буквально убилъ) на улицѣ, собственными кулаками, двухъ извощиковъ— одного мальчика, другого взрослаго—и совершилъ это публично, середь бѣлаго дня. Одного привезли въ больницу мертвымъ, другой умеръ тамъ же черезъ нѣсколько часовъ; и когда дежурный врачъ затруднился, какимъ образомъ обозначить въ актѣ причину смерти, Загребистая-лапа, расхаживая съ сигарой въ зубахъ по пріемному покою, приказывалъ ему съ циническимъ остроуміемъ:

— Пиши: «отъ воли божіей»! Или отъ «апоплексіи» пиши! У нихъ всегда вѣдь въ этихъ случаяхъ апоплексія бываетъ.

Я пришелъ въ понятный ужасъ, когда мнѣ былъ разсказанъ этотъ послѣдній анекдотъ, а потомъ доводилось и неоднократно слышать подтвержденіе его изъ многихъ устъ. Меня поразило то, что объ этомъ всѣ знаютъ, всѣ говорятъ, и никто не двинулся, чтобы хоть публично въ любой газетѣ объявить объ этомъ явномъ преступленіи.

— Помилуйте! отвѣчали мнѣ:—вы все смотрите на вещи по тамошнему, по петербургскому; а у насъ это гораздо проще: слѣдователи наѣдутъ да и отвалятъ ни съ чѣмъ, потому — запутаютъ! Мы вѣдь великія мастера путать и темнить всякое дѣло, будь оно ясно, какъ бѣлый день; да и при томъ, надо сказать вамъ откровенно— собственная шкура всякому дороже чужой: заяви я объ

этомъ сегодня, меня завтра же приступнутъ ночью на улицѣ. (У насъ и это случается!)

И дѣйствительно, въ подобныхъ фантастическихъ городахъ возможны подобныя фантастическія дѣйствія, подобные фантастическія герои и такое фантастическое отношеніе къ нимъ общества. А впрочемъ, почему же шанóвной Загребистой-лапѣ и не убивать извощиковъ?—вѣдь на то она и медвѣжья великая лапа, а какой-нибудь извощикъ для этой лапы — не болѣе, какъ «пся кревь и москéвське быдло».

Таковы-то сольгородскіе лапчатые звѣри.

V.

Нѣчто о сольгородскомъ обществѣ вообще и о нѣкоторыхъ господахъ въ-особенности.

Теперь, когда мой читатель достаточно познакомился уже съ главными и типическими представителями Сольгорода, я нахожу умѣстнымъ потолковать и о сольгородскомъ обществѣ. Чтó такое, вообще, сольгородское общество? Въ чемъ проявляется его жизнь, его дѣятельность? Какіе его интересы? Насколько понимаетъ оно, чтó такое «общество» и насколько само себя уважаетъ?

Относительно того, чтó такое, вообще, сольгородское общество, отвѣтъ будетъ заключаться въ пословицѣ «по Сенькѣ и шапка». Вы уже достаточно знаете, чтó такое Сольгородъ и каковы его представители. Если общество нетолько что сноситъ ихъ, но даже находитъ возможнымъ оправдывать и защищать ихъ дѣйствія; если общество, чувствуя боль нравственныхъ пощочинъ, наносимыхъ ему соляными, лапами и прочими дѣятелями той же категоріи, остается равнодушнымъ къ этимъ пощочинамъ; если общество считаетъ себя чуть не осчастливленымъ, когда воръ Передеревскій или завѣдомый грабитель и душегубъ

Загребистая-лапа являются, по собственному же выбору этого общества, его представителями въ различныхъ казусахъ и обстоятельствахъ общественной жизни; если члены этого общества рады и трепещутъ отъ наслажденія, когда генерал-воръ Передеревскій протягиваетъ имъ презрительно два пальца — то чего же стóитъ это общество и какой эпитетъ придумаете вы сами, чтобы достойно охарактеризовать его? Есть, конечно, въ Сольгородѣ горсть вполнѣ порядочныхъ людей, есть пять-шесть честныхъ домовъ, которые держатся отдѣльно, съ обществомъ ничего общаго не имѣютъ; но гдѣ же нѣтъ исключеній? Горсть порядочныхъ людей непремѣнно найдется въ наше время въ каждомъ захолустьи; но въ томъ-то и сила, что захолустья отъ этого ровно ничего не выигрываютъ; они остаются все тѣми же грязными, обрюзглыми въ собственной затхлой плесени, захолустьями, которыя изо-всѣхъ силъ стремятся либо засосать въ собственную тину честнаго человѣка, либо, если это не удастся, забрызгать его грязью своего нравственнаго неряшества, опутать его своею каверзой, сплетней и клеветою. Надо знать нашъ всероссійскій Глуповъ, чтобы понять до какой степени глубоко правъ Щедринъ, говоря про наше глуповское общество, что оно каждому нравственно-свѣжему человѣку поетъ: «ахъ, люби меня безъ размышленій!» и требуетъ, по пословицѣ — «любишь-не-любишь, а

подплясывай!» Да; оно требуетъ подплясыванья подъ свою общую дудку; а не хочешь подплясывать, готовься принять на свою голову всяческую мерзость и твердо уповай, что не сегодня—завтра тебѣ подставятъ подножку и сживутъ со своего глуповскаго свѣта. Сольгородъ, какъ хорошая обезьяна, перенимаетъ всѣ внѣшніе пріемы цивилизаціи: вы встрѣтите тутъ и модные фраки, и модныя гостинныя, и модныя фразы; но онъ не выноситъ независимости честнаго человѣка, не выноситъ честнаго (не по наружности, а по сущности) поступка, принципа, взгляда, убѣжденія. Человѣкъ, напримѣръ, скромно и добросовѣстно занимается своимъ дѣломъ, такъ что иголки подъ него не подточишь, и имѣетъ дерзость Загребистую-лапу называть Загребистой-лапой, соляныхъ—соляными, честную, хорошую и умную дѣвушку или женщину не ругать нигилисткой, не повторять безобразныхъ сплетень и гадостей, а такъ-таки прямо и называть ихъ сплетнями и гадостями—кончено! изъ него сейчасъ дѣлаютъ человѣка «неблагонамѣреннаго», кричатъ, что онъ красный, дуракъ, мерзавецъ, нигилистъ, идущій въ разрѣзъ общественному мнѣнію Достаточно только не быть сольгородцемъ по духу, для того, чтобы получить всѣ эти эпитеты, и достаточно получить ихъ, для того, чтобы ждать на свою голову всякихъ подвоховъ и мерзостей. И въ тоже время каждый, кто только является ис-

тымъ сольгородцемъ по духу (*своихъ* сольгородцы умѣютъ какимъ-то чутьемъ угадывать и, надо отдать справедливость, угадываютъ безошибочно), тотъ можетъ нигилистничать сколько душѣ угодно, проповѣдывать тотъ воровской либерализмъ, съ которымъ уже познакомился читатель—и сольгородцы будутъ съ гордостью и такъ благодушественно, елейно говорить вамъ про него: «онъ у насъ либералъ, прогресистъ... вѣдь и мы тоже стоимъ на хорошей, на современной почвѣ!» Дѣвушка или женщина, которая чуждается тѣхъ скабрезныхъ сплетень, что́ поглощаютъ и мужской и женскій, сольгородскій міръ, которая не занимается исключительно своими тряпками и нарядами, находитъ несовмѣстнымъ съ своимъ женскимъ достоинствомъ удить и нанизывать себѣ хвостъ дешевыхъ и пошлыхъ поклонниковъ, не позволяетъ говорить себѣ плоскія любезности, а занимается чѣмъ нибудь болѣе серьезнымъ, читаетъ серьезныя книги, а не пикантные романчики—такая дѣвушка или женщина въ глазахъ истыхъ сольгородцевъ является вредною нигилисткой, и нѣтъ той гнусности, какую не сплело бы про нее досужее и грязное сольгородское воображеніе. Откажетъ она какому нибудь присватавшемуся къ ней женишку—сольгородскія матушки и дочки приходятъ въ ужасъ, какъ это, молъ, возможно отзыкавать женихамъ «съ карьерой, съ положеніемъ!» Гнусные язычишки ихъ начинаютъ

звонить, что все это произошло потому-де, что она, «по своимъ убѣжденіямъ, предпочитаетъ гражданскій бракъ»; звонъ подхватывается сонмомъ братцевъ, кузеновъ, дядюшекъ, папенекъ, и на честную дѣвушку начинаютъ поглядывать съ подлыми улыбками.—«Помилуйте, говорятъ, она нетолько что платья сама себѣ шьетъ, она какія-то опасныя книжки читаетъ, горничной дѣвкѣ вдругъ *вы* говоритъ; а это все отъ книжекъ!... все отъ книжекъ!... Это ужасно!...» И все это пожимаетъ плечами и приходитъ въ священный ужасъ.

Но да не подумаетъ читатель, что Сольгородъ хранитъ идеальную чистоту нравовъ и преисполненъ семейныхъ добродѣтелей. Нѣтъ, нравы его не лишены пикантности и семейныя добродѣтели весьма сомнительной свѣжести. Сольгородъ не стѣсняетъ себя ничѣмъ, но требуетъ, чтобы всѣ грѣшки были скрываемы подъ добродѣтельной маской madame Мадлены Тартюфъ. Дѣлай ты тамъ себѣ что̀ хочешь, только, пожалуйста, прикройся именемъ своего мужа, вопервыхъ; вовторыхъ, карай всѣми громами своего добродѣтельнаго негодованія современное растлѣніе нравовъ и каждый хвостикъ каждаго маленькаго грѣшка, который имѣлъ неосторожность проявиться наружу. Будь развратна, но притворись добродѣтельной; будь хоть Мессалиной, въ спальнѣ, но умѣй казаться Савонароллой въ юбкѣ, въ своей гостиной. Таковъ кодексъ сольгород-

ской нравственности и добродѣтели. Сольгородъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ и съ полнѣйшимъ уваженіемъ относится къ какой нибудь публичной замужней женщинѣ, которая бравируетъ своимъ высокимъ положеніемъ наложницы, состоящей при генерал-лапѣ, пріѣзжавшемъ туда для какихъ-то наблюденій; а въ тоже время этотъ Сольгородъ ни за что не проститъ любви честной женщины, честно и скромно полюбившей человѣка, но по какому либо несчастію не освятившей своей любви высшимъ благословеніемъ священнаго обряда. Первой будутъ завидовать, дружески лобызаться, жать руки, гордиться ея знакомствомъ, выставлять на позорище въ своихъ гостиныхъ ея визитныя карточки; вторую же заклюютъ, забрызгаютъ всяческой грязью, забросаютъ каменьями. Таковъ мой высоконравственный и высокочестный фантастическій Сольгородъ.

Винить тутъ, по моему, положительно некого, кромѣ самого же общества, апатичнаго и равнодушнаго ко всему, что не касается прямыхъ интересовъ собственнаго кармана.

Вотъ поѣсть да попить хорошо — это другое дѣло! На это мы великіе мастера и спеціалисты. Въ Сольгородѣ есть всеобщій кормитель, который недавно содержалъ буфетъ въ клубѣ. Благородные члены клуба, въ благодарность за свое кормленіе и вообще за усердіе, приподне-

сли ему благодарственный адресъ, серебряную вазу, и даже прославили въ особенной брошюрѣ—значитъ, умѣютъ питать признательность къ питающимъ ихъ желудки.

Въ послѣдніе годы завелось по лицу русской земли повѣтріе такое, что ли, чтобы при каждомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ, собираться вкупѣ и обжираться на офиціально-торжественныхъ кормленіяхъ.

Это значитъ, что мы все о своемъ «пробужденіи» заявить желаемъ.

Проѣзжало не такъ давно чрезъ Сольгородъ одно очень высокопоставленное лицо. Къ этому лицу явилась депутація отъ сольгородскаго общества съ покорнѣйшею просьбой почтить общество своимъ вниманіемъ и удостоить вкусить нарочно пріуготовленную торжественную трапезу. Высокое лицо распологало немедленно продолжать свой путь и вовсе не намѣрено было обѣдать торжественнымъ образомъ; но желая не обидѣть своимъ отказомъ такія усиленныя просьбы, и сдѣлать вниманіе сольгородскому обществу, согласилось, стѣсня нѣсколько самого себя, принять предложенное торжество. Каково же должно было быть изумленіе его, когда нѣсколько времени спустя, лицо это получило за заданный ему, помимо его воли, обѣдъ—кухмистерскій счетъ въ десять тысячъ рублей серебромъ!... Говорятъ, будто лицо это немедленно же

распорядилось отослать сольгородскому обществу требуемую сумму.

Но вотъ еще одинъ крупный фактъ, который поможетъ намъ дорисовать картину сольгородскаго общества.

У проворовавшагося соляного столпа есть достойный его братецъ, проворовавшійся въ крымскую войну на хлѣбѣ, такъ что оба братца извѣстны теперь подъ именемъ братьевъ «хлѣбосоловъ». Братецъ «хлѣбный» по суду былъ разжалованъ въ солдаты, но успѣлъ сохранить у себя бо́льшую часть награбленныхъ денегъ, а награбилъ онъ ихъ до двухъ мильоновъ—стало быть, не особенно много. Благодаря ходатайству братца «соляного»—ходатайства, въ коемъ соляной выставлялъ на видъ свою долгую, безпорочную и вѣрную службу, свои заслуги—братецъ хлѣбный былъ переведенъ рядовымъ въ инвалидную команду ближайшаго къ Сольгороду уѣзднаго городишка. Братецъ-солдатъ не живетъ въ казармахъ команды, но проживаетъ въ Сольгородѣ, катается въ собственныхъ вѣнскихъ колясках, носитъ шармеровскіе фраки, принятъ въ «лучшихъ» домахъ и состоитъ членомъ комерческаго клуба, куда былъ предложенъ черезъ посредство клубнаго старшины Загребистой-лапы, и почти единодушно выбалотированъ членами. Братецъ-солдатъ задаетъ тону, и тоже стремится руководить «общественнымъ мнѣніемъ», держитъ себя съ нахальной гордостью и досто-

инствомъ, играетъ «въ крупную» и надѣется вскорѣ самъ быть старшиною клуба. Всѣ члены любезно жмутъ ему руку, и—разжалованнаго въ солдаты государственнаго вора почтительно титулуютъ не иначе, какъ «вашимъ превосходительствомъ».

Недавно одинъ офицеръ обратился къ собранію клуба со слѣдующимъ предложеніемъ:

— Господа! сказалъ онъ:—у меня есть денщикъ, человѣкъ безукоризненной и примѣрной честности, хорошій и добрый солдатъ, за котораго поручится чуть ли не весь полкъ, а ужь самъ я головой ручаюсь. Позвольте мнѣ имѣть честь предложить этого моего денщика въ члены нашего клуба.

Присутствующіе возмутились и взволновались. Старшины торжественно просили офицера прекратить неумѣстную и оскорбительную шутку.

— Какъ, оскорбительную! вступился тотъ за себя:— я вамъ говорю, что это честный и примѣрный солдатъ! Вы же охотно допускаете въ свое общество, и даже гордитесь сотоварищcommittee сотовариществомъ солдата, позорно разжалованнаго въ это званіе. Чтó же можетъ быть оскорбительнаго для васъ, если я предлагаю вамъ въ сотоварищи солдата честнаго? Тутъ никакъ не вы, а развѣ одинъ только мой денщикъ могъ бы оскорбиться!

Говорятъ, что большинство настаивало на томъ, чтобы офицеръ былъ исключенъ изъ клуба послѣ такой «непристойной» выходки. Полагаю, что тотъ и самъ не остался.

Дворянскій, сирѣчь, «благородный» клубъ хотя и не предложилъ членства хлѣбному братцу (потому—уставъ воспрещаетъ), тѣмъ не менѣе многіе изъ членовъ этого послѣдняго клуба, состоя въ то же время членами въ клубѣ комерческомъ, являются какъ-бы связующимъ звѣномъ между клубомъ дворянскимъ и воромъ-солдатомъ; но оправдательнымъ аргументомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить то, что вѣдь вора-солдата зовутъ же всѣ «вашимъ превосходительствомъ», и принимаютъ же его въ «лучшихъ» домахъ и почти всѣ, наконецъ, чуть ли не гор ятся пожатіемъ его руки.

«Что же дворянство?» быть можетъ, спросите вы меня, пожимая плечами отъ изумленія.

А что жь?—благородное дворянство такъ себѣ... благородное дворянство, въ знакъ признательности и «въ знакъ удовлетворенія», вазы серебряныя преподноситъ своему лейб-питателю. Чего же еще вы отъ него хотите? Вѣдь здѣсь теперь завелось дворянство изъ соляныхъ да лапчатыхъ, да имъ подобныхъ. Здѣсь напримѣръ, въ предводители избранъ малограмотный человѣкъ, про котораго каждый гимназистъ знаетъ, что онъ глупѣе сива-

го мерина. При одномъ торжественномъ кормленіи звѣрей, этому господину надлежало сказать спичъ—безъ спичей вѣдь ныньче невозможно ни ступить, ни плюнуть. Написалъ ему этотъ спичъ Рейнике-лисъ, который сидитъ на тепломъ мѣстѣ. Благородному и представительному марешалю предстояло только прочесть по бумажкѣ продуктъ пера краснорѣчиваго Рейнике-лиса; но такъ-какъ онъ въ русской грамотѣ не силенъ, то и читалъ съ запинкой, съ мямленьемъ и глотаньемъ словъ. Вдругъ встрѣчается ему фраза: «автономія Царства Польскаго». Марешаль заикнулся, да и ляпнулъ вмѣсто автономіи астрономію. Поднялся кое-гдѣ сдержанный смѣхъ; однако же, ничего, проѣхало пока благополучно, безъ особенныхъ скандаловъ. Но разсказываютъ, будто онъ, увѣренный потомъ нѣкоимъ шутникомъ, утверждалъ, при разспросахъ у него на счетъ «астрономіи», что въ спичѣ ошибкой было поставлено «автономія», а что слѣдовало читать именно «астрономія», потому что у поляковъ, какъ извѣстно, астрономія процвѣтала, и даже былъ очень недурной и уважаемый въ свое время астрономъ Коперникъ. Такому-то предводителю благородное сольгородское дворянство ввѣряетъ въ наше время свои интересы и свое представительство.

Вотъ мой посильный, но правдивый эскизъ о состояніи сольгородскаго общества. Замѣтьте себѣ еще, что мнѣ,

какъ мимоидущему туристу, кидались въ глаза только *нѣкоторыя* стороны этого общества, что я имѣлъ еще мало времени вглядѣться во всѣ эти прелести; но что подъ этими прелестями копошится множество другихъ, еще болѣе пахучихъ прелестей и совершенствъ, которыя не могли или не успѣли сдѣлаться мнѣ доступными. Я разсказалъ только факты; выводы же предоставляю дѣлать самому читателю, который если захочетъ, то можетъ, пожалуй, отнести все это въ области моей фантазіи, и даже подумать, что фантазія моя настроена нѣсколько болѣзненно. Словомъ сказать, думайте, какъ хотите. Я вѣдь еще въ самомъ началѣ сказалъ, что описываю городъ фантастическій и даже невозможный.

Я сдержалъ свое слово.

VI.

КАКЪ ОТНОСИТСЯ ПРОВИНЦІЯ КЪ ЛИТЕРАТУРѢ?

Вскую шаташася языцы!

Я не даромъ поставилъ этотъ эпиграфъ. Дѣйствительно, вскую шаташася языцы нашей россійской словесности послѣднихъ годовъ! Какихъ результатовъ *думала* достичь литература этими шатаньями да припирательствами, и какихъ она на самомъ дѣлѣ *достигла*? Принесли-ли массѣ какую нибудь крупицу насущной пользы всѣ наши литературные турниры, спектакли, побоища, скандалища, плеванія , заушенія, лагери, партіи, котеріи, направленія?

Скажу только одно, что въ значительной части нашей провинціальной массы проснулась *охота читать*. Эту „охоту читать“ можно пока еще назвать чѣмъ-то примитивнымъ, эмбріональнымъ, изъ чего впослѣдствіи должно вырости что нибудь доброе, порядочное. Ее можно сравнить съ потребностью человѣка умыться свѣжею

водою послѣ долгаго сна, съ потребностью насытиться чѣмъ нибудь послѣ продолжительнаго голоданья. Только по утоленіи этого перваго голода, человѣкъ въ состояніи будетъ разбирать качества и свойства предлагаемыхъ ему блюдъ и затѣмъ, пожалуй, прихотничать, выбирать по собственному вкусу. Въ данный моментъ у насъ пока все еще продолжается періодъ перваго голода, первыхъ позывовъ на умственную пищу. Эти позывы—я позволяю себѣ такъ выразиться—почти безсознательны, инстинктивны, и появились они оттого, что жизнь съ ея высшими требованіями, въ силу непреложнаго закона прогресивнаго движенія, идетъ себѣ впередъ и—по неволѣ—тащитъ за собою массу, насильственно вдвигая ее въ кругъ своей дѣятельности. Какъ бы крѣпко ни спалъ человѣкъ въ своей запертой комнатѣ, но съ разсвѣтомъ, лучи яркаго солнца—все-таки будутъ раздражать его нервы, дѣйствовать помимо его воли, на сѣтчатую оболочку закрытаго глаза и мѣшать ему;—человѣкъ начнетъ просыпаться.

Петербуржцу или москвичу кажется, что мы живемъ полною жизнію, совершенствуемся, цивилизуемся, словомъ сказать «мчимся на паровозѣ прогреса» Розовыя корреспонденціи изъ провинціальныхъ городовъ, то и дѣло появляющіяся на столбцахъ нашихъ газетъ, стараются убѣдить насъ въ томъ же. Мы читаемъ, вѣримъ и умиляемся. Не вѣрьте розовымъ корреспонденціямъ. Розовыя кор-

респонденціи врутъ, ибо сами-то розовые корреспонденты изъ вашихъ же собственныхъ, петербургскихъ и московскихъ газетъ, поначитались разныхъ розовыхъ вещей о современномъ движеніи россійскаго общества и жизни, а поначитавшись, стараются плясать подъ вашу же дудку. Повѣрьте, это такъ. Самолюбію мѣстнаго литератора-обывателя очень лестно самообольстительное заявленіе, что и мы, дескать, тоже тово... какъ и вы же, совершенствуемся. И притомъ, такія розовыя заявленія бываютъ очень пріятны мѣстной власти, которая у насъ теперь, какъ извѣстно, старается изображать себя преуспѣвающею въ принципѣ гражданственности и мирнаго прогреса. Вотъ такимъ-то образомъ, вытекая изъ этихъ положеній, и являются розовыя корреспонденціи. Судя по этимъ корреспонденціямъ, прогресъ провинціальной жизни идетъ гигантскими шагами: отечески-заботливое начальство, вопервыхъ, радуется и любитъ; вовторыхъ, родительскимъ перстомъ указуетъ путь спасенія и направляетъ общественную дѣятельность; и въ третьихъ, бдитъ надъ каждымъ неусыпно-зоркою и вмѣстѣ съ тѣмъ матерински-нѣжною опекою. Сыновне-преданное общество взираетъ на указующій перстъ и тоже радуется и любитъ, и тоже стремится направиться по предписанному пути со всѣмъ стараніемъ и при отличномъ поведеніи. Судя по тѣмъ же розовымъ корреспонденціямъ, у насъ и земская-то жизнь кипенемъ кипитъ,

и добрые землевладѣльцы великодушно благодѣтельствуютъ добродѣтельнымъ землепашцамъ, а добродѣтельные землепашцы воздвигаютъ въ сердцахъ своихъ монументъ признательности добрымъ землевладѣльцамъ, и дороги-то у насъ не то что шоссе, а паркету уподобляются, и мосты, и верстовые столбы поражаютъ глазъ путешественника своимъ изяществомъ и простотою, „что было особенно замѣчено г. начальникомъ при обѣздѣ ввѣреннаго ему края.„ Судя по тѣмъ же корреспонденціямъ, въ средѣ добродѣтельныхъ землепашцевъ, то и дѣло возникаютъ мудрые Гостомыслы, которые держатъ въ рукахъ своихъ знамя сельскаго прогреса, и школъ-то у насъ крестьянскихъ развелось видимо-невидимо, и крестьяне-то толпами устремляются въ эти школы, жаждая познать корень ученія и вкусить плоды образованія, и водки-то почти ужь не пьютъ, и сельскія больницы повсюду заводятъ... Читаешь и думаешь себѣ: «Какая въ самомъ дѣлѣ широкая, свѣтлая жизнь! Какое великое *настоящее* изображаетъ собою наша земля русская, которая наконецъ, кромѣ того, что велика и обильна, но даже и порядокъ имѣетъ»! И въ самомъ дѣлѣ, чего вы хотите? Отеческое начальство направляетъ указующій перстъ; общество радуется и заявляетъ чувства благодарности къ начальству; землевладѣльцы тоже стремятся и съ своей стороны показать указующій перстъ „меньшимъ братьямъ“—меньшіе братья радуются и тоже

заявляютъ чувства благодарности; устраиваются обѣды; на обѣдахъ говорятся спичи, всѣ взаимно лобызаются, взаимно любятся, взаимно проливаютъ радостные токи слезъ умиленія, при видѣ толикаго всеобщаго преуспѣнія и благодѣнствія, взаимно пишутъ адресы, шлютъ телеграммы — умиленное начальство кланяется и благодаритъ, умиленное общество съ своей стороны тоже кланяется и благодаритъ, меньшія братья, по традиціямъ стараго времени, восклицаютъ: „вы наши отцы, мы ваши дѣти"! благо отъ возгласа-то этого еще не успѣли отвыкнуть. Стало-быть, въ результатѣ всѣ выходятъ довольны и счастливы? Стало-быть!—по крайней мѣрѣ, розовыя корреспонденціи увѣряютъ насъ въ этомъ, изображая подобныя буколическія картины для полноты которыхъ недостаетъ только рѣзвящихся барашковъ, зефировъ и купидоновъ. И знаете ли, розовые корреспонденты, съ своей стороны, смотрятъ очень практически на это дѣло. Большая часть изъ нихъ состоитъ, такъ или иначе, подъ вліяніемъ отеческаго начальства. Начальство любитъ картины буколическаго свойства—дескать, «вотъ какъ преуспѣваетъ край подъ сѣнью моего указующаго перста». Ergo: за подобныя розовыя корреспонденціи авторы оныхъ удостаиваются всемилостивѣйшихъ улыбокъ, а иногда и награды къ празднику. Остальная же часть розовыхъ литераторовъ-обывателей (меньшинство) усердствуетъ безкорыстно, изъ любви къ оте-

честву, потому что ужь натура у нихъ такая сладкая, умиляющаяся, маниловская. Они уже въ этомъ не виноваты, ибо лишены способности смотрѣть на что бы то ни было иначе, какъ подъ угломъ розоваго зрѣнія.

И вдругъ среди эдакой-то буколики, нежданно-негаданно ворвется въ россійское ликованье кричащимъ и рѣжущимъ дисонансомъ вопль какого-нибудь купца Севастьянова подъ розгами какого нибудь бирскаго исправника г. Васильева; или вырисуется вдругъ изъ за этихъ двухъ фигуръ величественный образъ правителя, который въ отеческой заботливости своей о мирѣ и благоденствіи опекаемыхъ имъ гражданъ благодушно предложитъ г. Севастьянову помириться съ г. Васильевымъ. А вѣдь исправникъ этотъ не въ единственномъ только числѣ фигурируетъ по лицу матери-Россіи!

Но вотъ что, милостивые государи, является дѣйствительно хорошимъ и весьма знаменательнымъ признакомъ среди нашихъ буколическихъ безобразій. Гостомысловъ-то, пожалуй, у насъ еще и нѣтъ, и въ школы мы шлемъ дѣтей своихъ куда какъ не охотно, и водкой опиваемся, и земскія дѣла свои не совсѣмъ-то хорошо иногда понимаемъ, и обмѣриваемъ, и обвѣшиваемъ, и сутяжничаемъ, и взятки беремъ—все это какъ водится, какъ и быть тому надлежитъ пока; а вотъ эдакіе простые слова, какъ напримѣръ: «*я, ваше превосходительство, кровью своей не*

торгую», это уже фактъ, котораго не вычеркнешь никакимъ перомъ, не замажешь никакою розово-буколической мазилкой. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ купецъ Севастьяновъ, быть можетъ, и не сказалъ бы этихъ простыхъ, но желѣзомъ выкованыхъ словъ, ему бы и въ голову, можетъ, не осмѣлились придти эти слова. Въ то время *нужно* бы было помириться съ г. Васильевымъ и даже смирѣнно простить ему, по заповѣди, а теперь эти слова *сказаны* и оглашены на всю землю русскую, имѣющую уши слышати и смыслъ разумѣти. Человѣческое чувство, человѣческое достоинство въ насъ пробуждается — и это сдѣлала сама жизнь, въ ея поступательномъ, прогресивномъ движеніи, жизнь, которая идетъ себѣ и развивается своимъ путемъ помимо отческихъ заботъ и розовой буколики. Она захватываетъ, засасываетъ наши дикія массы и словно жерновъ, мелющій зерно, перемеливаетъ наши понятія. А какъ это дѣлается?—Мы и сами, пожалуй, того не замѣчаемъ. Дѣлается это постепенно, словно вотъ какъ растеніе какое растетъ да развивается исподволь на своей почвѣ. И только тогда, когда мы видимъ плодъ этого жизненнаго перемола, то замѣчаемъ и чувствуемъ, что это-то вотъ, напримѣръ, дѣйствительно уже *сдѣлано* жизнью.

Такимъ-то вотъ точно образомъ и въ значительной части нашей провинціальной массы проснулась *охота*

читать. Это тоже на половину уже сдѣлано, выработано жизнью. Говоря объ этой читающей части, я называю ее значительною. Пропорція будетъ вотъ какая: семь десятыхъ провинціальной массы играютъ въ стуколку и въ рамсъ, три десятыхъ читаютъ и играютъ въ ту же стуколку и въ тотъ же рамсъ. $^3/_{10}$—это уже очень значительно, право! Значитъ, кромѣ стуколки есть уже нѣкоторая потребность и въ книгѣ, значитъ, стуколка—эта великая панацея противъ губернской скуки, не вполнѣ удовлетворяетъ. И это уже, повѣрьте, большой шагъ впередъ.

Теперь, естественно, слѣдуетъ не безъинтересный вопросъ: *что* читаютъ и *какъ* читаютъ?

Прежде всего—календарь, который является почти такою же необходимой, настольной принадлежностью каждаго добропорядочнаго гражданина, какъ тостъ за губернатора на офиціальномъ обѣдѣ. За симъ, мужская половина читающей массы придерживается болѣе газетъ, а женская—журналовъ и, вообще, книжекъ. На всемъ Поволжьи, напримѣръ, наиболѣе распростроненною газетой являются „Биржевыя Вѣдомости.“ Сколько могу судить по наглядкѣ, степень распространенности нашихъ газетъ идетъ вотъ въ какой градаціи:

1) Биржевыя вѣдомости.

2) Московскія Вѣдомости.

3) Голосъ.

4) Вѣсть и Москва (почти въ равной степени). (*)

5) Сынъ Отечества.

Куда дѣвались „С.-Петербургскія вѣдомости“—не понимаю, только ихъ нигдѣ не видать, развѣ иногда отыщешь какой нибудь номеръ въ читальной комнатѣ клуба, но и только. Можетъ быть, онѣ ходки въ сѣверной и сѣверовосточной полосѣ Россіи, не знаю; но на Волгѣ, и на Дону, мнѣ иногда только удавалось находить ихъ, какъ рѣдкость.

Надо замѣтить, что женщины, сравнительно, читаютъ у насъ гораздо болѣе, чѣмъ мужчины. Онѣ суть первыя и главныя поглотительницы печатной пищи. Натура ли у нихъ на этотъ счетъ чутче и воспріимчивѣе, или досугу больше, не знаю; только, по моимъ наблюденіямъ, это выходитъ такъ. У мужчины, жителя какого нибудь губернскаго города, кромѣ его служебныхъ дѣлъ, по части государственной или карманной пользы, остается еще очень много занятій весьма важныхъ. Таковы суть, во-первыхъ: каверзы служебныя и преферансъ «по большой» съ вѣскими особами губернской іерархіи, вообще, такъ сказать, съ *начальствомъ*; во вторыхъ: каверзы частныя, общественныя, клубныя, семейныя и рамсъ, мушка, палки; въ третьихъ: дѣла по части амуровъ и стуколка; впро-

(*) Писано по наблюденіямъ 1867 года.

чемъ къ этимъ двумъ предметамъ заражены одинаковою страстью какъ особы прекраснаго, такъ и не прекраснаго пола; въ четвертыхъ: сплетни, въ которыхъ мужчины оспариваютъ пальму первенства у слабыхъ женщинъ; въ пятыхъ: лихорадка заявленій своего благопоспѣшнаго гражданскаго пробужденія и выраженія чувствъ признательности, любви и уваженія къ разному начальству, то есть, говоря проще, лихорадка хлопотъ по части офиціальныхъ кормленій а propos со спичами и шампанскимъ. Это уже, какъ видите, идетъ часть умиленій, т. е. матеріалъ для розовыхъ корреспонденцій. Во время оно, въ былые добрые годы, люди собирались просто себѣ къ совѣтнику, къ предсѣдателю, къ прокурору, къ предводителю, къ полиціймейстеру на какого нибудь осетра чудовищнаго, на медвѣжій окорокъ, на кулебяку съ налимьими печенками, и въ простотѣ душевной объѣдались, опивались, сопѣли, цѣловались, случалось и дирались промежъ себя—за тѣмъ, чтобы имѣть предлогъ снова поцѣловаться, т. е. выпить снова, и въ концѣ концовъ добрыми бойцами выступали сразиться на зеленомъ полѣ. Нынѣ же увы! мы разучились уже объѣдаться, драться и цѣловаться во всей простотѣ и невинности душевной. Нынѣ намъ подавай офиціальный обѣдъ а propos, со спичами и телеграммами, гдѣ бы мы могли напередъ о своемъ гражданскомъ пробужденіи или о чувствахъ своей

признательности заявить, а уже потомъ, буде придетъ такое расположенiе, подраться и засѣсть за зеленое поле. Но и на кулачки нынѣ мы не столь ретивые охотники, потому что кулачки, это — первобытный способъ ощутительнаго проявленiя своихъ душевныхъ чувствъ, а мы уже въ нѣкоторомъ родѣ успѣли вкусить отъ плода цивилизацiи и потому кулачки «въ настоящее время, когда и т. д.» для насъ негодятся. Вмѣсто кулачекъ, мы нынѣ стараемся дѣйствовать болѣе подвохомъ да подкопомъ, да каверзицей хорошенькой: оно и для рожи не убыточно, и для человѣка чувствительно. И такъ, вотъ сколько занятiй предлежитъ почти каждому субъекту мужескаго пола въ какомъ нибудь Сольгородѣ или Славнобубенскѣ; да мы еще и далеко не все перечислили. Стало быть, когда же тутъ читать? «А въ клубѣ?» спроситъ быть можетъ иной петербургскiй или московскiй читатель. — Вопросъ необдуманный. Развѣ въ клубѣ читаютъ? Развѣ порядочные люди ходятъ въ клубъ за тѣмъ, чтобы упражняться тамъ въ занятiи гоголевскаго Петрушки, а не ѣсть, не въ стуколку играть? Правда, въ каждомъ клубѣ есть читальная комната, гдѣ для виду и для приличiя на столѣ разбросаны кое-какiя газеты да журналы, но ходятъ туда иные сибариты вздремнуть часокъ-другой послѣ сытаго клубнаго обѣда. Для того въ читальной комнатѣ и объявленiе за подписью старшинъ вывѣшено, что здѣсь говорить гром-

ко воспрещается. Оно и резонно, потому какой же сонъ при громкихъ разговорахъ? Вечеромъ же, когда игорныя и столовыя комнаты полны, читальная краснорѣчиво блиставетъ полнѣйшимъ отсутсѣвіемъ клубныхъ членовъ; развѣ когда зайдутъ два, три человѣка заглянуть въ сегоднишнюю афишу или переговорить по секрету о кой какихъ своихъ дѣлишкахъ. Вообще мужеской половинѣ провинціальнаго рода человѣческаго некогда читать; хорошо еще, если кто изъ этихъ господъ успѣетъ утромъ, за чашкой кофе, за стаканомъ чая, или послѣ обѣда за дремотой, пробѣжать у себя дома кое-что изъ листка газеты.

Для того, чтобы провинціальнаго горожанина заставить прочесть что нибудь, кромѣ газетныхъ извѣстій, нужно чтобы онъ заболѣлъ, и чтобы докторъ на недѣлю, другую воспретилъ ему выходить изъ дому. Въ этихъ случаяхъ его начинаетъ морить неодолимая скука. Изрѣдка зайдутъ вечеркомъ знакомые, посплетничаютъ, засядутъ съ больнымъ въ картишки, выпьютъ поданную водку и разойдутся, пожелавъ хозяину здоровья, а скука остается. «Батенька! нѣтъ ли какой нибудь книжки позанятнѣе! Просто умираю отъ скуки, хоть почитать бы что!.. Пришлите, Христа ради!» умоляетъ больной того или другаго изъ своихъ пріятелей, и вотъ на столѣ его появляется нѣсколько истрепанныхъ книжицъ или журналовъ — что Богъ пошлетъ, или что подъ руку попало.

Помѣщики, живущіе преимущественно по своимъ деревнямъ, читаютъ несравненно болѣе городскихъ обывателей, особенно зимою; и это понятно: въ деревнѣ зимою скуки больше, сплетни не столь быстро доходятъ; поневолѣ станешь читать, лишь бы чѣмъ нибудь убить безконечное праздное время. Вообще надо сказать, что всероссійская скука играетъ-таки свою роль и имѣетъ вѣсьма порядочную долю своего вліянія на ходъ и степень нашего всероссійскаго развитія. Безъ разъѣдающей скуки несравненно менѣе читала бы Россія. И это не мѣшаетъ замѣтить и принять къ свѣденію будущему Боклю русской цивилизаціи, если впрочемъ таковой у насъ когда нибудь будетъ, въ чемъ не должно сомнѣваться.

Теперь о читающихъ женщинахъ. Посмотримъ отчего стали читать женщины, и чтó, и какъ онѣ читаютъ?

Я полагаю, во первыхъ, оттого, что имъ скучнѣе, гораздо скучнѣе, чѣмъ мужчинамъ. Занятія кухней и пеленками, сколь усердно имъ ни предавайся, все же не поглотятъ всего времени провинціальной горожанки «порядочнаго общества».

Кстати, замѣчу въ скобкахъ, въ каждомъ губернскомъ и даже порядочномъ уѣздномъ городѣ, есть нѣсколько «порядочныхъ» обществъ, изъ которыхъ каждое признаетъ «порядочнымъ» только себя, а всѣ остальныя называетъ хамскими и халдейскими обществами; равносильно

этому и дамы, принадлежащія тому или другому обществу называются губернаторскими дамами, пароходскими дамами, палатскими, штабными, комисаріатскими, провіантскими, почтовыми и т. д.

Но возвращаюсь къ прежнему предмету.

У иной дамы на первомъ планѣ кухня и пеленки, у другой тряпки и интересная игра въ любовь, затѣмъ какъ у той, такъ и у другой общій интересъ сталкивается на вселюбезной клоакѣ городской сплетни; далѣе интересы опять, расходятся, потому что одна предпочитаетъ стуколку а другая мушку. Разъ или два въ недѣлю появляются онѣ въ клубѣ на «семейныхъ вечерахъ», въ которыхъ съ семейнымъ началомъ общее сходство въ томъ, что одна на другую косится, одна про другую шипитъ, одна другой моетъ бока и перебираетъ косточки, что не мѣшаетъ однако той или другой любезно протянуть другъ дружкѣ руку, пріятно улыбнуться и даже сладко разцаловаться между собою. Словомъ сказать, семейный элементъ тутъ вполнѣ вѣренъ своему характеру. На этихъ семейныхъ вечерахъ онѣ протанцуютъ нѣсколько полекъ, нѣсколько кадрилей, причемъ дама губернаторская навѣрное останется въ душѣ очень недовольна, если даже не оскорблена, буде ей придется танцовать vis-à-vis съ дамой провіантской, а дама провіантская будетъ испытывать тѣже са-

мыя чувства въ отношеніи почтовой, казенно-палатской, или какой нибудь «съ позволенія сказать, учительши». (!!)

Но представьте себѣ, что, не взирая на всѣ эти кухни, пеленки, тряпки, амуры, сплетни, бокомытія, визиты, стуколки и клубныя вечера, у провинціальной женщины все еще остается изрядный запасъ скуки, огромное количество празднаго времени. Чѣмъ его наполнить? Или продолженіемъ интересной игры въ любовь, или продолженіемъ сплетень и стуколки, или же наконецъ чтеніемъ. И такъ, двѣ трети женщинъ остатокъ своего празднаго времени сугубо посвящаютъ любви, сплетнямъ и стуколкѣ, а одна треть читаетъ. Эта треть и составляетъ большинство нашихъ читательницъ, ее-то мы и разумѣли, когда говорили что женщины у насъ читаютъ вообще больше мужчинъ. Судите же поэтому, насколько читаютъ мужчины. Кто знаетъ хорошо нашу провинцію, тотъ, я увѣренъ, согласится съ моими выводами, для которыхъ наилучшимъ подтвержденіемъ послужитъ наше книжное и журнальное дѣло.

Книга у насъ въ Россіи ни для кого почти не состовляетъ еще необходимой, насущной потребности, наравнѣ съ чистой рубашкой, съ платьемъ, съ квартирой, съ обѣдомъ. *Книга*, въ ряду нашихъ житейскихъ нуждъ, стоитъ можно сказать, въ одной категоріи съ устрицами, трюфелями, ліонскимъ бархатомъ и фарфоровыми petits riens.

Книга у насъ *роскошь*, но не *потребность*, тогда какъ въ Германіи, въ Англіи, въ Америкѣ и даже во Франціи она уже давнымъ давно стала одною изъ первыхъ, насущныхъ и необходимыхъ потребностей. Разойдутся у насъ напримѣръ въ два года двѣ-три тысячи экземпляровъ какой нибудь книги, издатель называетъ это уже замѣчательнымъ успѣхомъ и подумываетъ (правда, съ полусомнѣніемъ) о второмъ изданіи. Газета имѣетъ десять тысячъ подписчиковъ, журналъ пять тысячъ, остальная братія газетчиковъ и журнальщиковъ лелѣютъ уже въ сердцѣ своемъ тайно сосущаго глиста зависти въ отношеніи этихъ великихъ счастливцевъ. Десять тысячъ «Московскихъ Вѣдомостей», семь тысячъ «Биржевыхъ» или «Голоса» на семьдесять милліоновъ народонаселенія! Шутка сказать! Эта пропорція краснорѣчивѣе всего доказываетъ, на сколько привита къ нашей жизни потребность въ печатномъ словѣ.

Да, книга для насъ еще роскошь. Кто у насъ покупаетъ книги? Богатые люди, которые въ особенности предпочитаютъ книги въ изящныхъ переплетахъ; библіотеки полковыя и кое-гдѣ общественныя, находящіяся вообще въ весьма плачевномъ осстояніи, да нѣкоторыя учебныя заведенія, то-есть мѣста и учрежденія по преимуществу, такъ сказать, казенныя. А много ли вы по лицу земли Русской, въ средѣ этого семидесятимилліоннаго населенія, отыщите Ивановъ Ивановичей и Карповъ Сидорычей, по-

купающихъ книги? Нѣтъ, деньги, на которыя могла бы быть куплена книга, Иванъ Ивановичъ употребитъ съ большей пользою и съ гораздо большимъ для себя удовольствіемъ: онъ ихъ проиграетъ въ стуколку, а не то и на выпивку съ пріятелями въ клубѣ они ему годятся. Марья Ивановна точно также скорѣе предпочтетъ пріобрѣсти лишнюю пару французскихъ перчатокъ, чѣмъ книгу. Да и для чего имъ книга? (разсуждаютъ они) книгу прочелъ и бросилъ, никуда она больше не годится, развѣ на хозяйскую надобность, а перчатки по крайнѣ мѣрѣ остаются, ихъ почистить можно, да и выпивка тоже дѣло существенное, а про стуколку нечего ужь и говорить, тутъ, батенька, шансы сугубаго денежнаго пріобрѣтенія, а книга что? такъ себѣ, какая-то амфибія земноводная—ни туда, ни сюда не приткнешь ее! стало быть—къ черту!

Замѣчали ли вы, что въ провинціи большая часть книгъ является вамъ въ ужасно истерзанномъ видѣ? Это оттого, что на одинъ экземпляръ читателей приходится мало-мало человѣкъ пятьдесятъ, бываетъ и за сто, бываетъ и болѣе. Въ городѣ, напримѣръ, восемдесятъ тысячъ жителей, а журналъ какой-нибудь получается въ пяти—шести экземплярахъ; магазинъ, торгующій бакалеей, суровскимъ и панскимъ товаромъ, самоварами, канцелярской принадлежностью и керасиномъ, выписываетъ, буде случится требованіе, и книги—потому что онъ не

только керасиновый и бакалейный, но въ тоже время и книжный магазинъ. Эта-то вотъ злосчастная, выписанная въ единственномъ числѣ книга и перемыкивается отъ Ивана къ Петру, отъ Петра къ Сидору, отъ Сидора къ Марьѣ и т. д., пока не обойдетъ весь читающій контингентъ такого-то губернскаго города; а не то завезутъ ее, случается, въ уѣздъ и... тамъ ужь она и погибла! Вы никогда не отыщете дѣйствительнаго хозяина книги; хозяинъ ея тотъ, у кого она находится. Книга у насъ — эта какая-то публичная собственность, и отъ этого въ столь большомъ ходу *зачитываніе* книги. Зачитать, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ украсть книгу—ничего не значитъ Вообще, украсть собаку, стащить изъ чужаго альбома фотографическую карточку, зачитать книгу и соблазнить жену пріятеля—это у насъ въ грѣхъ не ставится и низостью не почитается. Всѣ эти вещи стоятъ въ одной и той же категоріи. И оттого-то, что книга легко зачитывается, ею никто не дорожитъ, небрегуютъ о ея внѣшности. Участь бутылки и полуштофа у насъ гораздо завиднѣе участи книги. Какъ этою, такъ и тѣми интересуются по мѣрѣ содержимаго въ нихъ. Роспита бутылка — подъ столъ ее; прочитана книга—тоже подъ столъ или куда нибудь въ сторону. Но пустую бутылку и роспитый полуштофъ примутъ обратно въ погребъ, какъ «посудину» и еще деньги за нихъ заплатятъ по три копѣйки се-

ребромъ за штуку, а за книгу ни гроша не получишь. Возьметъ почитать ее пріятель и зачитаетъ. Такъ и лежитъ она у этого пріятеля, пока не найдется другой пріятель, чтобы снова зачитать ее и т. д. Такимъ образомъ большинство русской читающей массы пользуется книгами, что называется—pardon pour le mot—*на ширмака.*

Я сказалъ, что у насъ проснулась охота къ чтенію. Эту охоту вы найдете въ женщинахъ, т. е. въ той $^1/_3$, о которой говорено выше, да еще... въ «молодомъ поколѣніи». Я, право, призадумался, употребить ли эти послѣднія два слова—до того ужь они у насъ затасканы и запошлены.

Я видѣлъ, я знаю, какъ, напримѣръ, гимназисты и семинаристы, человѣка по три, по четыре, а то и больше идутъ въ складчину и съобща покупаютъ книгу. Но судьба книги, покупаемой семинаристами и гимназистами на ихъ скудные гроши—по большей части случаевъ весьма плачевна. Накроетъ ихъ во время чтенія этой книги dominus ректоръ или господинъ инспекторъ классовъ и—безцеремонно отнимаетъ, какъ вещь, не относящуюся къ циклу учебныхъ предметовъ и классныхъ занятій. Апеляціи въ этомъ случаѣ уже нѣтъ никакой. Книга поступаетъ какъ бы въ собственность отнявшаго, пока не возьметъ у него, затѣмъ чтобы зачитать, какой нибудь знакомый, а у этого другой, у другого третій и т. д. Мы подѣлились

въ нашей прессѣ на партіи, лагери и котеріи, мы преломляетъ перья въ безчисленныхъ турнирахъ, подносимъ оцетъ и желчь своимъ противникамъ, мы думаемъ, что служимъ этимъ общественному дѣлу—увы!... «Вскую шаташася языцы»! Еслибъ вы только могли представить себѣ, господа, въ какой степени все это напрасно и безплодно мы дѣлаемъ. Я не стану говорить о газетахъ, гдѣ подобныя препирательства умѣстны, потому что дѣло идетъ о животрепещущихъ, насущныхъ общественныхъ вопросахъ. Борьба «Московскихъ Вѣдомостей» и «Голоса» съ «Вѣстью», напримѣръ, понятна; ну, а пресловутая полемика «Современника» съ «Русскимъ Словомъ», подарившая насъ исторіями о графскихъ швейцарахъ, о редакторахъ, спящихъ на ливреяхъ, поднесшая намъ «коробочку доброхотную» и «лукошко глубокомыслія»? Вѣдь знаете ли, что! Мнѣ доводилось встрѣчать, полтора или два года спустя послѣ этой полемики, истрепанныя въ конецъ книжки этихъ двухъ журналовъ, въ которыхъ безконечныя страницы, наполненныя этою руганью, *остались не разрѣзанными*! Вѣдь если кого и интересовала немножко эта курьезная полемика, такъ только самое же пишущую братію, самихъ литераторовъ. Читающая масса осталась ей совершенно чужда. Вся бѣда наша въ томъ, что мы люди кабинетные, люди теоритическихъ умозрѣній. Возьмите вы любой типъ *истаго петербург-*

скаго литератора. За-границу-то онъ, пожалуй, и проѣхался въ вагонѣ этого grande sociétée des chemins de fer russes; ну, а что касается до матери-Россіи, то здѣсь дальше Павловска, Парголова и ресторацiи Огюста, что въ Стрѣльнѣ, едва ли гдѣ бывать ему доводилось. Истый петербургскій литераторъ о Россіи знаетъ столько же, сколько о бѣлой Арапіи. Послѣдняя извѣстна намъ по медоточивымъ повѣствованіямъ монашковъ съ Аѳонскихъ горъ, Ѳомушекъ блаженныхъ и Макридушекъ странницъ, а первую мы знаемъ и изучаемъ по газетнымъ извѣстіямъ въ розовомъ тонѣ «Сѣверной Почты» или *абличительномъ* тонѣ «Искры», что, въ сущности совершенно одно и тоже. И оттого-то, что мы люди не жизни, а кабинета, мы и предаемся нашимъ турнирамъ, препирательствамъ, заушеніямъ, «вселенскимъ смазямъ», «загибаніямъ другъ другу салазокъ» и самодовольно мнимъ себѣ, будто несемъ великую службу общественному дѣлу. Кабинетная литература вконецъ разошлась съ требованіями жизни, съ нашею русской захолустной дѣйствительностію.

Шатаючись довольно долгое время, тамъ и сямъ, по разнымъ угламъ и концамъ матери-Россіи, по-неволѣ отстаешь иногда отъ «движенія прессы», потому что въ дорогѣ листокъ газеты или книжка журнала подвертывается тебѣ урывкомъ и совершенно случайно. Помню, въ городѣ Ростовѣ на Дону въ одной гостинницѣ попа

дается мнѣ на глаза номеръ «Искры». Заглядываю туда, въ полномъ чаяніи обрѣсти нѣчто на счетъ своей собственной особы, ибо я имѣю удовольствіе пользоваться особеннымъ вниманіемъ этой газеты; но увы!—о себѣ не нахожу ни слова (признаюся, это меня нѣсколько обидѣло), а вмѣсто меня и обычной плеяды именъ и вокабулъ, пропагандируемыхъ герольдами «Искры», фигурируетъ, въ единственномъ числѣ какой-то «Незнакомецъ». И въ передовой статьѣ «Незнакомецъ», и въ расказцѣ какомъ-то «Незнакомецъ», и въ разныхъ статьяхъ тоже «Незнакомецъ», и въ карикатурахъ, кажись, опять-таки «Незнакомецъ», и въ мелочахъ все тотъ же «Незнакомецъ». Да что это за «Незнакомецъ», думаю себѣ, и за что такое вниманіе, такая честь, такое предпочтеніе «Незнакомцу»? Но въ Ростовѣ на Дону этихъ трудныхъ вопросовъ я, человѣкъ отставшій отъ «движенія прессы», никакъ себѣ не разрѣшилъ и только по пріѣздѣ въ Петербургъ, узналъ совершенно случайно, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывается одинъ весьма скромный и ни для кого не обидный литераторъ. Цѣлый номеръ русскаго сатирическаго журнала, имѣющаго претензію быть своего рода Punch'емъ въ нашемъ муравейникѣ, наполненъ однимъ «Незнакомцемъ»! Представьте себѣ, какъ это должно интересовать какого нибудь ростовскаго, восточнаго человѣка Харзымъ-Ассаферова, или греческаго человѣка папа-Пижос-Пузоса! А вѣдь

Ростовъ весь почти наполненъ Харзымами и папа-Пузосами. Спрашивается, съ какой стороны можетъ быть близокъ Пузосу санктпетербургскій «Незнакомецъ»? Какое дѣло Харзым-Ассаферову до «Незнакомца»? «Что ему Гекуба и что онъ ей»? А между тѣмъ Ростовъ на Дону одинъ изъ лучшихъ городовъ Россіи; перенесите его хоть въ Москву, хоть въ Петербургъ, онъ и тамъ лицомъ въ грязь не ударитъ. Въ Ростовѣ на Дону я впервые послѣ астраханскихъ степей, послѣ длиннаго переѣзда по Волгѣ и Дону нашелъ книги, газеты, журналы и даже свѣжія парижскія моды лѣтняго сезона. А между тѣмъ этотъ же самый Ростовъ, эти же самые Пижос-Пузосы и восточные человѣки Ассаферовы—князи шерсти, хлѣба, антрацита, сантуринскаго вина и фальшивыхъ депозитокъ—какой богатый, новый, неисчерпаемый матеріалъ для той же самой «Искры», еслибъ она не занималась исключительно своими вокабулами, да «Незнакомцами»! Вы тужитесь, выбиваетесь изъ силъ, чтобы опрыснуть жидкостью вонючаго скунса то или другое ненавистное *вамъ лично* имя—и закрываете глаза на крупныя, характерныя явленія, которыми кимшя кишитъ русская жизнь не на одномъ только Невскомъ проспектѣ, въ Моховой или на Литейной.

Нѣтъ, господа, упаковывайте ваши чемоданы и хоть на нѣсколько мѣсяцевъ долой изъ Петербурга! Пошатай-

тесь по нашимъ всероссійскимъ трущобамъ, по нашимъ непочатымъ дебрямъ и вѣсямъ, поприглядитесь-ко глазъ въ глазъ къ той дѣйствительности, которая копошится въ этихъ дебряхъ и вѣсяхъ—и тогда только увидите вы, насколько вы чужды этой жизни, на сколько (простите за рѣзкую откровенность!) вы невѣжественны относительно ея и ея требованій. Вы поймете тогда чего ей *нужно бы было*, и чего *ей хочется* на самомъ дѣлѣ въ данную минуту.

Мы часто умиляемся, читая газетныя извѣстія о широкомъ ходѣ нашей земской жизни, о чуткомъ и глубокомъ пониманіи своихъ насущныхъ земскихъ интересовъ. Ахъ, господа, какъ это все хорошо выходитъ у насъ на бумагѣ и—увы! чѣмъ зачастую является все это на дѣлѣ! Приведу вамъ примѣръ, который самому привелось видѣть:

Извѣстно, что первое зло нашихъ южныхъ губерній составляютъ очень красивенькіе звѣрьки, извѣстные подъ названіемъ сусликовъ или овражковъ. Вредъ, наносимый ими полямъ, часто доходитъ до громадныхъ размѣровъ. Земскія уѣздныя собранія Екатеринославской губерніи, каждое въ отдѣльности, составляетъ по своему уѣзду постановленіе, обязывающее каждаго землевладѣльца, подъ страхомъ значительнаго штрафа, представить извѣстное число сусликовъ. Мѣра, безспорно, хорошая. Но... что же выходитъ при этомъ? По одному уѣзду дѣлается распо-

ряженіе представить извѣстное количество овражковыхъ головокъ; по другому, въ тоже самое время, извѣстное количество хвостиковъ, по третьему лапокъ, по четвертому шкурокъ со спинки. Являются извѣстнаго рода аферисты по преимуществу изъ евреевъ или изъ армянскихъ восточныхъ человѣковъ, которые закупаютъ извѣстное количество овражковъ, пластаютъ каждаго звѣрька, отдѣляя отъ него головку, хвостикъ, лапки и шкурку, и отправляются съ этимъ оригинальнымъ товаромъ по четыремъ уѣздамъ, продавать землевладѣльцамъ кому лапки, кому хвостики,—гдѣ что требуется. И землевладѣльцы, во избѣжаніе штрафа, покупаютъ у аферистовъ нужное для себя количество «овражковаго товару» и представляютъ его въ свои уѣздныя земскія управы, подъ видомъ овражковъ, пойманныхъ и уничтоженныхъ на ихъ собственной землѣ. Такимъ образомъ, одинъ сусликъ расходуется на четыре уѣзда. Формальная сторона дѣла, значитъ, исполнена, землевладѣлецъ покоенъ, что съ него не взыщутъ штрафа, а у самого, межъ тѣмъ, суслики отлично поѣдаютъ хлѣбъ на поляхъ. Землевладѣлецъ вздыхаетъ и сѣтуетъ при этомъ на Божіе насланіе. Вотъ вамъ и пониманіе своихъ насущныхъ земскихъ интересовъ! А ловкій аферистъ изъ армянскихъ восточныхъ человѣковъ ухмыляется, пряча въ карманъ денежки, да подмигивая глазомъ и подщелкивая языкомъ, говоритъ,

что «зэмскамъ сабраньямъ маленька гашибка даваль»! И точно, «маленька гашибка»: недомекнулись—изволите видѣть—четыре уѣзда снестись между собой и предварительно условиться, чтобы на нынѣшній годъ всѣ землевладѣльцы, безъ различія уѣздовъ, представляли одну какую либо часть суслика, положимъ хоть лапки. А вѣдь штука, кажись не Богъ вѣсть какая мудреная! Но... «маленька гашибка» сдѣлана и на сей годъ ее уже не поправишь. И подобныхъ-то «маленькихъ гашибокъ» по лицу земли святорусской не разъ, два—да и обчелся: ихъ множество и имя же имъ легіонъ, а начать пересчитывать да разсказывать, такъ охъ—куды какъ далеко забредемъ отъ прямой нашей темы!

Но не могу воздержаться, чтобы не сказать кое-что о сельскихъ школахъ. Относительно важности вопроса этого, кажется, нечего распространяться.

Читаемъ мы, въ розовыхъ газетныхъ извѣстіяхъ, статистическія цифры, что въ такой-то вотъ волости имѣется столько-то школъ и такое-то количество крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ обучается въ этихъ школахъ, — читаемъ и снова умиляемся духомъ: «вотъ, молъ, какъ широко двигается впередъ дѣло русской граматности! Вотъ какія утѣшительныя цифры!» Повремените немножко съ вашею добросердною радостью, мои милые кабинетные люди! Вы знаете ли, что

въ громадномъ большинствѣ случаевъ, сотскій, по приказанію «начальства», идетъ и хворостиной выгоняетъ ребятишекъ изъ отцовскихъ избъ въ сельскую школу? Вы знаете ли, какія тамъ сцены происходятъ? Вы знаете ли, какого по преимуществу возраста мальчики и дѣвочки загоняются въ школы? Едва ли вы даже повѣрите мнѣ, если я повѣдаю вамъ, что для крестьянскаго ребятёнка школьное обученіе начинается по большей части съ *пятилѣтняго* возраста и длится въ теченіе *одной* только зимы, рѣдко переходя на слѣдующую. Чему, въ самомъ дѣлѣ, можно порядочно выучить пятилѣтняго ребенка, который учится одну только зиму, въ средѣ тридцати-пятидесяти и болѣе ребятъ однолѣтокъ? Ребенокъ шести или семилѣтняго возраста нуженъ уже отцу съ матерью въ избѣ, по хозяйскому обиходу. У семилѣтняго мальчугана и дѣвчуры уже сидитъ на рукахъ его семи-восьмимѣсячный братишко или сестренка, и они съ ними нянчатся. Они и гусей на рѣку пойдутъ сторожить, и избу подметутъ, и коней въ ночное переправятъ, и въ хлѣвѣ за волами да за баранами доглядятъ, словомъ сказать, семилѣтній ребенокъ является уже въ семьѣ своей нужнымъ человѣкомъ, малымъ работникомъ, безъ котораго стоитъ или затрудняется и замедляется извѣстная часть обиходнаго домашняго дѣла; онъ ужь недаромъ ѣстъ хлѣбъ свой. Крестьяне въ высшей степени неохотно, почесы-

вая за ухомъ и браня «начальство» (потому что для крестьянина пока еще всякая власть, инціатива которой не исходитъ изъ его собственной избы, есть «начальство») посылаютъ ребятъ своихъ въ сельскую школу. Оно и вполнѣ понятно, если вы потрудитесь стать на точку зрѣнія, съ которой смотритъ крестьянинъ. Видимо осязательной; насущной и такъ сказать *сегодняшней* пользы ученія и благихъ его результатовъ. крестьянинъ не видитъ; толкуй ему тамъ отвлеченныя истины о томъ, что ученіе свѣтъ, неученіе тьма, что свободный человѣкъ долженъ быть граматенъ, а онъ тебѣ на это наладитъ одно: «ученіе, молъ, не мужицкое дѣло, отцы и дѣды не учились же да жили, слава Богу, по христіянскому, и мы нонѣ вольные, да не грамотные, одначе же ништо себѣ, хлѣбъ жуемъ.» И съ этого пункта вы его не сдвинете; по крайней мѣрѣ, я знаю, что объ эту скалу вотще разбиваются усердіе, доводы и убѣжденія многихъ честныхъ дѣятелей русскаго земскаго дѣла. Крестьянинъ пока еще не видитъ непосредственной пользы школьнаго ученія, но видитъ и чувствуетъ на дѣлѣ, что у него изъ избы отнимаютъ нужное подспорье, берутъ прочь лишняго, хоть и малаго работника. Это онъ видитъ. Видитъ еще и то, какъ за-частую полупьяный дьячекъ, или безсрочный солдатъ—сельскій учитель въ пылу своего усердія къ дѣлу образованія и въ паѳосѣ учительскаго рвенія, кормитъ

подзатыльниками, скубётъ за волосы да ставитъ на колѣни его сынишку; слышитъ крестьянская матка ревъ своихъ ребятишекъ въ школѣ,—озлобленіе отца съ матерью увеличивается, происходятъ сцены, а нерѣдко и драки между отцомъ и учителемъ, которые въ концѣ концовъ идутъ въ кабакъ запивать мировую. У насъ на Руси пока еще полнѣйшее отсутствіе порядочныхъ сельскихъ учителей, подготовленныхъ къ этому трудному и рѣдко благодарному дѣлу; обученіе идетъ почти вездѣ по старинѣ, по азамъ, съ необходимыми варіяціями учительскихъ пинковъ, подзатыльниковъ, уховертки и подъ акомпаниментъ ребячьяго слезнаго рева. И вспомните, что все это достается на долю пяти-шестилѣтнихъ дѣтей!

А мы-то себѣ сидимъ въ своихъ кабинетахъ, читаемъ свѣжіе листы широкихъ газетъ, дивимся значительнымъ статистическимъ цифрамъ и умиляемся. Цифры-то есть, и будетъ ихъ, пожалуй, что и больше еще чѣмъ нынѣ, да вопросъ: есть-ли при подобномъ ходѣ дѣла какая-нибудь существенная польза? А повальное пьянство? а эта любовь сѣчься на мірскихъ сходкахъ? а выпаханныя въ три года поля, не бывшія за все это время подъ паромъ? а нищета, при надѣлѣ землею? а неурожаи?—Боже мой, да все это такіе жгучіе вопросы, при взглядѣ на которые сердце щемитъ и обливается кровью! Мы съ вами, напримѣръ, либерально привѣтствуемъ мировые суды, и

теоретически мы совершенно правы, а сельчане практически куда-какъ не одобряютъ ихъ, и по свбему, они правѣе насъ съ вами. Они смотрятъ на это дѣло просто, безъ предвзятыхъ теорій, относятся къ нему съ простою логикой мужицкаго смысла, какъ работники-пахари, и видятъ въ мировыхъ судахъ одно только для себя стѣсненіе. Вы удивляетесь? Пожалуй опять не хотите вѣрить, ибо это идетъ въ діаметральный разрѣзъ съ вашими прекрасными кабинетными умозрѣніями. Послушайте что говорятъ крестьяне:

„Хорошо-то оно—хорошо, говорятъ они: да намъ-то ужь больно несподручно. Это вотъ въ городахъ гдѣ, для мѣщанъ—святое дѣло! Сейчасъ этто заспорилъ—сейчасъ къ мировому и, значитъ, порѣшили. Скоро и хорошо! А теперь отъ насъ-то мировой воно-гдѣ живетъ! Объявятъ мнѣ къ нему позывъ, я сейчасъ бросай все хозяйство да лупи пёхомъ, за тридцать верстъ—вотъ тебѣ цѣльныхъ сутокъ и нѣту! да назадъ тридцать—другія сутки прочь! да жди у ево, пока, значитъ, очередь твоя, да какъ ежели еще супротивникъ твой не пришелъ и его, пожалуй, дожидайся; а штрафъ какой, или аресту на тебя наложатъ, а у тебя, можетъ, въ это время сѣно не скошено, хлѣбъ въ полѣ утекаетъ—вѣдь тутъ—и, страсть просто, сколько раззору! Одинъ убытокъ! Для городскихъ

оно точно, разлюбезное дѣло, а для хрестьянъ неспод-ручно."

Вотъ и изволите видѣть, какое ихъ глупое мужицкое на этотъ счетъ разсужденіе! Совсѣмъ ужъ не либерально:—мировыхъ судовъ для себя не одобряютъ. Это конечно прискорбно вамъ, кабинетный мыслитель, но можете утѣшить себя тѣмъ, что въ очевидномъ неудобствѣ мировыхъ судовъ есть и своя хорошая сторона: меньше ссоръ и кляузъ заводитъ промежъ себя станутъ—совсѣмъ наоборотъ съ тѣмъ явленіемъ, которое мы теперь видимъ въ городахъ, гдѣ мировые судьи обременены кучами кляузныхъ дѣлъ, изъ которыхъ каждое начинается пріятною надеждою взыскать и получить «гражданскимъ порядкомъ», то-есть «за безчестіе». Дальность разстояній и проистекающая черезъ это двойная потеря: времени и труда, можно ожидать—на много отобьютъ у крестьянъ охоту судиться изъ за пустячныхъ столкновеній или, что еще хуже, кляузничать изъ своекорыстныхъ разсчетовъ.

Но довольно же мнѣ наконецъ съ моими примѣрами, которые такъ далеко отклонили меня отъ моей тэмы! Впрочемъ, оправдываю себя тѣмъ, что глава эта посвящена мною вообще литераторамъ россійскимъ. Этими наглядными примѣрами я хочу только показать кабинетнымъ теоретикамъ насколько разошлись они съ живою современною намъ дѣятельностью. Мы полемизируемъ и пре-

ломляемъ перья на журнальныхъ турнирахъ исключительно ради собственнаго удовольствія. Многіе кабинетные люди на читающую массу Россіи смотрять какъ на нѣчто взрослое, совершеннолѣтнее, развитое, самосознательное. Это—величайшее заблужденіе, которое только и могло родиться въ головѣ кабинетнаго теоретика. Помилуйте, въ нашей массѣ — повторяю еще разъ — *только что пробуждается охота читать*; ей нужно умственнаго хлѣба и мяса, а вы преподносите ей десертъ философскихъ дисертацій, препирательства объ эстетическихъ отношеніяхъ, Коробочку доброхотную и лукошко глубокомыслія—миндаль и фиги россійской словесности. Этого десерта большинство читающей массы и не разрѣзываетъ. Оно и понятно, потому что читатели наши по преимуществу женщины. Знаете ли, чего требуетъ большинство? Смѣшно сказать, а скрыть не смѣю. Оно требуетъ *сказки* интересной, занимательной *фабулы*. Сколько авторовъ бельлетристическихъ произведеній за послѣдніе годы старались, какъ-бы нарочно исключить у себя всякій сюжетъ, всякій намекъ на какую бы то ни было фабулу. Съ легкой руки г. Н. Успѣнскаго, у насъ возникъ цѣлый циклъ писателей, которые всю свою бельлетристическую сферу ограничили простымъ и какъ бы стенографическимъ копированіемъ разныхъ разговоровъ, раздающихся на улицѣ и дома. Многіе дошли даже до невозможныхъ и совершенно непонят-

*

ныхъ звукоподражаній, которыми у нихъ испещрены цѣлыя страницы. Сюжетомъ и фабулою при этомъ нетолько пренебрегали, но ихъ старательно устраняли изъ бельлетристическаго произведенія. Эти писатели какъ будто щеголяли отсутствіемъ фантазіи и воображенія; а мнѣ кажется, такое направленіе было съ ихъ стороны большою ошибкой: они убивали сами себя, потому что подобныя произведенія, въ концѣ концовъ, положительно и давно уже перестали читаться.

Иное дѣло писать для самоуслажденія и иное дѣло писать для читающей массы, и бельлетристъ, хотя сколько нибудь имѣющій въ виду эту массу, отнюдь не долженъ пренебрегать сюжетомъ и фабулой. Надо знать съ кѣмъ имѣешь дѣло, а бельлетристы русскіе менѣе чѣмъ кто либо могутъ относиться съ пренебреженіемъ къ этому предмету потому что наша русская масса, въ данный моментъ своего развитія, прежде всего требуетъ интересной фабулы, занимательнаго сюжета. Многіе изъ нашихъ повѣствователей точно также заботились прежде о тенденціи, а потомъ уже о сюжетѣ, и это тóже ошибка.

Изберите сперва занимательную фабулу, а потомъ уже, подъ прикрытіемъ ея вводите какую угодно тенденцію— и ваше произведеніе будетъ навѣрное прочтено массой. Подъ прикрытіемъ интереснаго сюжета, тенденція сама собою, такъ сказать, органически и незамѣтно войдетъ

въ сознаніе читателя и сольется съ нимъ. И если до сихъ поръ многіе тенденціозные бельлетристы пренебрегаютъ дѣломъ сюжета и фабулы, то это только потому, что совсѣмъ не знаютъ той массы, для которой они пишутъ. Если масса, столь высокая по своему развитію, какъ напримѣръ, англійская, требуетъ отъ своихъ бельлетристовъ занимательной фабулы, то что же сказать о массѣ русской, въ которой, повторяю еще разъ, только что проснулась охота читать? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, такой фактъ, напримѣръ, какъ преобладаніе «Биржевыхъ Вѣдомостей» на Поволжьи имѣетъ свои весьма простыя основанія: «Биржевыя Вѣдомости» со своими «литературными прибавленіями» — газета очень разнообразная. Она даетъ много читательнаго матеріалу, не пренебрегая статейками чисто литературнаго и притомъ для массы довольно занимательнаго характера. Отъ этого «Биржевыя Вѣдомости» читаются очень много и женщинами, которыя у насъ, какъ я уже сказалъ, являются по преимуществу нашими читателями.

Еслибы вы пожелали представить себѣ самымъ нагляднымъ образомъ весь сумбуръ нашихъ такъ называемыхъ направленій, то это удобнѣе всего можно сдѣлать въ провинціи. Сейчасъ я познакомлю васъ съ однимъ изъ наиболѣе общихъ, наиболѣе распространенныхъ типовъ провинціальнаго читателя. Это—читатель по преимущсетву,

поглощающій не однѣ только повѣсти да романы, но и журнальныя статьи, и газеты, и вообще всякіе продукты нашей газетно-журнальной флоры. Стало быть—замѣтьте—я беру въ образецъ читателя наиболѣе разносторонняго, а съ подобными доводилось мнѣ сталкиваться довольно-таки часто.

Знакомятъ васъ въ обществѣ съ какимъ нибудь господиномъ изъ разряда названныхъ мною читателей. Узнавъ, что вы, въ нѣкоторомъ, родѣ имѣете несчастіе быть литераторомъ,—познакомленный съ вами господинъ, первымъ дѣломъ, стремится тотчасъ же заявить себя передъ вами человѣкомъ современнымъ, развитымъ, прогресивнымъ, и гляди—начинаетъ съ той или съ другой стороны либеральничать. Онъ не можетъ себѣ представить, чтобы литераторъ могъ быть чѣмъ нибудь, кромѣ либерала, а у самаго-то образцы либерализма готовые, «тутэйши», какъ говорятъ поляки, изъ своихъ же акцизныхъ, контрольныхъ, или пароходскихъ либераловъ, возгласы и рѣчи которыхъ онъ слыхалъ неоднократно.

Говоря съ вами, онъ помнитъ постоянно, что говоритъ съ литераторомъ, и потому старается сдобрить рѣчь свою фигуральными выраженіями, видимо заботится объ изысканности этихъ выраженій, причемъ зачастую невпопадъ ляпнетъ вамъ какую нибудь дичайшую фразу, составленную изъ современно-журнальныхъ звуковъ, или

переврет какое либо техническое слово. Подобнаго рода читатель очень любит употреблять, например, такія слова: фракція, фикція, функція, правомѣрность, цѣлесообразность, абсолютно, индивидуально, субъективно, раціонально, комбинація, коэфиціент, прогресія, индиферентизм протекціонизм, фритредерство, тюильрійскій кабинет, и т. п. Этакими-то словечками он и уснащает поминутно свою рѣчь, говоря с литератором.

Я не ошибуся, если скажу, что одною из первых фраз его разговора будет обращенный к вам вопрос:

— А что, «Современник-то»? закрыт?

— Закрыт.

— Да, да!.. закрыт! произносит он со вздохом тихаго, но не безукоризненнаго сожалѣнія: — закрыт, закрыт!.. И «Русское Слово» тоже закрыто?

— И «Русское Слово» закрыто.

Здѣсь слѣдует соболѣзновательное покачиваніе головой и поцмокиванье языком.

— И скажите пожалуйста, за что же это! с выраженіем досады и душевнаго сочувствія восклицает читатель.

— А право, уж немогу вам сказать удовлетворительно.

— Ай-ай ай! Какая жалость!.. Два журнала!.. Вѣдь это два наши лучшіе журнала!!. И за что!.. за что, я вас спрашиваю! Вот, так-то и все у нас на Руси!..

Молодая, свѣжая, цѣлесообразная мысль—сейчасъ ее и хлопсъ!.. безъ всякаго чувства правомѣрности, безъ разбора, безъ вниманія къ тому, что вѣдь есть огромная фракція, которая сочувствуетъ, раздѣляетъ эти воззрѣнія.. наконецъ, и со стороны экономической?.. Вѣдь это, просто, чертъ знаетъ что!.. Ну, а скажите мнѣ, пожалуйста, что теперь Писаревъ?

— Писаревъ?.. право не знаю.

— Ну, нѣтъ,—какъ, что́ онъ?

— Да ничего, полагаю.

— А Антоновичъ?

— И Антоновичъ ничего.

— Такъ ничего?

— Ничего.

— А какія прекрасныя статьи у г. Зайцева-то были!.. Отчего онъ нынче не пишетъ?.. Вѣдь я былъ постояннымъ подписчикомъ „Русскаго Слова...“ Эдакая хорошая, свѣтлая головка!.. И вдругъ эдакихъ-то людей лишаютъ права на слово... Нѣтъ, ей-Богу, это вѣдь чертъ знаетъ что!.. Вѣдь это, батенька, все *тамъ*, все *тамъ!* начинаетъ многозначительно подмигивать вашъ собесѣдникъ;—все въ этихъ, въ высокихъ, во вліятельныхъ сферахъ—это вотъ гдѣ недолюбливаютъ нашей молодежи?

И читатель при этой послѣдней фразѣ взираетъ на васъ такъ, что вы ясно видите, какъ онъ многодоволенъ

собою въ данную минуту, ибо въ душѣ своей убѣжденъ, что сказалъ вамъ нѣчто очень либеральное.

Вы тоже взираете на читателя и думаете, что передъ вами—отчасти наивный, но во всякомъ случаѣ безконечно добродушный адептъ извѣстнаго рода доктрины,—поклонникъ г. Зайцева и „Русскаго Слова“. Съ этой точки зрѣнія вы ужь и приготовились на дальнѣйшее время взирать на вашего новаго знакомца, какъ вдругъ онъ оживленно обращается къ вамъ:

— Ахъ, батенька! Читали вы въ такомъ-то номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ передовую статью?

Вы, напримѣръ, отвѣчаете отрицательно и уже готовы въ душѣ выслушать цѣлый потокъ негодованія противъ редакторовъ и направленія почтенной газеты, какъ вдругъ *„репримандъ неожиданный“!*

— Не читали?! накидывается на васъ читатель—о, батюшка мой, какъ же вы это такъ!.. Прочтите! Непремѣнно прочтите!—Это восторгъ, это прелесть что такое!

Вы все еще въ сомнѣніи и думаете, что собесѣдникъ вашъ иронизируетъ.

— Это вотъ настоящее дѣло! съ энтузіазмомъ восклицаетъ онъ—это—наше русское, родное! Знаете, эдакая трезвая, патріотическая мысль—вотъ именно чего нужно намъ! дай Богъ побольше такихъ журналовъ, такихъ дѣятелей! Пора, пора, батенька, взяться намъ всѣмъ за умъ

и быть русскими! И вслѣдъ за этимъ, читатель разражается дождемъ похвалъ „Московскимъ Вѣдомостямъ", говоритъ о честности и пользѣ ихъ направленія, о томъ, что онъ самъ русскій человѣкъ и чувствуетъ порусски; и противъ поляковъ гремитъ анаѳемой, и кандіотамъ сочувствуетъ, и славянскимъ братьямъ, и заатлантическимъ друзьямъ, и повѣстями г.г. Слѣпцова и Холодова восторгается, и Зайцевъ-то свѣтлая головка, и Писаревъ отлично противъ класическаго образованія написалъ...

Вы слушаете, слушаете,—что за сумбуръ!

Вы сбиты наконецъ съ толку. Что же ты такое въ сущности, мой милый читатель? Подъ какую категорію сочувствователей прикажешь подвести тебя?

Сперва я было думалъ, что натолкнулся на губернскаго остроумца, который прикинувшись простачкомъ, энтузіастомъ, хочетъ немножко помистифировать меня, ради потѣхи своихъ пріятелей;—но нѣтъ, пришлось тотчасъ же убѣдиться въ противномъ и признать въ немъ добродушнѣйшаго смертнаго, который съ равной степенью умиленія и съ равнымъ обожаніемъ относится и къ гг. Писареву съ Курочкинымъ и къ Каткову съ Аксаковымъ и къ Краевскому съ г-жею Мессарошъ. Одинъ только Викторъ Ипатьевичъ Аскоченскій, благодаря „Искрамъ" et tutti quanti остается у него неизмѣнной фабулой, притчей во языцехъ, что впрочемъ не мѣшаетъ этому же са-

мому читателю добросовѣстно исполнять многіе обряды православной церкви и держать въ великомъ посту середы съ пятницами. Это наиболѣе распостраненный типъ усерднаго читателя, который относится къ литературѣ самымъ благодушнымъ образомъ, даже съ весьма большимъ уваженіемъ и очень любитъ читать, но только безъ разбору и безъ отчета пожираетъ весь винигретъ, преподносимый ему россійской журналистикой, находя въ немъ все—равновкуснымъ, и при этомъ вмѣняетъ еще себѣ какъ бы въ обязанность восхищаться и восторгаться всѣмъ этимъ мѣсивомъ нашей литературы. Кого же прикажете винить въ томъ сумбурѣ, который царствуетъ въ головѣ подобнаго читателя? Не есть ли это прямое послѣдствіе того сумбура, который царствуетъ въ самой литературѣ нашей съ ея лагерями, котеріями, направленіями?

Изобразивъ этотъ типъ читателя таковымъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, я отнюдь не думаю винить его, или тѣмъ болѣе издѣваться надъ нимъ.—Далеко нѣтъ! Да и надъ чѣмъ тутъ издѣваться, и что тутъ винить? Читатель этотъ, во первыхъ, благодушный, добрый человѣкъ, во вторыхъ, онъ сохранилъ въ себѣ въ наше далеко невеселое, скептическое время любовь и вѣру въ печатное слово, уваженіе къ печатной страницѣ, къ типографскому станку, и эта вѣра, это уваженіе въ немъ такъ свѣ-

жи и такъ искренни; въ третьихъ, наконецъ, вмѣсто того, чтобы тратить все свое время на стуколку да на рамсъ, онъ читаетъ, хочетъ пріобрѣсти себѣ знанія, развитіе, хочетъ казаться и быть образованнымъ человѣкомъ, а такое почтенное стремленіе, какъ хотите, есть уже положительная заслуга. Не спорю, благоговѣніе это выходитъ у него чѣмъ-то весьма наивнымъ, отзывается милымъ дѣтствомъ; но эти самыя свойства, ежели бы литература наша шла однимъ здоровымъ, трезво-жизненнымъ путемъ— сколь успѣшнѣе и легче поспособствовали бы они правильному, человѣческому развитію и росту этого милаго провинціальнаго читателя! Стало-быть, ни издѣваться надъ нимъ, ни обвинять его, по моему крайнему убѣжденію, никакъ не слѣдуетъ.

Но что же однако доказываетъ этотъ, на первый взглядъ, весьма странный фактъ одновременнаго и равномѣрнаго поклоненія „Русскому Слову“ и „Московскимъ Вѣдомостямъ“, М. Н. Каткову и г. Зайцеву?

По моему опять-таки крайнему убѣжденію, фактъ этотъ доказываетъ только то, что многія изъ нашихъ журнальныхъ направленій и теорій народились у насъ совершенно случайно, самопроизвольно, безъ малѣйшихъ органическихъ требованій, которыя лежали бы въ самой жизни; что эти теоріи и направленія совершенно чужды нашей жизни и даже непонятны для нея во многомъ; что

они суть дѣло кабинетовъ или иногда, дѣло самолюбія, иногда своекорыстнаго разсчета—растеніе, неудачно перенесенное съ западной почвы на русскую, которое по этому никакъ не можетъ правильно привиться къ этой почвѣ и выростаетъ на ней какимъ-то страннымъ, безобразнымъ, уродливымъ грибомъ. Короче сказать, дѣло это—совсѣмъ мертво-рожденное.

Вѣдь, въ сущности, эта провинціальная читающая масса для каждаго незнакомаго съ нею писателя должна казаться весьма странною. Да иначе и быть не можетъ. Для насъ только и существуютъ эти наши «направленія» такъ, какъ мы ихъ понимаемъ. Она же въ этихъ «направленіяхъ» еще не понимаетъ вкусу—ибо покаместь чувствуетъ позывъ на умственную пищу вообще, т. е. ищетъ чтенія. Большая часть этой массы находится въ такомъ положеніи, которое, ради пущей наглядности, я поясню сравнительнымъ примѣромъ:

Въ одномъ городѣ при выборѣ членовъ земской управы, предсѣдатель сдѣлалъ торжественный обѣдъ, на который были приглашены всѣ члены безъ исключенія, а между послѣдними находилось нѣсколько крестьянъ. Обѣдъ готовилъ клубный поваръ, воспитывавшійся на французской кухнѣ. Произведенія этого повара, предоставленныя апетиту господъ членовъ на «земскомъ» обѣдѣ, отличались своимъ изяществомъ, разнообразіемъ и отмѣнно тон-

кимъ вкусомъ, отвѣчая всѣмь требованіямъ и правиламъ франнцузскаго кулинарнаго искуства.

— Ну, что же? хорошо было у васъ на обѣдѣ? спросили при мнѣ одного изъ членовъ-крестьянъ.

— Ужь и какъ хорошо-то! просто любезное дѣло! отвѣчалъ вполнѣ довольный крестьянинъ.

— И здорово поди-ка поѣли?

— Господа—ништо-себѣ, всласть!

— Ну и вы конечно?

— Нѣтъ, мы не тово... отчасти заминаясь, отвѣтилъ крестьянинъ.

— Какъ это, то есть, не тово?

— Не того, значитъ... Мы этта, почитай что голодны вышли, ей-Богу, такъ! Пошли потомъ въ трахтиръ да ужь тамъ сами по себѣ закусили въ мѣру.

— Какъ голодны!.. Неужто же про всѣхъ не хватило?

— Нѣтъ, пищи этой всякой было вдосталь настряпано, а только Христосъ ее знаетъ... вкусу нѣтъ никакого: ни то она прѣсная, ни то иная какая—не разберешь! Кабы этта щей, али кулебяку—ну, это по насъ бы, а то Христосъ съ ей и совсѣмъ! А впродчимъ оченно было хорошо—много довольны! Надо господамъ благодарствовать!

Вотъ совершенно такое же отношеніе имѣетъ и боль-

шинство читающей массы къ «направленіямъ» нашей литературы.

Что же собственно составляютъ для насъ, для этой читающей массы, такъ сказать, «щи и кулебяку», чего она хочетъ, чему болѣе откликается?

А вотъ что:

Есть въ народной массѣ такое же свойство, какъ въ стадѣ, по которому конь не пойдетъ въ стадо барановъ, а потянетъ къ своему конскому табуну. Табунное свойство— иногда очень хорошее и почтенное свойство, благодаря которому русскій человѣкъ, напримѣръ, инстинктивно чувствуетъ себя русскимъ. Это же свойство порождаетъ сознаніе племеннаго и государственнаго единства, и тяготѣніе массы къ этому единству необыкновенно сильно. Масса въ спокойномъ своемъ состояніи, пожалуй, и не всегда сознаетъ его, но въ такія годины, какъ напримѣръ 1812 или 1863 годъ, это чувство пробуждается въ сознаніи массъ необыкновенно быстро и могуче. Имъто и объясняется громадный успѣхъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ 1863 г. Понятно, стало-быть, что направленіе газеты, не идущее въ разрѣзъ съ нашимъ народнымъ русскимъ чувствомъ, но напротивъ служащее ему горячо и честно, будетъ наиболѣе жизненнымъ, органически-правильнымъ, будетъ наиболѣе отвѣчать потребностямъ массы, т. е. служитъ для нея тѣми же насущны-

ми „щами и кулебякой“, которые были столь желательны члену-крестьянину, угощенному французскимъ обѣдомъ. «Биржевыя Вѣдомости», какъ я сказалъ уже, даютъ много читательнаго матерьялу и не оскорбляютъ народно-русскаго свойства — онѣ имѣютъ успѣхъ. «Московскія Вѣдомости» горячо и честно возбуждаютъ въ массѣ ея національное сознаніе—и тоже имѣютъ успѣхъ.

Я прошу читателя не забывать, что если я употребляю слово «масса», то разумѣю подъ нимъ наиболѣе преобладающее большинство; но это отнюдь не исключаетъ возможности весьма значительныхъ уклоненій: въ этой же самой всероссійской массѣ вы найдете очень и очень много почитателей и иныхъ «направленій»: отъ «Русскаго Слова» до «Домашней Бесѣды» включительно. Но все это *не серьезно* до послѣдней степени, какъ только можете себѣ представить. Сегодняшній почитатель «Вѣсти» завтра же побьетъ въ трактирѣ ссыльнаго поляка, за то только, что онъ полякъ. Поклонникъ «Русскаго Слова» и теорій о полнѣйшей свободѣ чувства любви дѣлаетъ женѣ своей невозможныя сцены за то, что на семейномъ вечерѣ въ клубѣ она протанцовала три кадрили съ поручикомъ Новоземлянскаго полка; господинъ, ради «единенія съ народомъ» носящій плисовую поддевку, требуетъ, чтобы кондукторъ пересадилъ его въ другой вагонъ, потому что онъ не можетъ выносить этого мужичья.

Все это, положимъ, мелочи: но вѣдь изъ ряда такихъ мелочей слагается цѣлая жизнь человѣка, полная самыхъ комическихъ противурѣчій между словомъ и дѣломъ.

И такъ, всѣ эти нигилизмы, радикализмы, постепенства консерватизмы и проч. и проч.—все это такъ-себѣ, съ вѣтру наносныя, чуждыя слова, не имѣющія въ себѣ ни малѣйшей серьезности и къ ходу нашей дѣйствительной, заправской жизни не приложимыя.

Что такое наши провинціальные либералы и ретрограды, въ значительномъ большинствѣ своемъ, я уже изобразилъ по мѣрѣ силъ моихъ въ очеркѣ либераловъ и ретроградовъ сольгородскихъ, хотя надо признаться при этомъ, что Сольгородъ совсѣмъ особая статья; но... общаго все-таки будетъ еще достаточно!

Всѣ эти люди въ сферѣ своихъ домашнихъ, частныхъ, торговыхъ, служебныхъ и даже, пожалуй, земскихъ интересовъ, являются людьми очень хорошими, практичными и полезными, но къ литературѣ относятся по своему, совсѣмъ не такъ какъ относится къ ней москвичъ или петербуржецъ, такъ сказать, развращенный до извѣстной степени ближайшимъ соприкосновеніемъ съ міромъ прессы.

На основаніи всего вышесказаннаго мною, я могу слѣдующимъ образомъ охарактеризовать провинціальную читающую массу:

Вопервыхъ: недавно проснувшая охота и потребность читать.

Вовторыхъ: женскій вкусъ, т. е. пристрастіе къ фабулѣ, къ интересному сюжету.

Въ третьихъ: дѣтски-довѣрчивое отношеніе ко всякому печатному слову, уваженіе къ типографскому станку, свойство давно уже утраченное читателемъ столичнымъ.

И наконецъ, въ четвертыхъ: при этомъ довѣрчивомъ уваженіи къ литературѣ вообще, замѣчательный индиферентизмъ относительно журнальныхъ теорій, партій и направленій.

И послѣднее совершенно понятно: ни наша общественная, ни наша политическая жизнь пока еще не даютъ намъ разумной арены, на которой могла бы серьозно проявиться борьба мнѣній и партій, и которая въ сущности одна только и можетъ порождать ихъ органически. Эти партій понятны и примѣнимы къ дѣлу въ общественной и политической жизни Европы, а у насъ на чемъ онѣ выростаютъ? За какіе существенные и органически выросшіе на русской почвѣ интересы и потребности ратовали, напримѣръ, «Современникъ» съ «Русскимъ Словомъ?» послѣ 1860 года? Гдѣ ихъ точка опоры, гдѣ эти насущныя потребности, которыя необходимо вызывали бы это направленіе? Какъ ни всматриваешься въ строй провинціальной (городской и сельской) русской жизни, ниг-

дѣ ихъ не находишь, этихъ потребностей,—ихъ нѣтъ; жизнь идетъ своимъ чередомъ и для этой жизни, неизмѣримо болѣе пользы принесли вещи разумно-отрицательнаго направленія, какими былъ полонъ «Русскій Вѣстникъ» 1856—1860 годовъ, чѣмъ всѣ эти «бей направо, бей налѣво, *авось до чего нибудь* добьешься,» всѣ эти «сапоги выше Шекспира,» статьи г. Зайцева и проч.

Полнѣйшее отсутствіе жизненности этого послѣдняго направленія самымъ наглядным образомъ показалъ 1863 годъ, когда событія въ Польшѣ и западной Россіи да дипломатическія ноты европейскихъ державъ задѣли за живое русское табунное свойство. (Я уже сказалъ, что признаю за этимъ свойствомъ весьма много почтенныхъ и хорошихъ сторонъ). Какихъ, по видимому, неожиданныхъ явленій были мы тутъ свидѣтелями! Вчерашній «другъ угнетенной націи,» столь громко разглагольствовавшій о правѣ на независимость и свободу «несчастной Польши,» сегодня подписываетъ въ числѣ прочихъ адресъ о неразрывности и цѣлости русскаго государства, шлетъ вмѣстѣ съ другими телеграмму графу Муравьеву. И выходитъ, что въ сущности-то онъ—конь того же табуна, т. е. просто себѣ русскій человѣкъ, въ которомъ задѣли за живое чувство его національной самостоятельности; а фразы объ «угнетенной націи» ржалъ онъ такъ-себѣ, съ вѣтру, ни съ того, ни съ сего, что

называется, ради модной красоты слога, ибо для вящаго распространенія въ русскомъ обществѣ этихъ (нынѣ уже далеко не современныхъ) фразъ не мало-таки въ свое время поработали исподволь тайные адепты польской справы.

Этотъ 1863 годъ, дѣйствительно былъ для исторіи русской прессы замѣчательнымъ временемъ въ томъ отношеніи, что тогда, подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ, чуть ли не впервые органически родилось у насъ направленіе, заставившее сгрупироваться около себя массы русскаго народа, и то потому, что направленіе это непосредственно и прямо вытекло изъ потребностей самой жизни и общества.

А какъ вспомнишь, какое въ самомъ дѣлѣ комически-нелѣпое явленіе представляли собою наши тогдашніе соціалисты и демократы съ ихъ сочувствіемъ польской справѣ!

Демократъ и соціалистъ, падающій руку князю Чарторыйскому! Это сочувствіе и обличило только величайшее невѣжество нашихъ демократовъ и соціалистовъ, никакъ не подозрѣвавшихъ, что польская революція исторически зиждется на самомъ закоренѣломъ аристократическомъ принципѣ, со всѣми необходимыми его атрибутами, въ родѣ крѣпостничества и религіозной нетерпимости. И кто изъ господъ литераторовъ не помнитъ, какой страшный переполохъ и неожиданный конфузъ про-

извела въ средѣ нашихъ соціалистовъ извѣстная брошюра о польскомъ вопросѣ, авторомъ которой—негаданно для нихъ—явился демократъ Прудонъ! Да; этотъ переполохъ и это невѣжество, по истинѣ, были весьма и весьма комичны!

Чтобы покончить съ «направленіями», скажу объ этомъ дѣлѣ еще нѣсколько словъ: Въ послѣднее и при томъ самое недавнее время у насъ на Руси начинаетъ проявляться нѣчто, имѣющее значеніе въ смыслѣ «направленія», потому что это *нѣчто* служитъ выраженіемъ идей и стремленій извѣстнаго рода политической партіи. Я разумѣю одну строго послѣдовательную въ своихъ тенденціяхъ газету, появившуяся съ начала 1868 г., которая сразу стала яснымъ, опредѣленнымъ органомъ ополяченнаго дворянства западной Россіи. На этой окраинѣ Русскаго государства, дѣйствительно, идетъ глухая, но неустанная борьба двухъ элементовъ, и органъ, въ которомъ формулировались бы тенденціи, стремленія и потребности одного изъ этихъ элементовъ, является положительной необходимостью. Какова бы ни была тактика подобнаго органа, онъ все-таки выясняетъ положеніе противника и стало быть облегчаетъ самую борьбу, или по крайней мѣрѣ даетъ возможность къ облегченію ея, чѣмъ и необходимо нужно пользоваться къ собственной своей выгодѣ. Тутъ вотъ «направленіе» есть уже дѣло совершенно

понятное и необходимое, потому что оно—дѣло органически-жизненное, выростающее на почвѣ политической борьбы. Чтоже касается до собственно *журнальныхъ* направленій нашихъ, то тутъ надо сознаться, что мы, писатели, только сами себя ими тѣшили. Народили мы ихъ въ своихъ кабинетахъ и самообольстительно возмечтали будто они суть нѣчто жизненное, а произошло это оттого, что мы совершенно не знали нашей читающей массы, обманчиво принимая за нее столичную «публику». Повторяю это паки и паки, ибо слова мои суть плодъ безпристрастнаго и внимательнаго наблюденія надъ отношеніемъ этой массы къ нашей литературѣ. Жизнь идетъ себѣ мимо муравейниковъ нашихъ направленій, которые кажутся намъ египетскими пирамидами, и не замѣчаетъ ихъ, или же по крайней мѣрѣ относится къ нимъ совершенно безразлично, какъ къ чему-то постороннему, и вовсе до нея неотносящемуся.

Итакъ, вскую же шаташася языцы!

Я надѣюсь, что мои литературные собраты, а также и ты, мой читатель, скорѣе и легче повѣрите мнѣ, если я скажу, что провинція интересуется бельлетристическими произведеніями (вобще наиболѣе въ ней читаемыми), по

преимуществу со стороны скандала. Что слова мои на много справедливы, я надѣюсь, многіе изъ васъ, господа, знаютъ это по собственному опыту.

Провинція особенно любитъ интересную фабулу, имѣющую основаніе въ нашей дѣйствительности, и преимущественно почерпнутую авторомъ изъ какихъ либо замѣчательныхъ, въ томъ или другомъ отношеніи, сферъ столичной жизни и столичнаго общества. Такъ напримѣръ, когда опубликовалось дѣло о московскомъ студентѣ Даниловѣ, то большинство въ провинціи было положительно убѣждено, что Раскольниковъ въ романѣ «Преступленіе и наказаніе» есть никто иной, какъ этотъ самый студентъ Даниловъ и что сюжетъ романа Ѳ. М. Достоевскій почерпнулъ именно изъ Даниловскаго дѣла. Такое убѣжденіе засѣло въ провинціи столь прочно, что никто почти не хотѣлъ принимать въ соображеніе того простаго обстоятельства, что начало романа появилось гораздо раньше, чѣмъ Даниловъ совершилъ свое преступленіе.

Предметомъ немалаго любопытства является также нигилизмъ. Объ этомъ предметѣ очень и очень многіе имѣютъ самыя сбивчивыя, неясныя понятія. Толкуютъ о немъ и вкривь, и вкось, а съ положительной стороны никакъ не умѣютъ опредѣлить что́ это, и въ самомъ дѣлѣ, за странный звѣрь, этотъ нигилизмъ пресловутый. Семинаристъ съ кругу сопьется—«это, говорятъ, нигилизмъ». Чи-

новникъ захватитъ частицу казенныхъ денегъ и удеретъ въ Англію—и это, говорятъ, тоже нигилизмъ. Мужъ жену свою бьетъ, жена мужа — «помилуйте! вопіютъ, да это чистые нигилисты: у нихъ цѣлый день драка!»

Бывали случаи, когда меня спрашивали: — «Скажите, пожалуйста, что это у васъ тамъ за нигилизмъ такой? Что это такое?» Правда ли, что въ нигилизмъ *постригаются*, въ родѣ того, какъ въ монахи? Что это, секта какая религіозная, или что?

И вотъ оттого-то, что въ русской провинціальной массѣ понятіе о нигилизмѣ весьма еще смутно, а между тѣмъ ежедневные толки объ немъ въ журналистикѣ возбуждаютъ къ нему не малый интересъ, то всякая повѣсть, гдѣ нигилисты являются героями, читается съ необыкновеннымъ интересомъ и даже, можно сказать, съ жадностью. «Отцы и Дѣти» читаются и до сихъ поръ. Но какъ въ Базаровѣ, такъ и въ каждомъ другомъ героѣ большинство непремѣнно стремится усмотрѣть нибудь *личность*. И такъ во всемъ. Вышелъ, напримѣръ, Тургеневскій „Дымъ“ — большинство стремилось прежде всего и больше всего разузнать кто это такіе генералы, кто такая Ирина, чья гостинная изображена въ концѣ повѣсти? О художественныхъ сторонахъ этого произведенія, объ идеѣ безотрадной и горькой, которая столь мучительной болью вырвалась изъ души автора — объ этомъ ни полслова.

— Правда-ли, спрашиваютъ, что Ирина—это такая-то?

— Не знаю.

— А генералы? вѣдь это, говорятъ, такой-то и такой-то?

— И про генераловъ не знаю.

— Ну, какъ не знаете! Сами писатель, значитъ, знаете, да только сказать не хотите!

Ну, что прикажете отвѣчать на такіе наивно-простодушные вопросы и заключенія?

— А скажите, пожалуйста, съ кого это Тургеневъ списалъ Базарова?

— Ни съ кого, пологаю. Просто, типъ.

— Ну, нѣтъ, вѣроятно списалъ съ кого нибудь. Правда-ли это — мы слыхали, будто онъ списалъ съ Боголюбова?

— Съ какого Боголюбова? Никакого Боголюбова не знаю.

— Ну, какъ не знаете!.. Боголюбовъ! тотъ что еще въ «Современникѣ» критики писалъ.

— То есть, вы хотите сказать съ Добролюбова.

— Ну, да, да! Съ Добролюбова!.. Боголюбовъ и Добролюбовъ—это, знаете, такъ похоже.... не трудно ошибиться... Такъ это съ него?

— Не думаю, потому что сколько слышалъ, Добро-

любовъ на Базарова не походилъ—по крайней мѣрѣ наружностью.

Распрашиватель умолкаетъ, но я вижу, что въ душѣ онъ всетаки убѣжденъ, будто Базаровъ—это Добролюбовъ и будто я знаю, да только почему-то сказать ему не хочу объ этомъ.

А Боже мой,—сколько разъ приходилось мнѣ по поводу «Петербургскихъ Трущобъ» увѣрять, что семейство Шадурскихъ и многіе иные герои этого романа ровно ни съ кого не списаны. Въ отвѣтъ мнѣ только улыбались сомнительно, да головой кивали, дескать, толкуйте, знаемъ мы васъ!

Такого рода интересъ къ литературнымъ произведеніямъ, я называю интересомъ со стороны скандала. Но это все-таки наглядно показываетъ, насколько провинція занята столицей и ея сферами. Оно впрочемъ и не мудрено, ибо Петербургъ не знаетъ провинціи, провинція не знаетъ Петербурга, а времена переживаемъ мы теперь такія, когда и тотъ и другая необходимо должны интересоваться другъ другомъ, въ силу общаго хода и движенія русской жизни.

Но всего курьезнѣе, всего неожиданнѣе бываютъ иногда продѣлки по части «благодѣтельной гласности», или провинціальнаго «обличенія».

Въ одномъ изъ большихъ попутныхъ городовъ будятъ

меня однажды утромъ и докладываютъ, что желаетъ видѣть меня мѣстный офицеръ... «Чертъ возми! думаю себѣ, — чтó бы сей сонъ могъ означать, и на какую потребу нужно ему меня видѣть?» Посѣщеніе, не скажу, чтобы особенно пріятное, однако нечего дѣлать: предположивъ въ немъ какое либо касающееся до меня дѣло безотлагательной надобности, я всталъ и поспѣшилъ одѣться, недоумѣвая о причинахъ такого страннаго визита.

Но представьте же вслѣдъ за этимъ мое необычайное изумленіе, которое, признаюсь, въ теченіе всего визита возрастало все болѣе и болѣе.

Входитъ развязной походкой военный господинъ—въ лицѣ наипріятнѣйшая, игривая улыбка, — раскланивается, съ истинно военною граціей, придерживая свою лязгающую саблю и—брякнувъ отчетисто звучными шпорами, начинаетъ говорить мнѣ чуть-чуть смущеннымъ голосомъ:

— Всеволодъ Владиміровичъ... позвольте имѣть честь... Я такъ горячо люблю и уважаю русскую литературу... Мое давнишнее желаніе было — видѣть и познакомиться съ кѣмъ нибудь лично изъ русскихъ литераторовъ... Наконецъ, судьба столь милостива ко мнѣ, что доставила этотъ счастливый случай!.. Позвольте рекомендоваться:— такой-то..

«Э! такъ вотъ оно что! думаю себѣ:—это что-то ново!»

Ну, тутъ конечно, какъ водится, необходимое рукопожатіе и обычное «прошу садиться».

Усѣлся мой баринъ и смотритъ на меня сладостнымъ взоромъ: россійскаго литератора, значитъ, умильно созерцаетъ.

— Вы не повѣрите, начинаетъ онъ, наконецъ, съ какимъ-то сладко-разслабленнымъ вздохомъ: — вы не повѣрите, почтеннѣйшій Всеволодъ Владиміровичъ, какъ я радъ, что наконецъ-то кому нибудь изъ нашихъ писателей вздумалось посѣтить нашъ городъ... Нашъ городъ вѣдь забытый, далекій (приличный вздохъ). Вы знаете ли, я вамъ скажу — вы необыкновенно кстати пріѣхали къ намъ! Ваше посѣщеніе именно въ настоящее время, быть можетъ, нужнѣе для насъ, чѣмъ когда либо. (Таинственно-многозначительный взглядъ).

«Это еще что такое?» думаю себѣ.

— Да-съ! я вамъ доложу, продолжаетъ мой гость, — не тамъ, не въ Петербургѣ, а вотъ у насъ, такъ ужь именно что можно сказать — настоящія трущобы! Да-съ; вотъ гдѣ онѣ, истинныя-то трущобы! Если вы возьмете на себя трудъ написать, такъ я вамъ многое и многое могу сообщить. Безъ преувеличенія скажу: останетесь благодарны! Помилуйте, еслибъ вы знали, что только у насъ дѣлается! Какія мерзости творитъ наша администрація— и высшая и низшая! Нѣтъ, нѣтъ, почтеннѣйшій Всево-

лодъ Владимiровичъ, ей-Богу, вы необыкновенно кстати посѣтили насъ!

Офицеръ съ энтузiазмомъ даже вскочилъ со своего кресла.

— Но нѣтъ, клянусь вамъ честью, еслибъ вы только могли знать, что это такое наша администрацiя! что за произволъ здѣсь господствуетъ! Какiя дѣла тутъ дѣлаются! Общественныя права попираются! Да-съ, общественныя права попираются! Цивилизацiя гибнетъ-съ! Только пока въ одной Россiи и возможенъ этакiй произволъ, надо съ грустью сказать вамъ; а если бы это въ Англiи или въ Америкѣ, такъ тамъ бы... да нѣтъ, ужь куда намъ до Англiи! Куда намъ!..

И гость мой снова опускается въ кресло, на этотъ разъ уже со вздохомъ грустно и томно-разслабленнымъ, и заложивъ ногу на ногу начинаетъ передо мною либеральничать, и либеральничать эдакъ самымъ паршивенько-мизернымъ, гнусненькимъ и минорно-плаксивымъ либерализмомъ въ разбитомъ и ноющемъ тонѣ, словно бы его, сердечнаго, побили, обидѣли сейчасъ, такъ что даже тошно становится. И это тихое, либеральное причитанье сопровождается ежеминутно грустными взглядами, безнадежными вздохами и скорбными киваньями головой, ну вотъ ни дать, ни взять, какъ сухопаренькая старушонка, которая ноетъ и кукситъ передъ вами о миломъ сердцу

покойникѣ. И идетъ это нытье все на ту же скучную и безцвѣтную тему, что, молъ, помилуйте, какъ у насъ, да что это у насъ дѣлается, да вотъ если бы это въ Англіи, или тó-ли дѣло Америка. а мы-то, мы-то!.. Куксить мой гость на эту тéму уже гораздо болѣе часу, поясняя свои причитанія нѣкоторыми примѣрами мѣстной административной жизни, въ родѣ уже выше разсказанныхъ мною; а я себѣ сижу, да слушаю по неволѣ, все еще недоумѣвая, къ чему все это и куда оно клонитъ?

— Я вамъ скажу, что здѣсь только и есть одинъ порядочный человѣкъ, продолжаетъ между тѣмъ гость,— это именно *нашъ*.. нашъ полковникъ... знаете эдакой умница, свѣтлая головка, современный, знаете, человѣкъ съ современными идеями, и служитъ не изъ прибыли какой, а только, такъ сказать, изъ принципа, изъ благороднаго безкорыстія... Это именно, можно сказать, одна безкорыстная любовь къ мундиру! И если бы не онъ, тутъ была бы Монголія! Онъ одинъ только охраняетъ интересы общества и цивилизаціи... Могу сказать, бдитъ на стражѣ прогреса и мирнаго преуспѣянія. А не будь его—Боже мой, да что бы здѣсь дѣлалось!

Офицеръ очевидно старался говорить книжными фразами, ибо непрестанно памятовалъ, что говоритъ съ литераторомъ. Я почти съ буквальной точностію передаю его фразы.

— Да, да, почтеннѣйшій Всеволодъ Владиміровичъ, вы только послушайте меня, я вамъ еще и не то поразскажу! Вы бы знаете что́? вѣдь у васъ вѣроятно есть эдакая записная дорожная книжка... какъ водится это, для впечатлѣній разныхъ... ну, и летучихъ замѣтокъ; такъ вы бы эдакъ всѣ-то мои фактики и заносили въ свою тетрадочку—вѣдь вамъ оно навѣрное пригодится. Матеріалъ, я вамъ честью клянусь, богатѣйшій! богатѣйшій матеріалъ! Да даже знаете что́! Ужь такъ, признаться сказать, вѣдь я къ вамъ даже съ нѣкоторой цѣлью пришелъ... Ужь вы извините меня!.. Но вотъ, лучше всего, позвольте... гораздо короче будетъ...

Офицеръ нѣсколько замялся, пріятно сконфузился и при этомъ не менѣе пріятно осклабился, а затѣмъ полѣзъ въ боковой карманъ своего сюртука и досталъ оттуда сложенную тетрадку.

— Вотъ, потрудитесь, пожалуйста, взглянуть и пробѣжать... это не долго-съ!

— Что же это такое?

— А вотъ увидите! Такъ сказать наше мѣстное произведеніе.

Я развернулъ это мѣстное произведеніе и сталъ читать. Это былъ одинъ изъ самыхъ безстыдныхъ пасквилей, который въ дикихъ и безграмотныхъ виршахъ изображалъ одно властное лице, его дѣянія и даже его су-

пругу. Признаюсь откровенно, мерзѣе мнѣ рѣдко что удавалось читать и видѣть.

Я молча возвратилъ тетрадку по принадлежности.

— И такъ, Всеволодъ Владиміровичъ, чтó вы на это скажете?

— То есть, что же сказать вамъ?

— Насчетъ стиховъ... Каковы стихи-то?

— Да, прекрасные стихи!

— Именно! именно, я вамъ скажу, единственные! Ядовитые стихи! И знаете, этой... современности много,

— Да, и современность есть.

— Это одинъ мой короткій пріятель сочиняетъ... Но скажите мнѣ откровенно... Только, пожалуйста, откровенно!.. Могутъ быть эти стихи напечатаны?

— Отчего же нѣтъ?

— Такъ напечатаютъ?!

— Вѣроятно напечатаютъ.

— О! Это будетъ превосходно! Вотъ кстати отхлещемъ-то! Помогите намъ!

— То есть... какъ же это помочь вамъ?

— А вотъ какъ!

Офицеръ подвинулся ко мнѣ и сталъ говорить таинственнымъ тономъ:

— Мы хотимъ отправить эти стихи въ „Искру“... Благородный журналъ, я вамъ скажу! Честный, прекрас-

ный журналъ!.. Я его отъ души уважаю!.. Если бы намъ такихъ-то вотъ журналовъ да побольшѣ бы, такъ я вамъ скажу, не то бы у насъ было! Жаль, что въ нашемъ-то городѣ нынче онъ почти совсѣмъ не распространенъ прежде очень многіе получали, а нынче—чертъ ихъ знаетъ—равнодушіе какое-то, апатія... Вѣдь у насъ и все такъ: «Будильникъ», напримѣръ: объявленіе вышло—носился, носился съ нимъ и къ тому, и къ другому — не подписываются, а «Страходума» какого-то, чертъ его знаетъ—три нумера въ городѣ вдругъ получается. Нѣтъ, по правдѣ сказать, скоты! своихъ не поддерживаютъ: брюхо да карманъ, а не прогрессъ на первомъ планѣ!

Офицеръ на минуту остановился перевести духъ, мечтательно вздохнулъ, не безъ томности глядя въ пространство и саркастически улыбнулся.

— Такъ вотъ какъ, Всеволодъ Владиміровичъ, продолжалъ онъ, пріятно осклабясь и ловко подзвякнувъ шпорами:—мы эти самые стихи намѣреваемся отправить въ «Искру»... Если бы вы были столь любезны и потрудились бы написать при семъ отъ себя маленькое письмецо въ редакцію, что вы эту рукопись читали и вполнѣ ее одобряете.

«Эге!.. такъ вотъ оно что!» думаю я про себя.

— Извините, говорю,—но въ этомъ случаѣ никакъ не

могу быть вамъ полезенъ: я ни съ однимъ изъ этихъ господъ не знакомъ.

— О, Боже мой, да это, помилуйте! это, полагаю, ровно ничего не значитъ! съ живостью перебилъ офицеръ.— Вѣдь вотъ къ примѣру сказать, *у насъ* тоже: я, напримѣръ, вовсе незнакомъ съ тамбовскимъ или пензенскимъ офицеромъ, и въ глаза другъ друга не видѣли, однакожь въ случаѣ надобности, пишешь иногда; ну—и они тоже пишутъ, отвѣчаютъ и принимаютъ свѣденія; вѣдь и у васъ, полагаю, тоже самое. Литераторъ литератора по роду дѣятельности и заочно знаетъ; а это, такъ сказать, взаимно дружественный обмѣнъ чувствъ и мыслей! Да вотъ, чего вамъ лучше! Про себя скажу!

Офицеръ еще ближе подвинулся ко мнѣ, съ выраженіемъ нѣкоторой таинственности и съ такой скромно-злодѣйски-хитрецкой улыбкой, которая ясно говорила, что вотъ, молъ, знай, да раскуси-ко нашихъ, каковы мы есть!

— Хотя я, говоритъ, конечно, и не литераторъ, но иногда кое-что, знаете, эдакъ рѣшался пописывать—больше все эдакъ фактики, фактики знаете, интересные изъ нашей мѣстной жизни. Конечно, тутъ небыло ни слогу, ни изящества этого, обработки тамъ, ну и прочаго, однако же я ихъ пересылалъ... и вотъ именно въ «Искру» (при этомъ въ его глазахъ блеснуло маленькое самолюбиво-гордое сознаньице). И господинъ Курочкинъ, спасибо

ему—пользовался! Пошлешь этакъ, а недѣльки черезъ три, смотри, ужь и пропечатано .. конечно, въ обработанномъ видѣ, остроумія, знаете, перчику этого подпущено... И какой же переполохъ у насъ это дѣлало! хе, хе, хе!.. то есть просто умора, я вамъ скажу!.. Они себѣ мечутся, добиваются узнать кто и какъ написалъ, ко мнѣ же обращаются, дурачье эдакое: вамъ, говорятъ, лучше знать, розыщите, это по вашей спеціальности; а я себѣ ни гу-гу: моя хата съ краю, ничего не знаю! хе, хе, хе!.. Нѣтъ, ей-Богу, спасибо, истинно русское великое спасибо господину Курочкину! Онъ много, много добра намъ дѣлаетъ (Эти слова офицеръ произносилъ съ чувствомъ и даже поднявшись съ мѣста). Первый разъ, что буду въ Питерѣ, первымъ долгомъ поставлю явиться къ нему и, что называется, въ ножки поклониться, руку пожать ему... Ну, и все же, какъ хотите, болѣе или менѣе сотрудникъ ему выхожу, хоть и маленькій, а все-таки сотрудникъ. Да, это истинный патріотъ! И я, могу сказать, истинно горжусь тѣмъ, что съ своей стороны могъ принести посильную пользу его дѣлу. Такъ вотъ, видите-ли, почтеннѣйшій Всеволодъ Владиміровичъ, перебилъ самъ себя мой гость, съ новымъ вздохомъ возвращаясь къ старой темѣ,—эти стихи мы бы, конечно, и такъ могли отправить, по прежнимъ примѣрамъ; но... видите-ли, тамъ была проза, и притомъ одни голые фак-

ты, а здѣсь уже—поэзія... и въ этомъ случаѣ, ваше предварительное одобреніе, какъ мнѣніе извѣстнаго литератора, намъ было бы очень полезно... они тѣмъ болѣе съ удовольствіемъ напечатали бы.

Я попытался было растолковать моему гостю, что если онъ читатель и даже почитатель «Искры», то очень хорошо долженъ знать, что мое мнѣніе тамъ никакого значенія въ пользу его имѣть не можетъ.

— Это вы на счетъ руготни-то? догадливо домекнулся мой собесѣдникъ:—о, помилуйте, да вѣдь мы хоть и провинціалы, а тоже кое-что понимаемъ! (Онъ опять съ хитрецóй многозначительно подмигнулъ глазкомъ). Вы думаете, что мы и взаправду принимаемъ, будто вы тамъ всѣ, господа, на ножахъ между собою? хе, хе, хе!.. Нѣтъ-съ, вѣдь мы тоже знаемъ, что часто тамъ вы на бумагѣ враги, а въ жизни сходитесь пріятелями: я вотъ, молъ, на тебя то-то написалъ, а я на тебя то-то... Такъ вѣдь? Да это вѣдь и у насъ точно также: зачастую, случается, пишешь тамъ въ постороннее вѣдомство какой нибудь отзывъ или отношеніе и такихъ тамъ шпилекъ подпустишь, что просто Господи упаси! Словно какіе тигры бенгальскіе на бумагѣ сражаемся,—право! а вечеркомъ сойдемся въ клубѣ и—друзья! Сами же хохочемъ надъ бумагами.

— Такъ вотъ видите-ли, я ужь вамъ, такъ и быть, скажу по секрету, продолжалъ межъ-тѣмъ мой собесѣд-

никъ:—для насъ необыкновенно важно, чтобы эти стихи были напечатаны поскорѣе, и именно теперь, а не позже. Я вамъ говорю, не-обык-но-венно важно! Видите-ли, почему... только чуръ!—секретъ прежде всего!.. Мы объ этомъ самомъ господинѣ, о которомъ тутъ пишется, посылаемъ докладъ... вы понимаете—въ Питеръ?.. Такъ это будетъ прекрасно, если одновременно съ нашимъ докладомъ появится статейка и въ «Искрѣ». Теперь вы понимаете, какое огромное значеніе это имѣетъ?

Я возразилъ моему гостю, что положительно не понимаю стараній его на счетъ «Искры», если онъ имѣетъ ближайшую и притомъ болѣе достигающую цѣли возможность дѣйствовать непосредственно путемъ извѣстныхъ докладовъ, что по моему мнѣнію, «Искра» тутъ ровно ни причемъ.

— Э, нѣтъ, не говорите! перебилъ онъ меня:—не судите такъ легко! Напротивъ, весьма и весьма «причемъ!» теперь вѣдь не прежнее время, теперь намъ нужна поддержка общественнаго мнѣнія, мы хотимъ, чтобъ и общественное мнѣніе было за насъ. Помилуйте, если мы стоимъ на стражѣ общественной жизни, спокойствія и государственныхъ интересовъ, если мы наблюдаемъ, чтобы всѣ благія либеральныя и прогресивныя мѣры не встрѣчали себѣ препятствія въ примѣненіи, то понятное дѣло,

что мы въ правѣ желать себѣ поддержки. Мы, какъ и вы же, борцы—борцы за наше общее дѣло; я могу сказать это съ гордостью; но теперь мы, то есть *мы*-то собственно, къ сожалѣнію, почти одиноки... Въ литературѣ у насъ какой-то разладъ, нѣту дружной поддержки, нѣту этого главнаго, общаго камертона, который, такъ сказать, дисциплинировалъ бы весь хоръ... А вотъ еслибы мы и литература шли рука объ руку — о, тогда бы, посмотрите, какая силища образовалась бы!.. Тогда и Европа не такъ бы заговорила! Да-съ, намъ именно необходима теперь поддержка литературы и общественнаго мнѣнія! И если который изъ всѣхъ журналовъ вполнѣ понялъ это, такъ это, мнѣ кажется, именно одна только «Искра».

Гость мой долго еще распространялся на эту тему и долго сообщалъ разные анекдотцы изъ мѣстной жизни, кажись, вовсе позабывъ о томъ мудромъ изреченіи, которое гласитъ, что «посидятъ, посидятъ да и уходятъ.» Надоѣлъ онъ мнѣ хуже послѣобѣденной іюльской мухи, такъ что я долженъ былъ наконецъ прямо заявить ему, что хотя его посѣщеніе мнѣ и весьма пріятно, но... но... но къ сожалѣнію, не могу болѣе удѣлять ему моего времени и т. д. Что же касается до пасквильныхъ стиховъ, то вѣроятно они были посланы по прямому своему назначе-

нію и вѣроятно мой офицеръ съ жадностью теперь развертываетъ каждый номеръ достолюбезнаго ему журнала, въ чаяніи обрѣсти тамъ единственное въ своемъ родѣ произведеніе своего пріятеля; а можетъ быть, уже и обрѣлъ— не знаю.

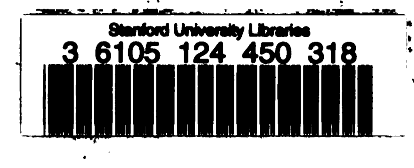
ОГЛАВЛЕНІЕ.

На Западѣ.

ПАНЪ ПШЕПЕНДОВСКІЙ.

На Востокѣ.

СОЛЬГОРОДЪ.

Stanford University Libraries
3 6105 124 450 318

